

ЛЕВ ЦИТОЛОВСКИЙ

ГАНГРЕНА СОЮЗДА

Лев Цитоловский

Гангрена Союза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70438381

SelfPub; 2024

Аннотация

Главного героя романа Тенгиза с юности волновало, как сознание образуется внутри нас, заставляет действовать и вступать в контакты с другими. Но ему не хватало знаний, он поступает в институт и находит там друзей и товарищей по интересам. Забота о собственных проблемах приводит к образованию групп, которые иногда приобретают характер шаек, а иногда – команды единомышленников. Тенгиз и его друзья пытаются решить проблему не только теоретическим, но и экспериментальным путем: они вбрасывают в заранее выбранную группу важную для неё информацию и отслеживают поведение. Но вот они встретились с пертурбацией гигантского масштаба, страна распалась на несколько независимых государств. Распад был воспринят по-разному в России и в республиках. Перелом был осложнен переходом на базарные рельсы. Изменились моральные критерии, пересмотрен пантеон народных героев.

Содержание

Гангрена Союза	6
1. Социология на тротуаре Тверской	6
2. Тенгиз и его окружение	10
3. Внешняя студенческая среда	14
4. Энтузиазм на коленях	18
5. Испытание Ричардом Фейнманом	24
6. Коллективный Демиург: Тенгиз, Катя, Юля, Соков, Витя	29
7. Гимн хаосу и смерти	34
8. Витя и Катя – умельцы	41
9. Катя на ковре	47
10. Подкоп под пропаганду	52
11. Неудавшаяся месть Сокова	54
12. Парадоксы русской души	64
13. Атака на Катю	69
14. Компромат на Тенгиза	73
15. Лекарство от корысти	75
16. Гласность – это больно	79
17. Боссы перенацеливают цели	84
18. Черная метка Тенгизу	90
19. Бомба под Катю и Витю	96
20. Тени солнечной Грузии	102
21. Этнические особенности трудового	106

энтузиазма

22. Как приживался Петрович	111
23. Тина ведает Катей	113
24. Курс молодого борца в беседке	116
25. Дядя Ваню	121
26. Мама – это папа	124
27. Побег	127
28. Грузия бурлит	133
29. Тенгиз и Катя ищут выход	136
30. Саперные лопатки	141
31. Мегрельский бунт	145
32. Плоды независимости	151
33. Сплошная приватизация	154
34. Трудовые фронты свекрови	160
35. Прощание с Петровичем	165
36. Витя зовет на помощь	168
37. Общественные проводы в дальний путь	171
38. Империи бывают разные	174
39. Студенты эры капитализма	181
40. Катя провоцирует бунт	183
41. Переход на базарные рельсы	186
42. Друзья в структурах	191
43. Возмездие Сокову	193
44. Проверка системы на вшивость	196
45. Подпольная спецслужба Тенгиза	200
46. А моральны ли вожди?	203

47. Примирение с Тиной	208
Война и воля	209
1. Конфуз победы	209
2. Красные и Алые	212
3. Расхождение показаний	216
4. Без опеки взрослых	222
5. Игрушечная победа	227
6. Вызов	232
7. Побеждают более суровые	236
8. Вкус победы	240
9. Один против всех	246
10. Освобождение	250

Лев Цитоловский

Гангрена Союза

Гангрена Союза

1. Социология на тротуаре Тверской

К моменту окончания школы Тенгиз Пагава уже заработал море уважения в своем городишке, и для этого ему не приходилось прилагать усилий. Так получалось, что любой его собеседник, даже и вполне взрослый, по какому угодно вопросу имел такое же мнение, как и Тенгиз. И не нужно думать, что Тенгиз ловко подстраивался к оппоненту, совсем нет, он всегда говорил лишь то, что считал на самом деле. Но был он крайне убедителен, хотя и не стремился убедить специально. Он вовсе и не преследовал такой цели, просто так обычно получалось. После объяснений Тенгиза, человеку начинало казаться, что он и сам всегда так думал, и это было для участника беседы вполне безопасно, Тенгиз никакой выгоды из этой своей особенности не извлекал. Его с детства интересовали закономерности взаимоотношения людей. Он хорошо понимал, что каждый внутри себя сложно устроен, а все вместе образуют хитросплетение премудростей. Но се-

рьёзно раздумывать над этим пока не стоило, ему не хватало знаний, нужно было их вначале пополнить, и поэтому он собрался в Москву, на учёбу.

Была середина 80-х годов, страна меняла генсеков. Жители Колхиды пока еще могли посещать Москву без визы. Тенгиз Пагава прибыл из Поты, маленького портового и промышленного города на берегу моря, без туриндустрии и поэтому малолюдного. Целью Тенгиза была не Москва, а город Долгопрудный, в Подмосковье. А если быть еще более точным, то его интересовал Институт, который готовил, как считалось, опору оборонительного щита страны. Институт искал таланты в школах мегаполисов и на периферии. Абитуриенты проходили жесткий отбор. Девушки преодолевали это препятствие редко, но поступившие ни в чем не уступали ребятам. Здесь Тенгиз и собирался получить образование. Его интересовало, почему люди в толпе ведут себя не так, как вёл бы себя каждый в отдельности. Он надеялся, что разгадка привела бы не только к прогрессу в интеллектуальной активности людей, но и к установлению правильных отношений между ними.

Тенгиз, весь багаж которого состоял из портфеля, долетел на одномоторном «кукурузнике» до Сухуми, пересел на реактивный лайнер и приземлился во Внуково. Потом рейсовый автобус высадил его на площади у Большого театра, на том же месте, где и в первый раз, когда он приехал сдавать экзамены. Тогда ему было не до прогулок, впереди были су-

ровые испытания. Поэтому сейчас, прежде чем двинуться в Долгопрудный, Тенгиз решил ознакомиться с Москвой, хотя бы поверхностно. Тут всё было непривычно и требовало осмотра.

Он прогулялся по Охотному ряду, тогда это был проспект Маркса. На противоположной стороне стоял памятник основоположнику коммунизма, на голове у него сидел голубь мира. «Как будто специально дрессировали», иронично подумал Тенгиз. Он свернул направо и оказался на тротуаре Тверской (тогда – улица Горького). То, что он увидел на тротуаре, повергло его в шок. Плотный поток людей несся вниз. Столь же мощный людской поток несся в противоположную сторону. Оба потока пронизывали друг друга, не сталкиваясь и не теряя направления своего движения. Тенгиз встроился в ту часть потока, которая устремлялась вниз. Для этого не требовалось бежать, достаточно было идти быстрым, деловым шагом, люди не разговаривали друг с другом и даже не обменивались репликами. Так он дошагал до конного памятника Юрию Долгорукому. Здесь он остановился и присоединился к противоположной лавине, она была столь же напряженная и деловая. Тенгиз не понял, что творится. В Поти по тротуарам ходили не спеша, пешеходы здоровались, останавливались поговорить. Здесь, ясное дело, люди друг с другом не могут быть знакомы. Но что за аврал? Конечно, Тенгиз видел и толпы людей. Это было на демонстрациях, свадьбах, во время похоронных процессий или на митингах.

Но там никто никуда не спешил, все были торжественно одеты и значительны.

Тенгиз догадался, что в Москве что-то случилось, люди куда-то бегут, может быть, спасаются, а он не понимал, куда и зачем. Он был не робкого десятка, и попробовал выяснить у встречных, что происходит. Но те спешили мимо, им было не до него, до них не доходило, что волнует молодого кавказца. Наконец, Тенгизу посчастливилось привлечь внимание худощавого юноши с порывистыми движениями, скорее всего, студента, и спросить, куда все спешат и что произошло. Тот с трудом понял вопрос и растолковал, что все идут по своим собственным делам, кто куда, а народу много, потому что это середина Москвы и куда бы человек ни направился, приходится пересекать центр. Тенгиз тут же осознал свой промах, тем более, что это было как-то связано с проблемой, которая давно его волновала: людей очень много, а направлений на тротуаре всего два и никто не слоняется бесцельно, кроме него самого. Он долго никому не рассказывал об этом своем проколе и только потом стал относиться к своему провинциальному замешательству с юмором.

2. Тенгиз и его окружение

Близость столицы влияла на жизнь обитателей Подмосковья, они поневоле испытывали некоторую свою ущемленность. Чем ярче центр, тем более тускло захолустье. Кроме того, езда на работу и за продуктами в шумных и обшарпанных электричках оставляла след на облике пассажира, и москвичи могли, по внешнему виду, распознать жителя пригорода.

Помимо Института, в Долгопрудном было мало примечательного, ничего, что отвлекало бы от учебы, рядом леса и канал Москва. С местными жителями не сближались. Не нарочно, не было повода. Чтобы расслабиться, время от времени тащились в столицу. Час – туда, два – на расслабление и час – обратно.

Среди первокурсников почти отсутствовали принятые поблату, а когда кто-нибудь все-таки решался использовать протекцию для поступления, его отчисляли после первой же сессии, потому что невозможно договориться с каждым из экзаменаторов. Студенты гордились тем, что их почитали интеллектуальной элитой и старались соответствовать. Обучение протекало, в значительной степени, индивидуально. Это удачно сочеталось с тем, что каждый здесь привык считать самого себя особенным еще со школы: всё это, сплошь, были когда-то первые ученики и прежде не знали соперников.

Многие еле смирились с утратой престижа непревзойденного уникама.

Вместе с Тенгизом в комнате общежития жил еще один кавказец, Эрик Балоян, из Баку. То одному, то другому иногда приходили посылки с дарами юга. Тогда комната быстро наполнялась гостями, а посылка пустела. Два других соседа, киевляне, в разных ситуациях примыкали то к Эрику, то к Тенгизу. По вечерам обсуждали научные новости, научно-фантастические идеи, а иногда мировой порядок или институтские происшествия. Порой это был просто интеллектуальный треп.

У Эрика было много приятелей среди старшекурсников. Дело в том, что он поступил лишь с четвертого раза, и во время каждой очередной попытки, будучи обаятельным абитуриентом, заводил новых друзей. Контактный и веселый, он устраивал попойки и пел под гитару. Стол тогда заставляли выпивкой и консервами. Клубы сигаретного дыма изображали атмосферу доверия. Между стаканами размещалась обязательная пол-литровая банка с окурками. Тенгиз иногда участвовал в пирушках и пел он не хуже, но не забывал и об учебе. Он умел концентрироваться, и гулянки Эрика ему совершенно не мешали. Стол, конечно, был во время выпивок занят, и поэтому Тенгиз в таких ситуациях листал записи лекций и готовился к семинарам, лежа на своей кровати.

Эрика тогда немного обижало, что его игнорировали. Он старался петь громче и почти обрывал струны гитары. Но

поскольку Тенгиза это никак не отвлекало от его занятий, терпение кончалось у Эрика. Он заявлял, что нет, не может он пить в таких условиях, забирал бутылки, закуску, гитару и уходил в комнату старшекурсников. Вскоре Эрик провалил очередную сессию и был отчислен. Это не сильно его расстроило. Главное, он доказал самому себе, что может честно выдержать вступительные экзамены и поступить в лучший Институт страны.

На место Эрика поселили Сокова, москвича. Это несколько сблизило киевлян с Тенгизом. Прежде Соков ездил на лекции через всю Москву, потом на электричках, уставал и считал, что пора вживаться в команду. Таких, однако, в общестии не считали вполне своими. Для иногородних комната была их единственным домом, а москвичи приезжали всего лишь передохнуть. Ночевали они не каждый день, выходные всегда проводили в Москве, да и личных вещей здесь не держали.

Соков был высокий, щуплый, почти не сутулился и очень вежливый. Поэтому к нему обращались исключительно на «Вы» и по фамилии, язык не поворачивался назвать его Сашей, это звучало бы черезчур фамильярно. Девушки Сокова не замечали и он, будучи юношей чутким, знал, что заслужить их внимание сможет, лишь пробившись в люди. Вскоре он вступил в партию и вошел в комитет ВЛКСМ. Узнав об этом, киевляне окончательно охладели к Сокову.

– Вы резко постарели, Соков, – отметили они. – Прямо на

глазах.

– Что-то я этого не нахожу, – удивился Соков, невольно заглядывая в треснувшее зеркало, которое использовали для бритья.

– Ну как же, неужели забыли: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы...». А вы, Соков, из этого возраста уже вышли.

Соков Пушкина тоже помнил и не растерялся:

– По-моему, всё как раз наоборот. Просто я хочу «отчизне посвятить души прекрасные порывы», а не выпивкам и беготням за дамами.

– Что касается меня, – вмешался Тенгиз, – к вам претензий нет. Вы, Соков, очень нужный человек. Вы оплот строя и опора режима, не важно – какого. Без таких, как вы, ситуация стала бы нестабильной. Ну а там, посмотрим, во что это выльется.

Когда-то Тенгиз и сам испытывал подспудное желание вступить в партию: высшие цели партийной программы были ему близки. Но борцы за идеалы вызывали отторжение.

3. Внешняя студенческая среда

В корпусе общежития, где проживал Тенгиз, жили только юноши, девушкам было достаточно лишь одного этажа в одном из пяти таких корпусов. Барышень из внешней среды охрана пропускала неохотно, иногда приходилось протаскивать их через окно какой-нибудь из комнат на первом этаже. Тенгиз таким приёмом не пользовался, женщин он уважал и на территорию института не водил. Да и кавалер, приютивший, даму выглядел довольно жалко, когда охранял её у туалета, не пропуская туда студентов: в общежитии женских туалетов не было.

Девушки не сильно отвлекали Тенгиза от деловых будней, он обходился поездками на электричке в Москву и обратно. Друзья понимали победы на личном фронте, как заслуженный успех красавца и супермена, а близкие приятели спрашивали:

– Где ты их находишь, Тенгиз, открой тайну? Посоветуй что-нибудь другу.

– Тайны нет, – отвечал Тенгиз. – Просто не отказываю. Некрасиво это – отказывать женщине. Отказывать – это их монополия.

Тенгиза, тем не менее, как-то вызывали на проработку в комитет комсомола, там всё обо всех, заслуживающих внимания, знали. Мол, не чересчур ли это, каждую неделю – но-

вая пассива, и за три года дважды в больнице лежал. Но обошлось. В учебе он успевал, а недостатки его были не на виду и несколько эфемерны. Соков формально поддержал тогда соседа по комнате, но потом, как товарищ, посоветовал ему взяться за ум:

– Пусть это будет тебе наукой, Тенгиз. Прежде всего – дело, а развлечения уже потом.

Тенгиз ответил ему, тоже, как товарищ:

– Спасибо, Соков, но и вам не мешает одуматься. Не все женщины продаются за власть и деньги. Некоторые, самые, между прочим, стоящие, почти бесценные, предпочитают неподкупных.

– Не задирайся, Тенгиз. Я вижу, что урок тебе не пошел впрок. Тебя только что могли отчислить из института, если бы я за тебя не поручился.

– Всё я понимаю, Соков. Классика русской литературы, почти по Гоголю. Я тебя заложил, я тебя и спасу.

Тенгиз Пагава оригинально мыслил, много знал и был обаятелен. Даже председатель студсовета Гарик Тормашев, борец за все, что в струе, ощущал в Тенгизе нечто социально родное. Тенгиз видел, что тот не лицемерит, и вполне искренне предан делу, как он его сам понимает. А того, кто черезчур убежден, Тенгиз не старался переубедить.

Только в ректорате к Тенгизу относились несколько насторожено, когда что-то в высших сферах напоминало о его существовании. Они знали его по документам, докладным и

личному мнению лиц, приближенных к власти и никогда не испытывали силу его личного обаяния. А независимая линия поведения Тенгиза заставляла полагать, что у него есть мохнатая лапа.

С некоторым недоверием смотрели на него и местные вольнодумцы, которые мыслили себя почти что диссидентами, хоть и не проявляли свои взгляды публично. Тенгиз был лишь наполовину свой: поругивал местные порядки, но, почему-то, не восторгался Западом. На днях вольнодумцы бегали по общежитию со статьей из «Правды», редакция на это отдала целый подвал. Корреспондент рассказывал о тяжелой судьбе американского безработного, с которым он совершенно случайно столкнулся у бензоколонки. Тот жаловался, что уже три недели ездит по соседним штатам в поисках работы – и безрезультатно. А теперь у него и бензин кончился. Это вдохновило вольнодумцев на критику местных порядков. Нас бы так угнетали! Гоняет по Америке на личном лимузине! Тенгиз, однако, был не слишком впечатлен. До чего же беднягу измучили тяготы жизни, если он ощущает несчастье, даже имея автомобиль! Вероятно, уже и соседям в глаза тяжело смотреть.

– Раз ты критикуешь Америку, – вразумляли вольнодумцы, – ты выглядишь, как соглашатель.

– Зачем дуть в ту же дуду, что и вы, – вздыхал Тениз. – Вас и так хорошо слышно, особенно, если ухо поднести поближе. Вы что-нибудь свеженькое предложите, своё. А я не

за Америку. И не против.

4. Энтузиазм на коленях

Интерес к тайнам коллективного поведения возник у Тенгиза давно, еще в школьные годы. Осенью через Колхиду пролетали стаи перелетных птиц, и они иногда выглядели в небе, как единый организм, как таинственное существо, летящее над морем. Оно внезапно взмахивало, то своим левым краем, то правым. Иногда передняя часть этого создания, почти что голова, вдруг резко снижалась и приближалась к берегу, как бы высматривая место для привала. Соседние птицы меняли направление полета одновременно, как будто ими кто-то руководил из неведомого центра. Но вдруг внезапно координация в стае пропадала, она рассыпалась и уже походила на кипящую рисовую кашу. А в следующий миг движения птиц вновь становились согласованными, и воздушный монстр возникал из ничего.

Появление порядка из хаоса можно было наблюдать и среди насекомых, и в стаях рыб, и в отарах овец. Похоже, что и люди, когда собирались в толпы, иногда теряли свою неординарность и растворялись в массе. Когда-то, в детстве, его заинтересовал случай, произошедший с соседом, Петровичем. Тенгиз любил наблюдать, как Петрович что-либо мастерит. Когда он работал, то, похоже, и сам не всегда знал, что у него получится в результате, по крайней мере, Тенгиз обычно не мог предугадать смысл будущего изделия. А потом неужи-

данно возникало приспособление для заточки ножа от мясорубки или аппарат для удаления сорняков. И вот однажды, в перерыве, Петрович рассказал ему об удивительном событии, которое он пережил очень давно.

Тогда как раз завершился XX партийный съезд и все узнали подробности о культе личности. В Грузии Сталина не слишком жаловали, считали, что он продался русским и забыл о родной земле. Рассуждать об этом открыто было опасно, обида на Сталина прорывалась разве что в разговорах близких друзей. Однако теперь, после съезда, всё изменилось: получалось, что «наших бьют».

Петрович в тот раз, случайно, оказался в центре города, перед театром. По пути на работу ему нужно было пересечь площадь, а там как раз проходил многолюдный митинг, похоже, что там собрался весь город и ближайшие поселки. Над площадью тогда возвышался беломраморный памятник Сталину – Тенгиз его уже не застал.

Оратор у постамента, что-то страстно объяснял народу через микрофон. А громкоговорители доставали далеко за пределы площади, в переулки и даже до базара. О чем именно была речь – Петрович не знал, он так и не овладел грузинским. Но уловил, что речь шла о Сталине. Выступающий говорил нечто важное, судя по торжественности лиц, плотно заполнивших всё пространство площади. Легко было догадаться, что именно беспокоило оратора. Над сборищем беспорядочно летали вороны, тревожно крича, их тоже что-то

беспокоило, как будто они ощутили повисшее над площадью напряжение.

Внезапно оратор прервал свою речь, и наступила полная тишина. Вороны, как бы тоже ощутили торжественность момента и замолчали. Отдаленный раскат грома только подчеркнул это безмолвие. И вдруг несколько человек в разных краях площади опустились на колени. Остальные замерли на мгновение, а потом большие группы людей, стоящие рядом, то в одном, то в другом месте митинга опустились тоже. Это были случайные, плохо знакомые друг с другом, люди. Опускалась то одна группа, то другая, как по команде. Но никаких команд не было. Петрович, по крайней мере, команд не видел и не слышал. Только самые первые преклонили колени вразброд, асинхронно. Но степень синхронизации нарастала и вдруг, все, не успевшие опуститься до этого, рухнули на колени в едином порыве. Все, кроме Петровича.

Середина двадцатого века! Петрович никогда ни перед кем на коленях не стоял. Больше того, он никогда не видел, чтобы кто-нибудь перед кем-нибудь опускался на колени. Ну, разве что юноша перед девушкой, да и то – в кино. Но сейчас Петрович чувствовал неловкость. Он один стоял, а тысячи и тысячи были на коленях. И смотрели на него. Петрович ясно ощутил, что он сейчас всего лишь на волосок от гибели. Тогда он тоже опустился на колени и так спрятался в толпе. Потом Петрович узнал, что оратор провозгласил: пусть все, кто уважает товарища Сталина, станут на колени.

Тенгиз хорошо представил себе переживание Петровича в тот момент. Он по крупицам собирал такие примеры и надеялся понять, как огромные массы самостоятельно мыслящих людей мгновенно превращаются в монолитного монстра или в святого. Поэтому по своим интересам Тенгиз был гуманистарий. Но он плохо воспринимал приблизительные рассуждения, а по натуре склонялся к точным наукам. В результате, он решил получить фундаментальное образование в области физики, а применить полученные знания можно где угодно.

Поступил Тенгиз на кафедру радиотехники и систем управления. Радиотехника увлекала его мало, другое дело – системы управления. Он хотел додуматься, как возникает объединенное решение в крупных коллективах людей. Было очевидно, что принцип большинства не является здесь основным, потому что как раз большинство обычно и является проигравшей стороной. На его родине, в Грузии, была сильная местная власть. Но она ослабевала при увеличении группы (семья, клан, племя). Кучки влияния, возглавлявшие крупные сообщества соперничали, а универсальное право отсутствовало. При этом более сильные охотно демонстрировали своеволие, а слабые легко признавали их права.

Социум состоит из эгоистов, устроен он неважно и Тенгизу хотелось придумать что-то такое, чтобы всё было по-честному, а общее решение не преследовало чью-то частную выгоду. По-настоящему справедливого дележа пирога не будет, конечно, никогда. Но ему хотелось бы знать, является ли это

законом природы или возможны варианты. Тенгиз не был фанатичным правдолюбом, тогда бы он поневоле потерял объективность. Ему хотелось разгадать научную проблему. Жившие до него мудрецы оставили много идей, а власти прошлого опробовали разные варианты. Идеалом считалось сильная и стабильная страна, а народ обычно принимал верность власти за любовь к родине. И верхушка это всячески одобряла. Государственная измена всюду считается более тяжким преступлением, чем даже убийство, и это плото-ядно называют изменой родине. Тенгиз не мог знать, что его самого однажды заподозрят в деянии, еще более страшном, чем измена.

Тенгиз хотел разобраться, как психика людей превращается в политику страны. Человек рождается и умирает случайно. Он мог бы вообще не родиться или попасть в другие жизненные обстоятельства и эволюционировать в нечто иное. Но сам для себя он представляет абсолютную ценность – это всё, что у него есть. Себе он кажется невероятно сложным. Он в курсе своих тайных желаний. Знает, как трудно иногда принять решение. В то же время, и это странно, поступки других предсказать легче, чем свои собственные. Упрощенные черты личности, полагал Тенгиз, скорее всего, и отвечают за коллективное поведение.

Есть единственный способ продвинуться в таких сложных проблемах – это эксперимент. В национальном размахе ставить такие опыты у Тенгиза возможности не было. Однако

иногда он пробовал в местном масштабе, в своем ближайшем окружении.

5. Испытание Ричардом Фейнманом

Тенгиз отлично чувствовал людей. Он сразу улавливал, если собеседник притворяется верным последователем чего-либо или кого-либо, а на самом деле своего суждения не имеет или даже является тайным противником, и это проявлялось не только в научных дискуссиях. Поэтому он задумал поставить опыт и определить, многие ли его однокашники так преданы стране и ее политическому строю, как они это охотно демонстрируют публично. Для этого он предложил подопытным студентам непреодолимое испытание. Однажды, в пятницу вечером, в центральном вестибюле появилось следующее объявление:

Ричард Фейнман,

Нобелевский лауреат 1965

Ищет учеников

Актный зал, завтра, в субботу, в 10.00

Запись на собеседования в 9.30

(через переводчика)

Обязательное условие:

Получение гражданства США

Отказ от гражданства СССР

Нарисовать и вывесить красочное приглашение охотно взялся Соков, который считал это полезным мероприятием. Он многих и сам подозревал в неискренности.

Лекции Ричарда Фейнмана были настольной книгой у любого студента. Новость тут же достигла всех. Посмотреть на живого Фейнмана хотели многие, но не всякий, здраво оценивая свои возможности, решится испытать удачу. Тем не менее, многие относились к себе с полным уважением и утром, за час до назначенного срока, перед входом в Актовый зал образовалась живая очередь. Администрация за ночь раскататься не успела, тем более начинались выходные.

Роль переводчика должен был выполнить некий фарцовщик, с которым Тенгиз познакомился как-то на вечеринке в одном из московских домов.

Он вошел в зал в 9.30 в полосатых штанах, с россыпью звезд на рубашке, в цилиндре и с потухшей сигарой в уголке рта. Снял цилиндр, ослабил узел на цветастом галстуке и разложил за преподавательским столом две солидные стопки бланков: слева – «Просьба о получении гражданства США» и справа – «Заявление об отказе от гражданства СССР». Претендентам нужно было всего-навсего внести личные данные и расписаться.

Некоторое оживление вызвало появление коменданта Клавдии Петровны, которая полюбопытствовала, кто позволил занять Актовый зал. Ей вежливо разъяснили, что это встреча с Нобелевским лауреатом Ричардом Фейнманом. Что мистер Фейнман высоко ставит уровень подготовки и таланты студентов их Института и хотел бы найти себе здесь учеников. Людей такого уровня Клавдия Петровна уважала

и некоторых знала напрямую. Одного из них, Петра Капицу, она в прошлом году проводила в последний путь. Поэтому она не стала мешать научному мероприятию.

В 10.10 у переводчика кончились бланки, и он оборвал запись, пояснив, что Ричард Фейнман уже пожилой человек и всех принять не сможет. Но жаждущие, на всякий случай, не расходились. Тенгиз, тем временем, тасовал заполненные бумаги. Его особенно заинтриговало, что записались даже два члена комитета комсомола. В 10.45 кандидаты в американцы заподозрили неладное, тем более что переводчик куда-то исчез. Все видели, что он был в каких-то отношениях с Тенгизом. Кое у кого возникло подозрение, что Тенгиз еще до этого мероприятия умудрился каким-то образом пройти собеседование, и его попросили прояснить ситуацию. Поэтому Тенгиз вынужден был раскрыть карты.

До рукоприкладства не дошло, но некоторые, особо активные, участники еле сдерживались, и он пережил несколько неприятных минут. Соков был тут почти ни причем, но и он поволновался. Его только успокаивало, что дело они затеяли полезное.

– Парни, это же была шутка, вы что, шуток не понимаете? – Жизнерадостным голосом вразумлял их Тенгиз. – Для всех ясно, что вами двигал интерес к науке, а не поиск теплого местечка у дяди Сэма. – Тенгиз говорил это без всякой иронии. Он подсказывал им возможные реабилитирующие мотивы. На всякий случай.

– Мы-то, ясное дело, хотели участвовать в создании новой квантовой механики, – бубнили потерпевшие.

– В том-то и дело. И на отличном оборудовании! Но поймет ли наши мотивы профессура. Да еще у них разыграет научная ревность к Фейнману.

– А я, кстати, уверен, – успокоил их Тенгиз, – что многие из вас сразу почуяли, что это был розыгрыш и пришли сюда повеселиться и посмотреть на тех, кто принял всё это за чистую монету. – Это был еще один реабилитирующий мотив, который им подкинул Тенгиз. Для него это был всего лишь эксперимент, и он никому не желал зла. Не понимать юмора – это был моветон. Поэтому в толпе охотно подтвердили, что да, они с самого начала обо всем догадались и даже шутили по этому поводу. Больше всего веселились те, кому не хватило бланков.

Высшие инстанции после этого настоятельно требовали от Тенгиза сдать в ректорат оформленные бумаги, но он их к тому времени уже раздал участникам, по их настоятельной просьбе, и они канули в небытие. Соков эту его мягкотелость не одобрил и счел глупостью. Он признал, что выдавать анкеты ректорату было, конечно, не рационально, но следовало их сохранить для себя, как отличный инструмент влияния на коллектив. Поэтому он стал немного опасаться Тенгиза.

Соков, на свое счастье, отметил промах двух своих коллег по комитету комсомола. Этим он резко повысил свой рейтинг в парткоме (передовом отряде партии на производстве)

и вскоре вошел в его состав.

6. Коллективный Демиург: Тенгиз, Катя, Юля, Соков, Витя

Вскоре Тенгиз заметил, что не его одного занимало, как превратить потребности индивидуума в общую проблему всего коллектива. Юлия Латынская и Катя Борова размышляли над похожей задачей, но – в своем ракурсе. Броская красота и быстрый ум Юли обеспечивали ей множество поклонников, но она их бросала, одного за другим. Юля немного походила на ведьму, а Катя еще не дозрела до флирта и стриглась под мальчика. Вместе они напоминали бабу Ягу и брата Иванушку.

Ни Юля, брюнетка с кучерявой копной на голове, ни светло-русая Катя, не задевали мужских инстинктов Тенгиза. Но и Тенгиз совершенно не был во вкусе Юлии. Она не испытывала по отношению к нему интеллектуального превосходства, а привыкла блистать. Катя, напротив, превосходила Тенгиза в профессиональном отношении, но восхищалась его благородством. И даже преувеличивала. В его присутствии она была вполне способна обсуждать сложнейшие научные проблемы, но от этого чувствовала свою ущербность во всем остальном. И ее даже смущало, почему Тенгиз относится к ней так благожелательно. Ей было очевидно, что она этого не заслужила. Учился Тенгиз на одной кафедре вместе с Катей и делился с ней своими тайнами, а у Кати пока была

все-навсего одна тайна, но она надеялась, что Тенгиз о ней не догадывается. Она стойко выслушивала подробности его побед, испытывая некоторое недоумение: что находит столь тонкий мужчина в примитивных, по его собственному определению, самках. Этими сомнениями Катя, разумеется, не делилась с Тенгизом, а слово «самка» так задевало ее, как будто бы это относилось и к ней. Юля над сомнениями Кати лишь посмеялась и объяснила, что все они самки, и не только самые примитивные.

Юлия училась на кафедре физики живого и уже знала, что отдельный нейрон может лишь послать своему адресату «да» или «нет» – и всё. Но им руководит страх повреждения: прежде чем сделать выбор он оценивает, что ему за это обычно бывает – улучшится его состояние или ухудшится. И шлёт воздействие, чтобы, если получится, спастись от грядущего повреждения. Юлю интриговало, как такие крошечные чувства сливаются в сложную личность, поэтому она быстро нашла общий язык с Тенгизом.

Катя замахнулась на еще более трудную проблему. Она собиралась наделить робота системой управления, которая бы сама выбирала свои поступки, как это делают животные, без всякой программы.

Многие пытались сконструировать «мозг» робота, как очень сложную схему, похожую на ту, что образуют нейроны мозга. Нашелся даже энтузиаст, который выделил комнату в своей квартире на Ленинском проспекте и собирал там элек-

тронное чудище, постепенно впаивая в него, что придется. Как-то Катя в группе студентов осматривала его детище, оно занимало уже более половины помещения. В самом дальнем, уже недоступном, углу можно было разглядеть огромные вакуумные лампы, потом пальчиковые, транзисторы, микромодули, аналоговые и дигитальные элементы, включенные позднее. Это гигантское сооружение, если было включено, мигало огоньками, гудело индуктивностями и трансформаторами, щелкало переключателями, а резисторы излучали тепло. Всё это происходило без всякой регулярности в пространстве и времени. Автор был уверен, что его монстр уже имеет сознание и пытался разгадать его мысли.

Но Катя не верила, что одной лишь сложности достаточно, для появления сознания. В сложных системах нарастает хаос и это создает иллюзию загадочной деятельности. Простые вещи ничего не стоит описать сложным путем, было бы желание. Катя пыталась сотворить простейший прибор, чувствующий угрозу своей полочки. Несколько таких приборов должны были, в идеале, вырабатывать стратегию избегания более сложных повреждений.

Поэтому всех трех, Тенгиза, Катю и Юлю, волновали особенности слияния простых желаний в замысловатые мотивы. Вместе с тем, мозг функционирует идеально, но не ясно, как; государство – так себе, и вполне понятно, почему. А что касается коллективного взаимодействия «живых» приборов, то пока это не более чем грезы. Для начала, нужно сконстру-

ировать блок, способный ощутить свое повреждение.

Так получалось, что лишь Катя работала над конкретной задачей. Остальные решали теоретические вопросы. Свои труды они в среде преподавателей не афишировали, те подумали бы, что они замахнулись на то, что под силу разве что господу богу. Соков проведаль об их увлечении, счел, что это может многое дать в будущем и предложил выполнять для них математические расчеты. Он не слишком располагал к дружеским отношениям, но дело – прежде всего и его приняли в компанию.

К ним примыкал и Витя Коров, маленький неприметный паренек. Жил Витя на одну стипендию, не подрабатывал (не хватало времени) и друзья ненавязчиво его подкармливали. Он пытался своими руками спаять что-то необычное. Чаще всего он молчал. Но в его присутствии нельзя было лавировать, недоговаривать или как-то вилять. Его воспринимали, как некую абстрактную совесть. Впрочем, со стороны было заметно, что между Катей и Витей проскакивали искры особого понимания, но это не переходило в короткое замыкание.

Сокову, между тем, очень хотелось бы поженить Катю и Витю. Он, во всяком случае, это не скрывал и охотно продвигал эту идею. Поженить и уговорить Катю взять фамилию Вити, а Витю – фамилию Кати. Тогда он был бы Витя Боров, а она – Катя Корова. Когда это дошло до Вити, он честно посоветовал Сокову губу на Катю не раскатывать:

– Катя – девушка уникальная. Она не для меня. И не для вас.

Соков ко всем, по возможности, относился корректно и не мог понять, почему ему приходится жить в атмосфере недоброжелательства.

7. Гимн хаосу и смерти

Катя с Тенгизом освободились от занятий и направились к пустующей аудитории, где у них была назначена встреча с единомышленниками. По пути Тенгиз обсуждал с Катей удивительную непостижимость женской души.

– Почему, Катя, твои сестры полностью лишены самолюбия, – удивлялся Тенгиз. – Словно они сделаны из другого теста: ради мимолетного романа готовы на всё. Ни на минуту не забывают о сексуальной стороне жизни. Все силы тратят на поддержание внешнего вида, прихорашиваются без перерыва, мимо зеркала не проскочат, не заглянув. А как одеваются? Всё направлено не на то, чтобы свои сокровища спрятать, а, напротив – подчеркнуть, приоткрыть. Лишь бы привлечь, лишь бы понравиться, лишь бы удержать. И не важно, кого именно. Я уже чувствую момент, осталась ли у моей дамы хоть капля достоинства или она всё простит и отдаст тело и душу без остатка.

Попутно Тенгиз подфутболил мальчишкам мяч, который те нечаянно выкатили на проезжую часть улицы.

– И как же ты это узнаешь? – напряженно спросила Катя.

– Стоит положить даме руку на талию, рука сама чувствует, как напряглась спина. А иногда ее выдает невольная дрожь. Это значит, что дама готова.

Говоря это, Тенгиз левую руку положил Кате на плечи,

как сестре, а правой показывал, как его пассия прикидывалась неприступной дамой. Катя при этом не отстранялась и не прижималась, как сестра. Но прислушивалась, не напряжена ли у нее, не дай бог, спина.

– Ты бы, Тенгиз, девушку-то свою пожалел. Представь себе, сколько она натерпелась от вашего брата, пока себя потеряла. Может быть, из нее получилась бы преданная, заботливая и любящая жена, да никто не берет.

– Не думаю, что такая дама уж слишком ценный кадр. Ты же не позволяешь собой помыкать.

– Кто знает, Тенгиз, может быть у меня всё еще впереди. О, да мы уже на месте. Витя, Юля, привет. А где наш друг Соков?

– Он уже в аудитории, за столом преподавателя, – усмехнулась Юля. – Наверное, боится, что кто-то займет его любимое место.

Они вошли, поздоровались и Соков предложил им сесть:

– Ну что, друзья, приведем в порядок наши мысли?

– Попробуем, – согласилась Катя. – У нас есть успехи. Нам уже удалось втиснуть в неживой объект его собственную цель.

– Сначала нужно иметь желание, чтобы затем возникла цель, – возразила Юля. – А самое фундаментальное желание любого существа – это жить. А твой предмет неживой, он не умрет и желать ему нечего.

– Но если он будет избегать поломки, то нельзя будет от-

личить, оценивает ли он, что ему «плохо» или, скажем, что какой-то из его конденсаторов приближается к пробоею. И это будет выглядеть, как будто он живой.

Юля дипломную работу выполняла на крысах, и ей претило называть живым какой-то электронный хлам.

– Я бы поостереглась употреблять здесь слово «живой». Все-таки, воспроизвести самого себя твой аппарат не сможет.

– Конечно, не сможет. Разработать это не сложно, но слишком трудоемко все подробности запрограммировать. Да и зачем? Себя и кристаллы воспроизводят, но умом от этого не блещут. Да и звери не только размножаются, они как-то держатся от случки до случки, – снисходительно подколола она Юлю и Тенгиза, – и занимаются при этом другими делами. Правда, кое-кто считает, что на это способны лишь самцы, а самки озабочены лишь продолжением рода.

– Славно рассуждаете, подруги. – Вмешался Тенгиз, не реагируя на Катин выпад. – Выходит, что смерть – это наша сестра. Ощущения и сознание возникли из-за того, что мы смертны. И если мы когда-либо наткнемся на бессмертную тварь, то сознания у нее не будет, а предпринимать какие-либо действия – не к спеху. А будет у него бесконечная тяготи́на, «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви».

Тенгиз даже причмокнул, так ему понравилось это философское обобщение.

– Но, если говорить серьезно, – продолжил он, всем своим видом показывая, что сегодня он не слишком настроен погружаться в научные дебри, – то много чувствующих блоков, совершат прорыв. Тогда бы робот пел, как маэстро, а не как шарманщик. Мыслит коллектив. Иногда в коллективе зреют идеи. И мы тому пример, – он шутливо вскинул голову.

– Поясняю для присутствующих, что Тенгиз шутит, – выступил Соков. – Стоящие мысли обычно возникают у избранных, а коллектив идеи гробит.

– Вы не избраны, Соков. Вы назначены. – Неожиданно вмешался Витя.

С этим замечанием Вити никто спорить не стал, и сам Соков тоже. Он только вопросительно посмотрел на Тенгиза.

– Вы, Соков, – пояснил Тенгиз, – недаром склонны возглавлять коллективы. Однако на будущее имейте в виду, что коллектив, при случае, может и взбрыкнуть. Община обогащает чувства и придает решительности. Для одного хорошо бы выпить, а для другого – навредить ближнему. Маленькие желания преобразуются в сложные и сильные мотивы. Они как-то объединяются в единое решение всех. Поэтому и возникают бунты в толпе.

– В мозге, во всяком случае, сигналы объединяются, а не суммируются. – Заметила Юля. – Важна не сила сигнала, а его значение. Вообрази, что ты в квартире один и у тебя гремит телевизор. А ты всё равно очень даже услышишь крадущиеся шаги в коридоре.

– Ты хочешь сказать, что голосование не прокатит? – Спросила Катя.

– Демократия уместна там, где решают в узком кругу. В древних Афинах, можно было собрать всех на одной площади. – Напомнила Юля.

– Дело не только в этом. – Не согласился с Юлей Тенгиз. – Даже если бы и было возможно собрать всех вместе в общую толпу, не хотел бы я, чтобы наша судьба зависела от решения такого сорища, упаси бог!

Разговоры о демократии всегда напоминали Тенгизу, как он опростоволосился на тротуаре Тверской. Когда он слышал о единодушном волеизъявлении, он воображал себе людской поток, как бы несущийся к общей цели, но на самом деле, состоящий из попутчиков, никак друг с другом не связанных. И встречный поток, столь же, как бы к чему-то устремленный.

– Кстати, Катя, – осведомилась Юля, – зачем нашему детищу, осознавать своё Я? Это не слишком ли? Пусть он, на худой конец, всего лишь действует целесообразно.

– Робот, не обладающий сознанием – это, фактически, зомби. Конечно, зомби многое может. Но у него нет независимого выбора. Чтобы ставить цель, нужно иметь желание, а для этого нужно быть личностью, пусть даже и простенькой. А иначе придется заранее предусмотреть и запрограммировать все возможные цели, кому это по силам?

Их пыл несколько охлаждал Соков, который разделял их

надежды наделить робота сознанием, но сомневался, что он будет обладать независимой волей. Соков был уверен, что даже человеку всего лишь кажется, что он действует по своему желанию, а на самом деле всё предрешено законами природы. Как, скажем, зная скорость и направление движения пули, можно предсказать, куда она попадет и кто пострадает. Человек, конечно, не пуля, но его ограничивает свод государственных законов.

Это его рассуждение не было абсолютной истиной. Можно, конечно, ввести в систему случайность, но это лишь внешне похоже на свободу воли. В сложных объединениях постепенно накапливается неточность, как в игре «испорченный телефон», и развитие становится непредсказуемым. Это, как свобода у подброшенной монеты: орел или решка.

Но Катя уже сообразила, как из хаоса получить цель. В опасных ситуациях аппарат должен генерировать пробные защитные реакции (когда тебе плохо, делай, хоть что-нибудь). Коль скоро реакция на поломку случайна и возрастает при усугублении повреждения, то, в конечном счете, повеет, действие окажется правильным и можно будет удалиться от гибели.

Соков сам произвел строгий расчет: система находит оптимум и даже, по ходу поиска, обходит препятствия. Но его смущала проза жизни: он знал, что чем больше воли давали персоналу, тем чаще возникали беспорядки, а не наоборот, как получалось в его расчетах.

– Тут есть еще одна загвоздка, – настаивал Соков. – Мы обсуждаем внутреннюю свободу, но ведь есть и внешние ограничения. Нужно еще иметь возможность для действия. Даже и наши права ограничивают законами и пулеметами. И пусть, скажем, у робота и в самом деле появилась бы свободная воля. Допустим. Да кто ж ему её даст? Тут же и ограничат.

– Не вижу здесь темы для дискуссии, – отмахнулся Тенгиз. – Это не наша проблема. Конечно, ограничат. Мы же не собираемся создавать цивилизацию машин. Мы хотим сконструировать друга.

Витя прислушивался, но был погружен в схему, которую чертил на уголке доски.

8. Витя и Катя – умельцы

В общежитии всегда у кого-нибудь что-либо ломалось. Тогда еще не было мобильных, писали от руки, печатали на механических машинках, а компьютеры можно было найти в особо продвинутых конторах. Однако у студентов были магнитофоны, приемники, электробритвы, у девочек – фены, утюги и пылесосы. В зажиточных комнатах были телевизоры. Всё это иногда требовало ремонта. Катя и Витя чинили безотказно и по доброте душевной. В ответ на сигнал бедствия Витя прихватывал свой щегольской чемоданчик, в котором было приготовлено всё необходимое (отвертки, паяльник, олово, канифоль, паяльная кислота, тестер, мотки проволоки, изолента, шурупы), и шел на помощь. В отсутствие Вити, с чемоданчиком шла Катя. Наиболее загадочны были электроутюги. После починки от него обычно оставались лишние детали. Очень любопытно, сколько компонентов может потерять утюг, прежде чем перестанет гладить.

Катя с Витей колдовали с паяльником всё свое время, не занятое учебой. Мастерили для спортивного интереса что-то свое, для личного пользования и никому особо не нужное. Но это помогало вникнуть в тайны профессии. Поделки свои они проверяли на практике, а потом пускали на запасные части. Как-то они сконструировали шагомер и выбрали наиболее короткий путь до столовой. После этого никакого

другого применения для него найти не удалось, и шагомер пошел на детали для новых задумок.

Соков посоветовал им изготовить подслушивающий модуль на интегральных микросхемах и поместить его в деканате. Так они и сделали. После этого к ним охотно заглядывали гости, чтобы ознакомиться со склоками в коридорах власти. Тенгиз попробовал подсунуть такой модуль и в партком, но там оказались более продвинутые обитатели, чем в деканате. С помощью специальной аппаратуры они быстро выявили прослушку. Соков объяснил, как это делается: во всех идеологических подразделениях обязательно присутствует штатный представитель спецслужб, и никто не знает, кто именно.

– Но вы-то знаете, Соков? – Полуспросил Тенгиз.

– Нет. Даже я не знаю. – Улыбнулся Соков.

Тогда Тенгиз попросил Витю с Катей внести усовершенствование и, главное, не говорить об этом ни одной живой душе, и, на всякий случай, члену их команды – Сокову. Умельцы преодолели это препятствие. Они сделали спящий жучок, который просыпался по внешнему сигналу. Тем не менее, проку от этого было мало, ничего нового им почерпнуть не удалось. Они и так знали, что в парткоме работают не идиоты, и они всё понимают не хуже опекаемого ими населения, но говорят об этом лишь в узком кругу. Катя хотела опубликовать самые хлесткие выдержки из недр парткома, но Тенгиз был против. В этом случае они бы выдали суще-

ствование жучков, а они могли еще пригодиться.

Много сил было потрачено на прибор, который передавал ощущения на расстояние. Для этого они использовали шлем, спрятанный под шапкой. Шлем снимал биопотенциалы мозга с кожи головы. Для начала, они научились передавать две эмоции: «Ах ты, гад!» или «Ах, какой симпатяга!». Шлем считывал эти сигналы и транслировал на приемник. Таким путем можно было узнать, нравится ли кто-то обладателю шлема. Но для лучшего контакта электродов с кожей требовалось чисто выбрить волосы в нескольких точках головы. Катька не очень следила за своей внешностью, но выбривать островки на голове отказалась. На это пошел Витя.

Однажды им повезло использовать свой агрегат в практических целях. Дело в том, что приятель Вити, Сема был безнадежно влюблен в свою однокурсницу Ниночку. Красота Ниночки была настолько универсальна, что она умудрилась в свое время очаровать приемную комиссию. Училась она легко, не напрягаясь: мало кто решался обидеть ее на экзамене низким баллом. Поэтому у нее всегда было время. Девушка она была чистая, родилась в простой семье, а представления о женской гордости и престиже черпала из кинофильмов. Признаком успеха был для нее поход в ресторан, и она не отказывалась. Но в надежде пригласить Ниночку, нужно было долго экономить, а ждать она не любила, в рестораны ходила то с одним, то с другим, но, кроме вечера с прекрасной дамой, поклонник не получал ничего.

Ниночка досконально разработала ритуал. Кавалер и Ниночка добирались до Москвы отдельно: никогда не соглашалась она вместе с ухажером ехать в неопрятной электричке. Ей назначали свидание и все знали, где именно: у памятника Свердлову, на одноименной площади в центре Москвы. Сёма как-то разъяснил ей, что это истинное произведение реалистического искусства. Без официоза и помпы: маленький человек, но крупный чиновник, в сапогах, галифе и с портфельчиком в руке.

На свидания Ниночка опаздывала на полчаса, так она держала на уровне своё реноме. Как-то случилось, что кавалер не дождался, подумал, что она не пришла, поэтому отныне она всегда предупреждала, что может задержаться на полчаса. Сообразительные студенты уразумели ситуацию и приходили на полчаса позже, и тогда Ниночка появлялась минута в минуту.

Сема походил на Тенгиза, но в южнорусском исполнении. Он умел жить и верховодить, а неуверенность проявлял только в отношении Ниночки. К Семе она относилась прилично и с удовольствием обсуждала с ним новинки моды. К этим беседам Сема добросовестно готовился, читая модные журналы в местной парикмахерской или почерпывая информацию от одной из своих дам. Иногда и Сема водил Ниночку в ресторан. Для этого он подрабатывал: перепродавал, выменивал валюту у иностранцев или промышлял частными уроками. К несчастью, она положила глаз на математика, по

прозвищу Модуль. С математикой у Ниночки не клеилось, а Модуль был сухарь и не реагировал на прекрасную внешность. Сема очень страдал, и Витя захотел помочь другу.

Приемный механизм соединили с двумя емкостями. В одной был амилацетат, а в другой – сероводород. Когда Витя старался мыслить «Ах, какой симпатяга!», датчик открывал клапан на емкости с амилацетатом и распространялся цветочный аромат. В ответ на сигнал «Ах ты, гад!» выделялся сероводород, с характерным запахом гниения. Приемник и баллоны поместили в Катином рюкзаке. Она отслеживала Ниночку и при появлении рядом с ней Модуля или Семы ненавязчиво приближалась. Одновременно с этим Витя издали посылал приятный сигнал в присутствии Семы и сигнал отвращения при Модуле. Концентрацию запаха подобрали слабую, он почти не ощущался и плавно влиял на подсознание.

На выполнение операции у них ушла неделя. За это время Модуль опротивел Ниночке, а позиции Семы окрепли. Катя и Витя были горды своим успехом. Но Тенгиз ненароком испортил им настроение, разъяснив, что Катя могла бы всё устроить попроще и в нужный момент открывать баллоны вручную, не используя Витю с его шлемом. Но Витя всё равно был доволен. Однажды Сема долго тащил его на себе, когда тот застрял в зимнем лесу. Витя, выросший в Крыму, в детстве почти не видел снега и на лыжах не ходил. Но как-то он взял лыжи напрокат и направился в лес. Было не холодно,

снегу намело по пояс, а его никто не предупредил, что лыжи нужно смазывать по погоде. Он забрался в лес и не смог выбраться, потому что снег налип на лыжи, и передвигаться можно было, с трудом вытаскивая из сугробов одну ногу за другой. Снять лыжи не помогало: он глубоко проваливался в снег. Тогда-то его, по счастью, обнаружил Сема и вынес из леса на себе. Слава богу, Витя был малый миниатюрный.

Замечание Тенгиза, однако, очень задело Катю. Она не была тщеславной, но уж слишком привыкла выглядеть в глазах Тенгиза корифеем.

Между прочим, у эксперимента был и побочный эффект. Катя была ближе к источнику запаха, чем Ниночка и она так невзлюбила Модуля, что ее почти тошнило в его присутствии. Но математику Катя знала отлично и Модуля не боялась.

9. Катя на ковре

Неожиданно пришло сообщение, что Катю срочно вызывают в комитет комсомола. Обычно это предвещало неприятности, но за ней, вроде бы, никакого, даже самого минимального, криминала не числилось. Витя тоже напросился пойти, за компанию, а Тенгиз как раз был в Москве и ни о чем не знал. На заседание Витю не пустили, и, когда Катю пригласили войти, он остался в предбаннике. Весь процесс разбирательства Витя мог отслеживать, так как Катя спрятала на груди датчик, а у него в папке был приемник и в ухе – наушник.

Катя поздоровалась, села и ей зачитали претензию.

Речь шла о подозрительной активности по ремонту оборудования в общежитии и лабораториях. Один из комитетчиков прочел обвинение, уже готовое и впечатанное в какой-то протокол:

– До нас дошли сведения, что ты вместе с Коровым почти ежедневно оказываешь услуги частным лицам. Причем неофициально. Кроме того, вы обслуживаете и лаборатории, и тоже неофициально, по личной просьбе. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Катя пожалала плечами. В это время и Витя в предбаннике пожал плечами.

– В свое оправдание – ничего.

– Но ты признаешь сам факт оказания частных услуг? – Жестко сказал комитетчик и ткнул в направлении Кати полусогнутым пальцем.

– Признаю. И что?

– Это признание мы записываем в протокол, имей в виду, – строго предупредил другой комитетчик.

– Ну записали. И что? – Почувствовала раздражение Катя и снова пожала плечами.

– А то, что вас взяли сюда учиться, а не бегать по халтурам. Ты ведь получаешь повышенную стипендию, тебе этого мало? Или ты суетишься, чтобы поддержать Корова?

Коров в предбаннике в напряжении привстал.

– Откуда вы взяли, что мы брали деньги за ремонты? – Прощающая Катя, почти не разжимая зубов.

– Есть такая информация, – ответил первый комитетчик. – И помахал в воздухе исписанным листком.

Коров направился к двери зала заседаний, но ему преградила дорогу секретарша.

– Сядьте на место, юноша, туда нельзя.

– Мне – можно. Меня там без меня осуждают. – Витя решительно отстранил даму и вошел.

Все головы дружно повернулись к нему. Катя бросилась к двери и что-то быстро зашептала ему на ухо. Но Витя из-за ее плеча крикнул:

– У кого это мы деньги брали за ремонт? Кто этот гад? Пусть попробует еще когда-нибудь попросить! Фиг мы ему

теперь поможем!

Катя попросила прервать заседание на десять минут и обещала вернуться после переговоров с Витей.

Она взяла его под руку, и они скрылись за дверью. Там она пообещала Вите, что волноваться нечего, что это дурацкий донос какого-то негодяя, и что они могут привести хоть сто свидетелей. И попросила Витю обзвонить всех знакомых и попробовать отыскать Тенгиза.

Затем она снова вошла в зал заседаний. Комитетчики были настроены жестко. Они растолковали Кате, что оглашать имена свидетелей не обязаны и что она ответит за всё строгим выговором. А если будет отпираться, то и комсомольским билетом.

– Валяйте, – процедила Катя, – но учтите, что своих свидетелей я скрывать не буду. И перенесите заседание в другое помещение. Тут они все не поместятся.

– Не пугай нас. Пуганные. – Встрял очередной комитетчик. – Наш свидетель – это надежный, уважаемый человек. А ты можешь договориться с кем угодно, тебе веры нет. Тем более, Коров, да будет тебе известно, где-то посеял свой членский билет. Его один сотрудник нашёл и принес нам, но Коров вот уже год, как не заявил о потере. За одно это он заслуживает исключения. Предлагаю поставить на голосование занесение Боровой выговора в ее личное дело.

В это время, в проеме двери появился Соков, и члены комитета нехотя встали, приветствуя представителя парткома.

Он кивнул Кате, важно сел за стол и его кратко проинформировали о сути дела.

Соков поставил их в известность, что он трудится вместе с Боровой над общей проблемой и близко ее знает. Ему также известно, что, по крайней мере, в некоторых случаях она и Коров ремонтировали оборудование бесплатно. Что в дальнейшем он возьмет под непосредственный контроль их практику. Неплохо знает он и Корова, который много времени тратит на конструирование аппаратуры, устает, рассеян и предложил Корову за утерю билета объявить выговор без занесения и выдать новый билет.

Катя была не совсем удовлетворена таким развитием дела, и предложила вынести выговор доносчику.

– От меня вы имя негодяя скрываете, ладно, но вы-то его знаете. Вот и накажите мерзавца. А народ меня поддержит, сюда целая толпа набежит.

Ей пообещали разобраться, ясно было, что сама Катя тут же об этом их обещании забудет. А Соков после заседания спросил у Кати, что она по этому поводу думает.

– Вы, по-видимому, хотите узнать, сильно ли я благодарна вам, Соков? Нет, не сильно. Старый прием: поднести к носу кулак, а потом его убрать.

– Это я, что ли, кулак подносил?

– Не знаю, Соков. Может, и не вы, но ваши.

Витя, когда узнал от Кати о выговоре, легкомысленно отмахнулся:

– Да ну их! Вовсе я и не терял билета.

– Как не терял? Да он лежит в комитете. Я своими глазами видела.

– Пусть и дальше там лежит, ему там самое место. Я его выкинул, а не терял, да кто-то его нашел и притащил. Через несколько лет мне так и так будет 28, и я выйду по возрасту. А пока что я отбыл в комсомоле 2/3 положенного срока. В такой ситуации даже из тюрьмы выпускают досрочно.

10. Подкоп под пропаганду

Следующий подвиг двух электронщиков принес им широкую известность, но едва не окончился для них плачевно. Они попробовали помочь местному населению слушать радиостанцию Голос Америки. Сама мысль принадлежала Тенгизу, он задумывал это, как свой очередной эксперимент.

До этого энтузиасты слушали радио сквозь шумы, завывания и трески. Сигнал глушили нещадно, не давая населению возможности урвать немного альтернативных данных о положении в стране и за ее пределами. Как известно, пропаганда надежна лишь тогда, когда она господствует. Катя с Витей очистили сигнал от шума, усилили его и пустили в местный эфир. Ни Катю, ни Витю подробности передач не занимали, им было не до того. Запустили в эфир – и забыли, они пытались вдохнуть некое подобие жизни в свою электронную схему.

Спецслужбы прошляпили. Их всесилие и всезнание оказалось мифом. Через несколько лет, после распада Союза, это ярко проявилось в Прибалтике: по улицам начали маршировать бывшие ээсовцы. А до того никому не удалось пронюхать, как они настроены по отношению к власти. Хотя, может быть, кто знает, органы были тогда полностью в курсе, но вынужденно поддерживали иллюзию социальной гармонии в стране.

Более полугодом пропадали у своих радиоприемников соседи и знакомые. В гости заходили приятели из других институтов, и даже кое-кто из преподавателей. Местное население, никак не связанное с Институтом, вскоре тоже обнаружило новый источник информации. Но внезапно всё кончилось, К этому времени Соков окончательно определился со своим отношением к Кате. Он разглядел её интерес к Тенгизу и хотя тот, по дурости, был слеп, снисхождения она не заслуживала. Так о радиотрансляциях узнал из сообщения парткома Гарик Тормашев. И настроен он был серьезно.

В общем, это с самого начала была никчемная затея. Что-нибудь существенное из сообщений Голоса извлечь было невозможно. За кордоном плохо понимали, что творится в СССР, и сообщали обычно о мелочах: кто и что заявил, где и кого задержали, откуда и кого уволили и чем занимается в Горьком опальный академик Сахаров. Теперь, по прошествии времени, ясно, что это была второстепенная информация, которая никак не влияла на развитие событий. Но Тенгиза интересовала сама реакция на разблокировку Голоса.

11. Неудавшаяся месть Сокова

В пятницу, в 19.00

СОСТОИТСЯ

комсомольское собрание

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Персональное дело отщепенцев

Наемники врага

Е. Борова и В. Коров

ПОЗОРЯТ наш коллектив

Явка обязательна

Когда вывесили объявление, около него сразу образовалась давка. «Отщепенцев» любили.

– Какая это скотина донесла Тормашеву?

– Да он мог и сам подслушать передачу. Гремело-то во всю мощь и на всех этажах.

– Не мог он сам! Он бы тогда давно уже шум поднял.

– У приемников сидели все. И накажите всех! Всех, кто не донес. Слабо?

Гарик Тормашев обладал формальными правами, и время от времени мешал студентам жить. Но, странно, никто не относился к нему враждебно, почитали за фанатика и немного святого. Он был из другого лагеря, но честен и незлобив.

«Явка обязательна» никого на самом деле не обязывала, но зал был переполнен. Согрела надежда повлиять на

голосование. Как-то студенты уже выиграли противостояние с верхами. Однажды, когда они объявили забастовку из-за некачественной пищи в столовой, приехал представитель райкома и на общем собрании бросил им, что они не советские люди. В те времена это заявление выглядело, как оскорбление. Тогда зал, молча, встал и вышел. Посланник власти остался в зале один, вместе с приспешниками.

Ведущий вкратце указал, что проступок обвиняемых усугубляется еще и тем, что одна из студенток, Минаева, не вернулась после турпоездки в Югославию. При этом выяснилось, что Борова и Коров были с Минаевой знакомы. Это заключение вызвало смешки в зале. Девушек в Институте было так мало, что их знали абсолютно все. Ведущий сообразил, что привязать к делу бегство Минаевой не прокатит и дал слово председателю студсовета Гарику Тормашеву.

– Товарищи, – выразительно обратился он к аудитории. – Я доложу вам свою точку зрения о деяниях этих, с позволения сказать, студентов.

– А мы его знаем!

У Тормашева был стойкий характер, и он не обратил на голос никакого внимания.

– Сейчас, когда Родина прилагает все силы, чтобы сделать из нас классных специалистов, мы должны внимательно следить за чистотой наших рядов. – Тормашев пришел в институт после армии, где за время срочной службы, не имея специального образования, умудрился дослужиться до старше-

го лейтенанта. И он до сих пор осознавал себя в строю. – А что мы видим на примере этих отщепенцев? Это подпевалы врага, агенты заграницы. В зале присутствуют девушки, наши подруги, и я не могу при них охарактеризовать их поступок правильными словами.

– А ты помолчи, – посоветовали ему.

Ведущий шикнул в зал и поощрительно кивнул Тормашеву. Тот невозмутимо продолжил:

– Каким хотелось бы видеть моральный облик советского студента?

Он достал из нагрудного кармана аккуратную красную книжечку, раскрыл, но прочитать не успел: кто-то свистнул, а потом засвистели все, кто умел. Тормашев спрятал ее в карман и шум утих.

– Ну, я вижу, вы и сами всё знаете. А каков же облик этих людей? Внедрять в сознание своих товарищей лживые домыслы западной пропаганды! Я требую положить конец этому безобразию! Предлагаю: Екатерину Борову...

– Расстрелять. – Подсказал ведущий, не выдержав серьезности своей роли.

– Предлагаю: студентов Борову и Корова из комсомола исключить. Ходатайствовать об их отчислении из института. Приказ, между прочим, уже печатается.

Тормашев завершил свою короткую речь и сел на свое место в президиуме. Некоторое время стояла напряженная тишина. Потом заговорила галерка.

– Ребята! Оказывается, еще до собрания всё было решено.

Приказ, вот, уже готовят...

– А вон, перед Тормашевым лежит бумажка, отпечатанная на машинке. Может, это наше постановление? Как, Тормашев? Нам сверху видно всё, ты так и знай!

– И что в этом плохого? – Не смутился Тормашев. – Вы болтались без цели, а я трудился.

– А зачем же ты сюда нас позвал?

– Хватит, – вмешался ведущий. – Слово Корову. Пусть прольет свет на свой проступок.

Это был намек залу: всё-таки проступок, а не преступление.

Витя Коров не испытывал волнения.

– Какой свет я могу пролить, нету там никакого света, – развел он руками. – У нас всё по-честному. Мы измерили несущую частоту американцев, усилили и так отделили шум от полезного сигнала. Потом то и другое пустили в эфир, но по разным несущим частотам. Поэтому всякий мог настроить свой приемник и слушать, что хочет – чистый сигнал или голый шум. Это было, между прочим, не так просто выполнить технически.

Выступление Вити поставило Тормашева в тупик. Тормашев никого не считал дураком: нельзя недооценивать врага. Но, похоже, что как раз Коров ничего эдакого и не замышлял. Решил дать людям выбор, кто хочет, слушает Голос, кто хочет – шум и треск. Нужно дать слово Боровой. Уж она точ-

но наивной дурочкой не была, тем более что дружила с Тенгизом, человеком правильным и прямым. Тормашев не был начетчиком. Он не подстраивался под новые веяния, у него над кроватью портрет Сталина висел и он опасался, что единовластие вот-вот перейдет в руки ренегатов.

– Мне легко мотивировать, что и зачем, – спокойно начала Катя, которая перед этим скоординировала линию защиты с Тенгизом. – Есть те, которые боятся западного злопыхательства. Им кажется, что стоит лишь чуть приоткрыть железный занавес и социализм рухнет. А правда не должна бояться лжи. Имеющий уши да услышит. Мы дали возможность всем убедиться, как жалок лепет Голоса Америки.

Тормашев об этом прежде как-то не задумывался. Он и сам поражался, как можно верить западным бредням. Катя села, а ведущий спросил, есть ли еще желающие. Тормашев показал ведущему на Тенгиза и тому дали слово.

– Хочу рассказать, что я, лично я, извлек, слушая ахиною, которую шлет в эфир Голос Америки. Кое-кто уверен, что частное предпринимательство активизирует экономику, и она цветет и пахнет. А это грабеж народа. Самый простой способ основать свое дело – торговля. Покупаешь оптом, почти за дарма, а реализуешь втридорога. Для этого не требуется ни ума, ни фантазии. Торговлю нужно монополизировать, как в нашей стране, а коммерческая тайна должна быть вне закона. Конкурировать должны товары на свободном рынке, а не мошеннические схемы. Не нравится в одном магазине

– иди в соседний. На Западе даже величину зарплат сослуживцы друг от друга скрывают. Зачем напускать туман, если ты честно вкалываешь? Сравните всё это с положением дел в нашей стране. Зарплаты свои никто не скрывает. Это было бы смешно. Я не хочу сказать, что у нас в стране зарплаты смешные. Просто они у всех почти одинаковы.

Оживление в рядах показало, что зал оценил. Прогрессивные вольнодумцы выдохнули и чуть-чуть успокоились. Вероятно, они соображали, как бы они дискутировали при случае, защищая свободу торговли в западных странах.

– Теперь о защите прав человека, – продолжил Тенгиз. – Многие критикуют наш суд. А посмотрите на судебную систему Америки. Талантливый адвокат по карману лишь толстосуму и запросто его отмажет, а бедняк сядет за какую-нибудь ерунду. Где тут равенство всех перед законом? А выход есть. Адвокат должен быть бесплатным. Выбирать его следует по жребии, а оклад связать с долей выигранных им дел. Я напомню, что у нас наказывают, невзирая на лица, даже членов политбюро, как это было в 30-х годах.

Зал удовлетворенно хохотнул, а Тенгиз подошел к столу президиума и попросил Тормашева налить ему воды. Тормашев был благодарен Тенгизу. Ведь он чуть было не лишил будущего правильных ребят. К сожалению, не все отдают себе отчет, как оно всё устроено в мире.

– Мне можно кое-что добавить или время вышло? – вежливо спросил Тенгиз у ведущего.

– Обязательно можно – вмешался Тормашев, увидев, что ведущий качает головой. – Пусть народ послушает.

– Несколько слов о налогах. – Продолжил Тенгиз. – Прогрессивный налог – это справедливо. Богатые и должны переплачивать, так как любая держава больше тратит на охрану дворцов, чем на охрану хижин. Но где налог на роскошь? Я не имею в виду поместья, яхты и прочую ерунду. Роскошь – это другое. Когда нанимают кухарок, садовников, охрану и прочую службу, это означает, что один человек покупает жизнь другого человека. Мы людей родили, вырастили, обучили, защищаем от криминала и внешних врагов, а они тратят силы на обслуживание прихотей какого-то одного сибарита. – Здесь Тенгиз подпустил немного акценту. – Индивидуальное обслуживание частных лиц должно облагаться, ах каким высоким налогом! В заключение, хочу поблагодарить Катю Борову и Витю Корова, которые сдернули завесу тайны с этого, – он ткнул указательным пальцем в пол, картинно запнулся и повернул палец к потолку, – я хочу сказать, того чудовищного мира.

Тенгиз кончил и под одобрительный гул зала занял свое место. В президиуме все, кроме Тормашева, поняли издевательский смысл игры Тенгиза и обдумывали, как быть с непокорным залом. В это время поднялась Юля Латынская и сказала, что у нее есть, что добавить.

– Некоторые критикуют наши выборы. Сказать честно, я и сама раньше сомневалась. А как это устроено на Западе?

Казалось бы, всеобщее голосование – это демократично. Однако там миллионы безработных бездельников живут на пособие. Дай им подачку – и они проголосуют за что угодно. Не трудишься – не голосуй. И еще. Сколько было вылито грязи на карательные органы нашей страны за то, что наказывали членов семьи врагов народа. Дети, мол, за родителей не отвечают. Но тогда почему дети состоятельных родителей получают наследство, и жируют, не ударяя пальцем о палец? Если дети не отвечают за негативные деяния отцов, то с какой стати они пользуются их «позитивными» деяниями! Я хочу спросить тех, кто критикует наши органы, почему бы не поднять вопрос о порочном праве наследования на Западе, кишка тонка?

– Что-то у нас выступают сплошь представители группы поддержки обвиняемых. – Выразил озабоченность ведущий. – Есть у нас другие мнения?

– Есть. – Заявил Сема. – Мне хотелось бы напомнить, что Голос Америки кое о чем умалчивает. В Америке многие лечатся за деньги. А ведь платная медицина – это аморальная деятельность. На защиту здоровья имеют право все. Если, наряду с бесплатной медициной, будет и частная, туда перетекут лучшие силы и пострадают неимущие. Наслаждайся своими деньгами по-другому: купи себе супермоделей, под завязку, а потом, если что, болей себе на общих основаниях. То ли дело у нас: поблагодарил врача – и лечись на здоровье.

Юля подседа к Сокову и вопросительно на него посмотрела. Тактика Тенгиза произвела на Сокова впечатление, и он рассудил, что на этот раз проиграл. Под строгим взглядом Юлии он тоже попросил слова.

– Уважаемый председатель, мне бы хотелось охарактеризовать Екатерину Борову, как девушку порядочную, но способную увлекаться. Я её знаю непосредственно. Она иногда заблуждается, но всегда исправляет свои ошибки. Мы должны это учесть и проявить мягкость.

Тормашев и сам так полагал. Тем более, Соков выражал мнение парткома. Настала пора выступить с заключительным словом:

– У нас было сегодня захватывающее обсуждение. Уверен, что никто не будет возражать, если мы оценим фигурантов сегодняшнего разбирательства, как людей порядочных, но кто не ошибается? Что касается дальнейшей судьбы передач Голоса Америки, надо посоветоваться со старшими товарищами.

История с Голосом Америки, к сожалению, на этом не завершилась. Наконец, зашевелились спецслужбы. Аргументы, убедившие Тормашева, на них впечатления не произвели. Катю с Витей стали вызывать на беседы. Слезные письма от профессуры приняли во внимание, но дело тянулось и тянулось. И здесь Тенгиз единственный раз воспользовался мохнатой лапой. Воспитанник его отца, повоевавший в молодости на Кавказе, дядя Резо, дослужился до генерала. И

под его поручительство дело закрыли: Тенгиз отрекомендовал Катю, как почти что родственницу.

12. Парадоксы русской души

На этот раз Юля заглянула в буфет и притащила сумку с кефиром в рекреацию, где они расположились на диване в перерыве между лекциями. Разговор за кефиром всегда нетороплив и ни о чем.

У Сокова было неважное настроение. Он видел, что Тенгиза Катя не волнует. А ведь все девушки мечтают о браке. Тем более, он был москвичом, а Катя – нет. И он сделал попытку. Сегодня, на бегу, он перехватил Катю и пригласил ее в консерваторию. Катя знала, что интеллигентные девушки иногда посещают концерты классической музыки, и она как-то пробовала. Но такая музыка ее усыпляла, Юля будила ее локтем, и она с трудом досиживала до конца. Поэтому она поблагодарила Сокова и сослалась на занятость. Тогда Соков взял ее за руку и попробовал надеть ей на палец кольцо с каким-то красноватым камнем. Катя полюбовалась камнем и вернула кольцо Сокову:

– Вы, Соков, как будто рациональны во всех отношениях. А у Метрополя прохаживаются валютные девушки и некоторые, по отзывам, очень даже ничего. Вам, Соков, это дешевле обойдется.

Соков всё это не забыл. В данный момент он сидел рядом с Тенгизом и напротив Кати и не мог сообразить, любит он её или презирает.

До следующей лекции оставалось несколько минут, и о чем-то важном никто говорить не рассчитывал.

– Вот кто мне разъяснит загадку русской души? – обозначил тему Тенгиз. – Зачем вам сильная рука? Потому что любите быструю езду? А без кнута не поскачешь?

– Никакой загадки нет, – протянула Катя, вытирая кефир с губ тыльной стороной руки. – В любой деревне есть мужичок, который умеет абсолютно все, и каждый второй изобретает вечный двигатель. Иногда придумывают что-нибудь толковое, но лишь в одном экземпляре. Запустить в серию нам не по зубам. Пока в зубы не дадут. Тут и требуется направляющая сила.

– Ну да, «партия – наш рулевой», – пропел Тенгиз. – Но, кстати, насчет умельцев вы не уникальны. В моем захолустье есть некий Петрович. Он создает шедевры, на зависть любому местному уникаму. – Тенгиз оглядел присутствующих, но никто, кажется, не обратил внимания на подозрительное имя грузинского умельца. – Ну ладно, любите вы сильную руку. Пусть. Но при этом держите дулю в кармане, косите от работы и рады что-нибудь со службы стащить.

– Да это же элементарно, – внесла ясность Юля. – Они нас, а мы их.

– Тогда зачем же вам сильная рука? Дабы враги боялись? Вот и надрываете пупок.

Представители титульной нации переглянулись.

– Однако, парадокс, – нехотя уступила Юля.

– Один любопытный парадокс случился вчера вечером в нашей комнате, да, Юлька? – Загадочно прошептала Катя.

Юля неловко улыбнулась, но не возразила:

– Да ладно уж, расскажи, подруга. Тебе, ведь, хочется.

– Как вы знаете, – начала Катя, – Юля исследует крыс. Даже в руки их берет. Героиня! А вчера к нам забежала мышка-малышка и Юлька, как нормальная женщина, вскочила на стол и визжала, пока я, хлопая тапками, беднягу не прогнала.

– Так ведь мышь была почти что черная, а крысы мои – белые.

Теперь говорить приходилось громче, потому что в коридоре включили полотер.

– Я так и посчитала, ты боялась об нее испачкаться. Ладно, проехали, так что у тебя там за парадокс, – обратилась она к Тенгизу.

– Вопрос не сложный. Мечтаете о сильной власти, но пытаетесь обвести ее вокруг пальца. Могу растолковать, мне со стороны виднее. – Тенгизу пришлось повысить голос. – Очень уж у вас лютует местное начальство. Вот им, местным боссам, вы и вредите. И надеетесь, что сильная рука с вашим гадким начальством расправится. Вы-то от сильной руки далеко, а начальство – поближе.

– Ты, как всегда, омерзительно логичен, – вроде бы уступила Юля. У нее говорить громко получалось отлично. – А местное начальство у нас, конечно, гадкое от рождения?

– Виновато во всем государство, – не промолчала Катя,

откашлявшись. Она не умела говорить громким голосом. – Грабит поборами и запрещает. Обслуживает избранных, а нас в расчет не берет. Всё бы и само устаканилось, дай только людям волю.

По натуре, Катя склонялась к анархизму.

– В общих чертах согласен, – вежливо возразил Тенгиз. – Державу особо любить не за что. Но, как быть? Оно обороняет человека от другого человека. И попутно его немножко оболванивает, обирает и обламывает. Для всеобщего спокойствия. Элитам комфортно, когда все шагают в ногу.

– Коль скоро все шагают в ногу, то уж точно не туда. – Попыталась перекричать полотер Катя. – Когда маршируют – не размышляют.

Все уже допили кефир, один Витя никак не мог справиться со своей бутылкой, явно, планировал попутно какой-то электронный шедевр. Соков тоже думал о своем. Он не стремился отстаивать официальную политическую линию, хоть это и было теперь его обязанностью, и он не был зашоренным, как Тормашов. Соков еще со школы знал, что проводить надо собственный курс, а не установку чужого дяди. Поэтому он снисходительно относился к проблеме личности и страны, которая волновала Тенгиза: государство – это среда, в которой личность карабкается к счастью.

Главное, что всех их сближало – не поддаваться посторонним авторитетам.

Полотер приблизился к рекреации, и приходилось уже по-

что кричать.

– Ну ладно, русских мы развенчали, – вернулась к сути обсуждения Юля. – А какие черты характера присущи грузинам? Чем таким замечательным они отличаются от нас?

Внезапно настала тишина, это уборщица дошла до рекреации и выключила полотер. Но Тенгиз, по инерции еще прокричал во весь голос:

– Чем отличаются? Да всем! Русские уверены, что у них древняя культура, особая национальная идея, миссия и духовные скрепы. Что они указывают путь всем остальным и что они первые во всем. А у грузин всё наоборот. Они считают, что это они.

– Чего это вы все тут орете, – проговорила уборщица строго, – чай, не в лесу!

13. Атака на Катю

Тему дипломной работы предлагал обычно научный руководитель. Отличная задача возникает, когда нечто не вписывается в рамки существующей теории. Тут и требуется найти ответ и прояснить понимание. В некоторых случаях студент выбирал проблему сам и это очень приветствовали. Но следовало убедить кафедру, что поиск ответа расширит знания о природе вещей.

Способность задавать вопросы высоко ценили и учитывали даже при зачислении на первый курс. После успешной сдачи экзаменов приемная комиссия проводила собеседование с абитуриентами. Задавали вопрос, часто нестандартный, не входящий в школьную программу. Нужно было найти ответ или рассказать, какие эксперименты стоит предпринять для поиска разгадки. Это было очень не просто, однако абитуриент имел право, вместо этого, сам задать вопрос приемной комиссии. Тут он рисковал: ответы почти на любой вопрос кто-то из приемной комиссии наверняка знал. Тогда вопрос признавали не слишком принципиальным. И этой опцией почти никто не пользовался, но Катя, в свое время, решилась. Она спросила, почему, если вытащить из ванны затычку, вода закручивается по часовой стрелке, потом вращение замедляется, останавливается и вдруг, в последний момент, закручивается в противоположную сторону.

Комиссия знала, почему вода закручивается по часовой стрелке. Это наблюдается в северном полушарии, а в южном – наоборот. Однако никто не знал, почему в конце процесса направление вращения меняется на обратное. Более того, не ясно было, наблюдается ли это на самом деле или это фантазия Кати Боровой. Поэтому Катю отправили постоять за дверь. Она ожидала, пока принимали очередных абитуриентов, а кто-то из комиссии сбегал проверить, как закручивается вода в реальности. Потом Катю позвали, сообщили, что она зачислена, и попытались разъяснить феномен. Катя призналась, что механизм явления до нее не дошел. Но стала студенткой.

Тему для своей дипломной работы Катя тоже выбрала сама: создать квазиживую систему. Кафедра тему утвердила. Сочли, что, попытка того стоит. И отрицательный результат тоже может лечь в основу дипломного проекта. Поэтому Катя занималась своим поиском уже не в свободное время, а на законных основаниях.

Однако, по ходу дела, ей чуть было не пришлось тематику поменять. Академик В. Танин-Домбровский прислал на кафедру письмо с разгромной критикой Кати. «Всем известен блестящий научный потенциал вашей кафедры. И все-таки, я хотел бы выразить недоумение легкомысленным отношением к выбору тематики студенческих работ. Примером служит Е. Борова с ее моделированием мозга на основе идеи о нейроне, как о живом организме со своим аппаратом управ-

ления. Давно известно, что нейрон – это примитивный пороговый элемент, а сложность мозга заключается в особенностях сети нейронов. При обучении в коре мозга образуются новые связи и в этом суть приспособления организма к среде. Это установил еще И. П. Павлов и уже достигнуты впечатляющие результаты. А в это время Е. Борова позволяет себе издеваться над нашими идеями. Она пишет, что запоминание с помощью перестройки сети мозга похоже на попытку нарисовать всю картинную галерею на единственном холсте. Кафедра должна внимательнее относиться к своим студентам».

Для Кати и ее друзей это было полной неожиданностью. Ведь ни один из полученных ими результатов еще не был опубликован. Пример с картинной галереей она и в самом деле приводила в своих черновых записках, рассматривая результаты В. Танина-Домбровского. Идея сравнения принадлежала Юле. Но как об этом узнал уважаемый академик?

Катю вызвали на заседание кафедры, там присутствовал сам В. Танин-Домбровский, и ее подстерегала новая неожиданность. Оказывается, это не он на нее напал, а она на него. Он получил дерзкое письмо от Кати, в котором с презрением рассматривались его труды, и она даже допускала издевательские эпитеты в его адрес. Катя внимательно ознакомилась со «своим» письмом и вынуждена была признать, что, по сути, со смыслом письма она согласна, но категорически возмущена тоном изложения. Конечно, подход к проблеме у

них с академиком разный, но она в своих поисках многому научилась у своего научного противника и ему благодарна. Письмо она не писала, но просит у академика извинения за грубый тон. Она признает вину, так как письмо прислал, наверное, неизвестный ей сторонник ее работы.

Она очень была потрясена происшедшим, покраснелась, прядь волос прилипла ко лбу, а голос дрожал. Катя была девушкой искренней и чистой. Удивительно, но академик сразу поверил Кате. И они примирились.

После этого друзья перебирали, кто мог быть автором письма? Он выглядел недоброжелательным сторонником, но был осторожен и себя не подставил.

Тенгиз сказал, что у него есть предположение, но делиться ни с кем не стал. А кому-то этим своим заявлением настроение испортил.

14. Компромат на Тенгиза

Ранним утром, когда Катя едва успела причесаться, а Юля еще наводила марафет, к ним забежала Ниночка. Она вся была полна таинственности и сразу подскочила к Кате.

– Ой, девочки, что я достала! Кумир ваш, Тенгиз, ни за что не поверите. А такой, вроде бы, славный юноша...

– Что случилось-то, скажи толком, – остановила её Юля.

– Да тебе, Юля и не интересно вовсе. Ты, Катюша, посмотри. Я таких фоток никогда не видела.

Она протянула Кате стопку фотоснимков. Катя взяла в руки эту колоду и стала просматривать с непроницаемым лицом. На всех снимках фигурировали пары: Тенгиз и какие-то девушки – все разные. Молодые и – не очень, полные и кожа да кости, брюнетки, рыжие, а одна даже лысая. Были дамы из высшего света, а некоторые – оборванки (видимо, художницы, подумала Катя). Определить, какие женщины больше нравятся Тенгизу, Катя не сумела. Получалось, что любые. Иногда пары сидели за шикарным столом, чему-то смеялись, а иногда Тенгиз рассказывал что-то умное. Фотограф не погнушался даже репортажами из постели.

– Ну и гадость... – Деланно возмутилась Катя. – Ты это у Семы нашла?

– Нет, нет! – испугалась Ниночка. – Сема ни сном, ни духом. Он не такой. Вы ему, не дай бог, не скажите.

– Что у вас тут за тайны? – Заинтересовалась Юля и заглянула Кате через плечо. – Что за ерунда, кому это надо. Так ты говоришь, Сема не в курсе. А кто в курсе?

– Мне это Соков презентовал.

– Соков! – Воскликнула Катя. – Бьюсь об заклад, что это он посоветовал тебе ко мне прибежать.

– Ну, Катька, ты и вправду очень умная, – всплеснула руками Ниночка.

– Давай, Ниночка, договоримся. Ты поручение выполнила, снимки мне отдала, и забудем об этом. Ты – никому ни слова, молчишь, как рыба. Мы Семе ничего не скажем, а Сокова я сама поблагодарю.

Ниночка, удовлетворенная, убежала. А Катя с Юлей пришли к выводу, что отснять такое несметное количество компромата мог лишь профессионал. Где Соков повышал свою шпионскую квалификацию – одному богу известно. Или нанял кого-то?

Девушки договорились, что о талантах Сокова Тенгиз узнать должен, а о сути компромата – ни в коем случае. Поговорить с Тенгизом взялась Юля.

– Я лицо заинтересованное, – поделилась она своими мыслями. – На следующие пикантные фото запросто могу попасть и я.

Катя в этом сомневалась.

15. Лекарство от корысти

Тем временем приближалась защита дипломов. Юля, Тенгиз и Соков выставили на защиту проекты, лишь косвенно связанные с их заветной проблемой. Задачу они выбирали вместе со своими наставниками. Катя собралась предъявить на защите проект блока, способного чувствовать свое состояние. А Витя выставил на защиту действующее устройство, реализующее Катину разработку. Аппарат предпринимал защитные меры против ударов, скачков напряжения, влажности и температуры. Если тот же самый вредящий натиск повторялся, защита ускорялась, а в дальнейшем прибор предпринимал превентивные меры, обнаружив, что вскоре можно ожидать новой атаки.

Оба, и Катя, и Витя, играли с огнем. Их аппарат спасал себя от повреждений, но ничего полезного, пока не делал. Получалось, что они создали ненужный аппарат для обоснования бредовой идеи о возможности вдохнуть в неживую материю некое бледное подобие жизни.

Очередной их семинар друзья провели в комнате Тенгиза и Сокова. Киевляне проявили уважение и отправились в кинотеатр. В помещении был идеальный порядок. Здесь не пили и не курили. Банки с окурками давно уже не было. Отношения Сокова с товарищами по команде, может быть, и не отличались особенной теплотой, но обеспечивали твор-

ческую атмосферу. Друзья относились к нему, как к соратнику, но понимали, что он мыслит себя их сообщником.

Катя подвела итоги их совместных усилий:

– Наш аппарат уже держится, как живой. Но если его долго обучать, то ведёт он себя вполне целесообразно, однако нового качества не появляется, какова агитация, таков и результат. Юля, ты можешь подсказать, как там, в мозге, нейроны находят консенсус?

Юля убрала со стола листок со следами недавно разыгранного преферанса и выложила свои экспериментальные графики. Она не собиралась останавливаться на подробностях, но их наличие ее успокаивало.

– Ответить на этот вопрос я пока не могу. Но кое-что любопытное имеется. Нейроны взаимодействуют не только по вертикали власти, но и друг с другом, напрямую. – Пояснила Юля. – Те из них, которые более активны, поглощают ресурсы пассивных соседей. Но впоследствии пострадавшие нейроны выделяют вредящие вещества и этим портят успешные нейроны. Представь, Тенгиз, что твой коллектив – это избиратели. Ну и как выглядело бы голосование при драках на избирательном участке?

– А вот как раз это нужно бы использовать в построении большого и дружного товарищества. Скажем, я тебя ограбил, но мне за это аукнулось. Это ведь было бы по-честному.

– Как это, – возмутилась Катя. – Ты меня премии лишил, а я у твоей машины колеса проколола?

– А что? Всякий должен иметь возможность показать, что ему плохо, – присоединилась Юля к Тенгизу.

– Ну, дело не в этом. Они там, наверху, итак знают, что нам плохо, да им плевать на это, – настаивал на более жестком сценарии Тенгиз. – Нужно не плакаться, а наказывать.

– Нейроны-то наказывают своих соседей. Тебя устроила бы такая среда, Тенгиз, где бедняки наказывали бы друг друга? – Не соглашалась Катя.

– Между прочим, – отметил Тенгиз, – во время революций так и случается. Обездоленные схлестываются в перестрелках, а элита переживает в укрытиях или бежит за кордон. Но ты, Катюша, слушала Юлю не слишком внимательно. Нейроны наказывают наиболее притких соседей, главарей толпы, жирующих за их счет. И не нужно доводить до революции. Реагировать нужно по ходу событий, а не тогда, когда видишь своего господина в автомобильном кортеже.

– Если хочешь знать, внедрить это в нашу модель не так уж и трудно. – Заметила Катя.

– Братцы, да вы опасные люди, – засмеялся Соков.

– Я не призываю к бунтам, но нужно как-то устроить, чтобы обидчик своей шкурой воспринимал тяжесть ущерба, который он нанес, – настаивал Тенгиз.

– Это будет потруднее организовать, чем работа построить. – Возразил Соков. – Народ уже выращен, его не переделать с наскака. Любой, кто осуждает лихоимство, не откался бы и сам очутиться на тепленьком местечке. Как это

можно переиначить?

– Не нужно суетиться, Соков. – Успокоил его Тенгиз, – об этом думать рано. Во-первых, я не знаю, на каких принципах строить рай на Земле. Идеи еще зреют. А во-вторых, речь идет о научной проблеме, а не о правительственном перевороте.

16. Гласность – это больно

Шел 1987 год, все осмелели и обсуждали слухи вслух, а не в узком кругу.

Газеты стали писать разное, а многие привыкли верить всему написанному. Было непривычно гадать, где истина, а где радость журналиста от исчезновения цензуры.

Вместе с тем, сильно пострадал пантеон национальной славы. Оказалось, что надоевшая идеология была обставлена множеством примеров, шаблонов и подробностей по разным поводам. Теперь никто не знал, чем гордиться, чего стыдится и как примириться с тем, что в тебя долго внедряли то, чего на самом деле нет. Образцы достойного поведения дают каждому ориентиры для его совести. Религия предлагает верующим пантеон праведников. А бескорыстное служение науке опирается на примеры Диогена, Джордано Бруно или Лавуазье. Попытка развенчать святых чрезвычайно болезненна.

Но именно это и произошло с мучениками страны Советов. Так, комиссаром «Молодой гвардии», оказывается, был не Олег Кошевой, а какой-то Третьяков, которого до того считали предателем. Газеты намекали, что во время написания романа Фадеев, якобы, жил в доме матери Олега Кошевого. История о 28 панфиловцах оказалась литературным вымыслом, а грудью на амбразуру бросались сорок бойцов

еще до Матросова, да и жертва их в пылу боя была не вполне осознанной. Рекорд Стаханова подтасовали, а трудовой героизм в стране либо не наблюдался вовсе, либо являлся уделом карьеристов. Но самая комичная метаморфоза произошла с оценкой Троцкого, вселенского врага народа. В советское время, когда революционеров почитали почти святыми, как-то не вспоминали, что это именно он возглавил октябрьское восстание в Питере, был председателем Реввоенсовета и создал Красную армию. Даже прославленную буденовку на буйные головушки водрузил он. Но отныне, цели революции развенчали! И тут вспомнили о Троцком. Оказывается, именно он заварил всю эту кашу! И остался аморальным, но уже по новой морали.

Наши герои тоже были придавлены огромностью всеобщей неправды. Всё, в чем они были уверены с детства, надежно оплевали. Сейчас они разлеглись на лужайке у входа в лабораторный корпус, и у них не было настроения обсуждать свои научные проблемы. Они даже пропустили занятия.

– Кумиров, как и злодеев, нам назначали сверху. – Поделилась своей растерянностью Юля. – Теперь мы знаем, кто есть кто. С другой стороны, так ли уж важен, конкретный автор свершения. Мысли о природе эволюции приходили в голову Демокриту, Лукрецию, Мальтусу и другим умным людям. На свете вообще много умных людей. А теорию эволюции одновременно сформулировали Уоллес и Дарвин. Но мы славим Дарвина, и дети изучают историю его открытия в

школе. В конце концов, важна концепция, а не то, кто именно ее автор. То же самое и с нашими славными героями борьбы и труда.

– Позволь тебе возразить, – не согласилась Катя. – Ведь наш пантеон не создавал ничего, кроме нравственных ценностей. А вдруг, и самих свершений не было вовсе?

– Может, хватит о наших державных идолах? – Сказал Соков равнодушным тоном. – Мы не знаем, где правда, а где ложь. Но всё это и не важно. Тебе подсовывают некое, по их мнению, духовное совершенство? А ты не бери в голову, себя лучше не давай в обиду.

– Я не согласна, – покачала головой Юля. – Моральные идолы всё-таки должны сидеть внутри нас, хотя бы воображаемые. Иначе легко оскотиниться. Совсем недавно бросили камень в Зою Космодемьянскую. У нее, мол, с детства была пониженная чувствительность к боли, поэтому и выдержала пытки. Я бы тоже не выдержала, да и кто выдержит, разве что Тормашев? В армии некоторых стран солдат даже учат: захватят в плен – говори всё, что знаешь. Командиры заранее исходят из того, что данные, которыми владеет пленный, всё равно станут известны врагу. Не нужно героизма, не будь хотя бы негодяем. И особенно в обыденной жизни. – Юля невольно бросила взгляд в сторону Сокова. – Не быть мерзавцем – это иногда уже немного героизм.

– А как относишься ты, – обратилась Катя к Вите, – ко всем этим новым веяниям?

– Мне всё это даже нравится, – серьезно ответил он. – Помню, был пацаном, меня мучила история с Павликом Морозовым. Очень я бату любил. Не мог бы я на него накапать. Никому не признавался, но знал, что я размазня. А оказывается, что он и не доносил вовсе. Его следователь допрашивал, а он отбрехивался. У меня прямо гора с плеч.

Рассказ Вити коснулся болезненной драмы в семье Тенгиза. Дед по матери, из обедневшей ветви князей Дадиани, делал вылазки против карательных органов красных. Прятался в горах и совершал набеги на патрули. А возглавлял эти органы отец Тенгиза, Шалва. Дед со стороны отца, тоже Тенгиз, управлял тогда городом, а в юности знал покойного отца князя. Он поднялся в горы, уговорил того прекратить бесполезную борьбу и устроил ему побег в Турцию.

Для этого он на портовом катере вывез его в легком водолазном костюме к турецкому побережью и пообещал устроить побег его жены и дочери через сухопутную границу. Но эта операция провалилась, княгиня погибла, а маленькую княжну захватил Шалва. Тут-то и выплыла роль старика Тенгиза Пагавы. Перед расстрелом он просил сына пощадить маленькую княжну. Шалва это выполнил, отправил ее к сестре князя, а через много лет женился на ней и назвал сына в честь своего отца. Князь поселился в Лиссабоне и поддерживал финансово дочь через свою сестру. Шалва не имел понятия о происхождении денег, полагал, что это крохи из княжеской казны. А Тенгиз узнал об этих подробностях уже

после смерти отца.

17. Боссы перенацеливают цели

Теперь все дружно полюбили капитализм и опять бубнили нестройным хором одно и то же, кроме Тормашева и некоторых его товарищей. Но кое-кто из товарищей, как Соков, охотно признали свои прежние ошибки. Будучи наиболее активными членами социума, они первыми сориентировались в новых условиях и направили свои таланты на добывание нового предмета поклонения – капитала. Обывателей возмущало, как они быстро перекрасились, но это было несправедливое обвинение. Они проводили линию партии, когда ей принадлежала власть. Сейчас власть изменилась, и они снова проводили линию власти, власти капитала. Это была их сущность: они не ждали милостей от судьбы, брали ее в свои руки. Ни раньше, ни сейчас фальши в их поведении не было: успеха они добывались разрешёнными способами. Соков честно объяснял членам их команды, в чём они заблуждались раньше и в чём заблуждаются теперь. Но, в отличие от партийных активистов, тот, кто настрадался в прошлом, теперь труднее воспринимал новую нравственность.

У киевлян сегодня были гости, поэтому собрались у девушек, приятели уже чувствовали их комнату почти что своим домом. Соков успел расположиться на постели Кати, Тенгиз валялся на Юлином ложе, а хозяйки чинно сидели за столом, где были разбросаны их черновики. Подоконник занял Се-

ма, ненадолго заскочивший в гости. У него было время, пока Ниночка, теперь уже супруга, навела красоту перед выходом в свет. Витя стоял у книжных полок, листая свежий технический журнал.

– Меня восхищает новая пропагандистская доктрина, – без признака восхищения сказал Тенгиз. – Нас убеждают думать о себе. Мол, собственный успех и так ближе, чем общее благо. Это правда, суровая правда. Но зачем делать из животного чувства культ?

– Это, конечно, более серьезная проблема, чем обсуждение воображаемых подвигов и всяких несостоявшихся героев. – Поддержал Сема. – Ради чего мы живем? Хотим взять от жизни всё или что-то стоит отдать – для будущего. Теперь получается, что о потомках думать следует, но лишь о своих собственных. А благополучие своих потомков иногда противоречит интересам потомков чужих. И что? Плюй на всех ради личного счастья?

– Лучше всего устроилась я, – поддела Сему Юля. – Своих потомков у меня не ожидается. Буду заботиться о Ниночкиных. И никто не упрекнет меня в бездуховности.

Сема немного заделся:

– Напрасно ты, Юля. Забота о себе – самый надежный стимул. Нам теперь внушают, что это святая истина.

– Согласен, на все сто, – пришел на выручку Семе Соков. – Не надо притворяться святым. Мир стал бы честнее, если бы каждый признал, как Сема, что живет для себя и что

собственная польза ему важнее, чем все заботы посторонних субъектов.

– Вы, Соков, немного перегибаете, – отсекся от союза с ним Сема – Я, может быть, и центропуп, но не до такой же степени.

– Успокойтесь, коллеги. Всё к лучшему, – продолжал подтрунивать Соков. – Наконец-то из ваших голов выметут мусор, который там скопился. И вы бросите верить всякой ерунде.

– Можно подумать, – фыркнула Катя, – что у вас, Соков, в голове мусора не было.

– Нет, Катя, мусор у меня в голове тоже был. Но я и воспринимал его, как мусор. И партия для меня была средством, а не целью. Так было принято.

– Погодите, – возмутилась Катя. – Значит, вы всегда, день за днем, ввали?

– Я не врал. Это был спектакль. Ты как считаешь, актеры тоже врут? Вы все, как и я, знали, что идеология дутая. И что же, думали, что как раз я на полном серьезе верил во всю эту чушь?

– Для нас это не чушь, – подал обиженный голос Витя. – Это было чушью для начальства. И мы знали, что нас держат за дурачков.

Соков снисходительно улыбнулся:

– Я вижу, вас всех волнуют моральные ценности, так в чем затруднение? Вот вам святые заповеди, раз вам это так

важно. И не забывайте о своем, сокровенном. Заповеди – заповедями, но: плодитесь и размножайтесь, как советует Библия.

– Вы прогрессируете, Соков. Того и гляди свечку в храм понесете. – Кольнул его Сема.

– Нужно отличать важное от пустяков. – Продолжал пояснять свою новую позицию Соков. – Могу привести вам показательный пример из бытия номенклатуры. В нашей стране начальник, проваливший дело, не идет под суд. Его просто переводят на другую должность. И не нужно этим возмущаться. У них там критерии иные. Дело, говорите, завалил? Жаль. А своих он предавал? Нет. Должность дают, чтобы хороший человек жил в довольствии и давал жить другим. А он так и жил, кодекс их чести не нарушал. При царе это называли – быть на кормлении.

Было ясно, что Соков знает, а чем говорит, и что об этом уже говорить можно: И нужно.

– Не стоит задумываться об убеждениях. Что законно, то морально. А в коридорах власти нормально даже и то, что не вполне законно.

– Не соображу, вы всерьез говорите или поддразниваете? – Попыталась уточнить Катя. – В конце концов, тогда, в зимнем лесу, Сема не обязан был тащить Витю.

– Не обязан, – возразил Сема, – но была и выгода: я приобрел друга.

– Дурчится он, – заверил Витя. – Он тогда сам едва не

помер.

– Чем вы недовольны? – Почти возмутился Соков. – В кои-то веки, я вам честно растолковал смысл жизни, для вашей же пользы!

– Я вам объясню, чем – вмешался Тенгиз. – Конечно, человек, да что там человек, любая букашка исходит из своих нужд. Но ведь мы же не букашки. Мне, скажем, скучно жить ради того, чтобы плодиться и размножаться. У меня есть и другие потребности. Я хочу понять, как всё устроено и я не люблю ловчить. Не из этических соображений, но очень уж это занудно. А мы, слава богу, пока не на вершине власти, и взгляды у нас не номенклатурные.

– Вот я и полагаю, – возразил Соков, – что есть смысл добраться до вершины и посмотреть, не изменится ли наше понимание порядочности.

– Вам, Соков, это не грозит, – усмехнулся Тенгиз.

– Что не грозит, не смогу добраться до вершины власти?

– Да нет, Соков. Полагаю, что это место как раз для вас.

Но принципы у вас не изменятся.

– Это ты мне комплимент преподнес или осудил?

– Ни то и ни другое. – Грустно ответил Тенгиз. – Вы, Соков, как раз сейчас нам растолковали, что принципов у вас нет совсем. Только интересы.

– Ладно. Правду за правду. – Привычно понизил голос Соков. – Признайтесь, наконец. Вы все здесь и в самом деле бесребреники или играете такую роль на людях?

Вопрос был в лоб. Ответила Юля:

– Желаем ли мы материального успеха? Да, конечно. Мы лишь не хотим посвятить этому всю жизнь. Но есть и еще один момент. Мы хотим, что-то оставить после себя. Свое достижение, а не свое имя. Имя – ерунда: не придумаешь ты, придумает кто-то другой, но так увлекательнее жить.

Сема вздохнул. Он бы тоже от такой судьбы не отказался. Да Ниночка на это не пошла бы.

18. Черная метка Тенгизу

Перестройка дала неожиданный результат – объявился дед Тенгиза. Раньше такой возможности у него не было. Мать прислала длинную телеграмму. Старик приехал умирать на родине. Она его увидела впервые – он исчез из ее детских воспоминаний. Князь был значительно моложе, чем Шалва, но его сильно побила жизнь. Он объезжал скакунов, сражался с быками в роли кабальеро и так зарабатывал на существование и на помощь дочери, пока мог. Посетить внука в Москве у деда не получится – не дают старые раны. Мать удивлялась, как сильно ее отец походит на Тенгиза.

Тенгиз заказал билеты, он решил лететь сразу после сессии, через две недели. Но повидаться с дедом не удалось, он успел только на его похороны. Упокоился князь рядом со своим отцом, женой и сестрой, в родовой усыпальнице.

Друзья детства рассказали Тенгизу, что деда встретили в городе, как почетного гостя. Он располагал к себе особенной добротой и отличался от горожан полным отсутствием спеси. Здесь он сразу подружился с дядей Ваню, который, со своей кобылой, избавлял всю окрестность от мусора и которым тут все помыкали. Был ли его демократизм следствием благородного происхождения, воспитания или перенесенных невзгод – неизвестно. Тенгиз полагал, что деду с рождения не нужно было подчеркивать свое превосходство.

Он мог себе позволить быть самим собой.

По возвращении в Москву Тенгиза ожидал неприятный сюрприз. Его вызвали в секретный отдел и поставили в известность, что он лишен допуска для работы с гостайной. Обычно это было равносильно исключению из института, потому что большинство студенческих работ, так или иначе, касалось оборонной тематики. Но Тенгиз исследовал потоки однородных событий: это, как он думал, потом пригодится ему в разработке теории идеального коллектива. Никаких секретов он не касался, больше всего это имело отношение к теории массового обслуживания, сугубо гражданской проблеме.

Причину утраты допуска ему не объяснили, сказали, что сами не знают: получили готовое решение. Можно было предположить, что причина кроется в приезде ненадежного деда. Но ведь времена теперь наступили другие. Оборонка даже и собственные тайны хранит без огонька. И Тенгизу было любопытно, почему это вдруг спецслужбы проснулись на пороге завершения его учебы.

Для любого другого эта загадка была бы неразрешимой, но у Тенгиза была фора, он обратился за советом к дяде Резо и тот пригласил его в гости, у него была квартира в высотке на Котельнической набережной. Визит был назначен на очередную субботу, к тому времени уже можно было получить какой-то резон.

А пока Тенгиз посоветовался со своим научным руково-

дителем: будут ли у него трудности с защитой. Тот был поражен возникшей коллизией. У него самого допуск был, но он им никогда не пользовался. Больше того, даже и в прежние годы он с такой проблемой не сталкивался и полагал, что это какая-то антинаучная интрига:

– Нет ли у вас, Тенгиз, врага в высших сферах? Или вас подсиживает кто-то свой...

Одного интригана Тенгиз знал, но они друг другу не мешали, в комнате конфликтов не наблюдалось, излюбленную проблему решали вместе. А теперь и политические разногласия остались позади. Борьбу за Катю Тенгиз не учитывал, он еще участия в этой борьбе не принимал.

В субботу Тенгиз прошел консьержа (на него был заготовлен пропуск), и поднялся на лифте. На столе стоял графин с темно-красным Киндзмараули. Дядя Резо был в настроении и сразу успокоил Тенгиза:

– Можешь выдохнуть, твой дед здесь не причем.

– Уже хорошо, дядя Резо. Но на турецкую разведку я тоже не работаю.

– Ну, тебя подозревают в более суровом преступлении, чем шпионаж.

– Интригующее начало. А что может быть страшнее, чем измена родине?

– Всё равно не угадаешь, – загадочно пригладил усы дядя Резо.

– Не мучай, дядя Резо, раскрой государственную тайну!

– Давай, помянем князя и всё расскажем.

Они выпили вина и снова наполнили бокалы.

– Еще по одной за тебя и всё узнаешь.

Тенгизу уже было почти ясно, что причина какая-то не слишком серьезная, но ведомство, лишившее его допуска, к шуткам не располагало, и он с тревогой ожидал продолжения.

– Тебя подозревают, – шепнул дядя Резо, оглядываясь на телефон, – в подготовке государственного переворота.

– Меня?! Ну, я тогда важная птица.

– А что я говорил? Так слушай. Если я опишу что-то не так, потом поправишь. Выяснилось, что тебе не нравится наше общественное устройство...

– Дядя Резо, – перебил Тенгиз. – Теперь выяснилось, что оно не нравится никому.

– Не спеши. Дай изложить все нарекания. Тебе не нравится устройство государства, правительство и весь правящий класс. Ты хотел бы, чтобы всё было «по-честному» и народ не страдал, в твоем собственном понимании. Организовал подпольную группу единомышленников в составе трех мужчин и двух женщин, которые разрабатывают эту программу на тайных сборищах. Иногда вы предпринимаете акции, которые называете экспериментами, чтобы прозондировать некоторые скрепы в небольших коллективах. Есть и перечень таких экспериментов. Твоя цель – теоретическое обоснование возможности переделки общества на идеаль-

ных принципах. А уж обкатка этих принципов в нашей реальности произойдет автоматически. В чем я ошибся? Слушаю тебя.

– Всё правильно, дядя Резо. Только я не вижу в этом криминала. С каких это пор желание улучшить положение народа считается преступлением.

– Всегда считалось. Все государственные перевороты предпринимали с этой целью. Так ее декларировали вожди. Они, вроде бы в интересах народа, сместят правящую верхушку. А республике, то есть правящей верхушке, это, естественно, не нравится. Теперь понятно, почему это деяние считается более опасным, чем жалкие усилия какого-то шпиона?

– Но ведь речь не идет о вооруженном восстании. Это теоретическая проблема.

– Да. Пока. Если бы у вас обнаружили оружие, мы бы сейчас с тобой тут не сидели. А так, вы попали в удачный момент. Сейчас полстраны соображает, что делать дальше.

– И всех таких лишают допуска?

– В нашем ведомстве – не дураки. Ясно, что вы безобидны. Пока.

– Но допуска лишили в реальности...

– Плюнь. Это перестраховка. Поступил сигнал, нужно было как-то реагировать. Не на Соловки же тебя посылать.

– А кто доносчик, Соков?

– Агента, Тенгиз, даже мне не сдали. Это – святое. И мой

тебе совет. Если догадываешься – не реагируй. Тот не должен знать о твоих подозрениях. Иначе тебе пришлют другого. Веди себя, как свой собственный агент.

19. Бомба под Катю и Витю

Тенгиз, Соков и Юлия защитились без всяких эксцессов. Затем пришла очередь Кати. Естественно, на заседание пришла вся компания в полном составе. Катя рассказала историю исследования и описала вклад всех участников, Вити, Юлии, Тенгиза и Сокова в создание приспособления, имитирующего живой организм. Потом она описала свои теоретические расчеты и кратко остановилась на основах электронного блока, который находится в рабочем состоянии и через неделю должен быть представлен Витей Коровым на своей защите.

Её доклад вызвал оживление, Катя ответила на вопросы и уточнила некоторые положения. Но вдруг один из членов комиссии, пожилой профессор, попросил разграничить степень участия Вити в работе Кати и Кати в работе Вити.

– Разграничить не так просто, уважаемый профессор, – попыталась ответить Катя. – Всё это время мы корпели над моделью вместе. Грубо можно считать, что теория создана мною, а реализация модели – Витей. Но есть весомый вклад Вити в теоретические достижения и мой вклад в конструирование модели. Это наш общий труд, но выполнен объем исследований, достаточный для защиты двух проектов. Может быть, уважаемый профессор подразумевает, что наш труд должен быть предметом защиты лишь одного диплом-

ного проекта, либо моего, либо Корова. Но мы оставим этот вопрос на усмотрение комиссии.

– Вы совершенно неправильно восприняли мой вопрос. – Возразил профессор. – Мне хотелось бы знать, не принадлежит ли ваш проект целиком Корову. Может быть, вы здесь присутствуете из-за особых отношений между вами? Я не собираюсь ссылаться на слухи, забудем о них. Но вот на днях в Ростове-на-Дону опубликовали сборник молодежных статей, мне кто-то переслал, и там есть заметка В. Корова, которая в подробностях описывает вашу сегодняшнюю презентацию. И Коров ни разу не ссылается на какое-либо ваше участие.

Катя непонимающе уставилась на Витю, а Витя на профессора. Предъявили ростовский сборник, и Катя попросила время для изучения статьи.

Слова потребовал Соков. Его защита была позади, и он мог не лебезить перед аудиторией.

– Уважаемые коллеги. Мы уже на завершающем этапе конструирования робота, способного осознавать себя. Действующую модель такого робота вам вскоре предъявит Витя Коров. Вы непосредственно увидите аппарат, который поступает, как живое существо. В это невозможно поверить, пока вы не потрогаете его своими руками. Намеки на неформальные отношения между Катей и Коровым – позорны. Скорее можно было бы заподозрить интригу между мною и Катей, но и это неправда. Либо нападки уважаемого про-

фессора продиктованы его ревностью к студентке, несмотря на седину, либо завистью к нашим достижениям. Мы одни дерзнули воссоздать мыслящую тварь. А вы не посмели даже замахнуться на эту задачу.

Соков сел, а председатель комиссии встал. По его ухмылке видно было, что слова Сокова подействовали на него, как лай безобидного щенка из подворотни.

– Ну что, коллеги, мы здесь выслушали нападки задиристого студента. Насколько мне известно, Екатерина Борова – ответственная дипломница, преданная своему делу. А тут ей приписывают любовные треугольники и даже квадраты. Видимо, она слишком долго игнорировала потенциальных кавалеров и тем воспалила их воображение. Мне жаль, что и член комиссии допустил какие-то намеки. Я предложил бы выделить ей несколько дней для разбора статьи, и уверен, что она легко с этим справится. Хочу еще сказать о смелой попытке сконструировать робота. Никто, мол, не решался, а они осмелились. Могут уважаемых авторов разочаровать. Вы были отнюдь не первыми. Еще двадцать лет назад, вы тогда в детский сад ходили, у нас уже шутили над вашими предшественниками: «Это быль, а не реклама, робот роет людям яму». Но, похоже, ваши усилия были более плодотворны.

Комиссия постановила продолжить защиту через несколько дней. Катя с трудом сдерживала слезы на плече у Вити, а Тенгиз убеждал Катю, что никакой трагедии нет. Выступление Сокова они не услышали: занимались друг дру-

гом. Сема после заседания рассказал подробности Тенгизу, и предположил, что Соков немного приболел на голову. Тенгиз думал по-другому, но промолчал.

Нужно было наметить план своих контрмер. Витя был задет и попросил Тенгиза раскопать корни этого наезда. Поэтому тот связался с ростовской редакцией сборника, изложил ситуацию и попросил выслать по факсу авторский экземпляр заявки на статью. Подпись Вити, конечно, была сфабрикована. Автором провокации мог быть, по мнению Кати, некто имевший доступ к ее черновым материалам. Он и переслал сборник текстов профессору, вместе с поклопом на ее отношения с Витей. Сверка текстов показала, что опубликован был материал примерно трехмесячной давности. Катя догадывалась, кто это и за что. Тем не менее, никаких сложностей с защитой не ожидалось. Но на этом их злоключения не окончились.

На следующее утро Витя узнал, что акт диверсии предпринят и против него. Прибор, который он должен был предъявить на защите, бесследно исчез из лаборатории. Кто-то запустил слух, что это месть Кати за предательскую публикацию Вити. Однако никто не рассматривал эту глупость всерьез.

Конечно, оставалась возможность предъявить чертежи, электронные схемы и протоколы испытаний, но это было обидно. Тем более, Сема напомнил Тенгизу, что Соков уже успел заявить, что в аппарат невозможно поверить, пока не

потрогаешь его своими руками.

До защиты Вити оставалось пять дней, и Катя с Витей решили за это время собрать новый работающий прибор. Они заперлись в лаборатории, а Тенгиз обеспечил снабжение их комплектующими, питанием и охраной от сочувствующих. Он потребовал собрать в точности такой прибор, который был утрачен, и не улучшать его по ходу дела: для этого не было времени. Витя готовился внести в прибор защиту от несанкционированного включения – саморазрушение, выпуск отравляющего вещества или даже более радикальные акты для отражения атаки. Юля эту задумку поддержала, так как животные не только восстанавливаются при частичном повреждении, но и предпринимают акты самозащиты от нападков: бегство или агрессию. Однако Тенгиз был против. Они и так с трудом успевали завершить сборку.

Суэта с восстановлением прибора проходила при Сокове. Неловкость между ним и остальными висела в воздухе. Весь он был обмякший, но время от времени расправлял плечи на пару минут.

Тенгиз был уверен, что пропавший аппарат обязательно всплывет. Недругу было проще его уничтожить, чем унести. Им попытаются воспользоваться, украсть идею.

– Я уверен, – попытался успокоить всех Соков, – что этого нам не стоит опасаться. Великие идеи не крадут, в них поначалу даже никто не верит. Покушаются обычно на разработки, которые находятся в тренде, но что-то улучшают.

Соков окончательно надоел Тенгизу. Черт с ним, пусть присылают другого, такого они вряд ли найдут.

– Вы правы, Соков, – холодно процедил он. – Так обычно и бывает. Разве что, похититель случайно окажется сторонником. Я не обвиняю вас в истории с Катей и Витей. У меня нет данных. Но чувствую, что вам, Соков, стало неудобно в нашей компании.

Соков вскинул голову и, стараясь держаться с достоинством, торжественно удалился. Остальные облегченно вздохнули.

20. Тени солнечной Грузии

Получив диплом, Юля осталась в той же лаборатории, где обучала крыс. Витю пригласили на военный завод, поинтересовались его творчеством и обеспечили скромным жильем: выделили комнату в общей квартире. На предприятии Витю уважали, но запрещали перестраивать технологию. Сема начал карьеру в профильном министерстве, а Сокова порекомендовали на должность советника по научным связям в дипломатическое представительство за рубежом.

Все эти годы Катя играла для Тенгиза роль «своего парня». Но как-то он ощутил неловкость, когда они обсуждали очередную его даму. Катя, он понял, не подходила для бесед на фривольную тему. И ни разу не дала ему понять, как он глупо выглядел со своим хвастовством.

Толковая, острая на язык Катя отнюдь не была дурнушкой. Нельзя сказать также, что ее не волновали вопросы пола. Но это не проступало в ее поведении. Теперь Тенгиз неожиданно открыл, что впервые на его памяти развитие отношений может зависеть не от него, а от женщины. Скорее всего, события ускорились из-за угрозы расставания. И Катя Борова превратилась в Катю Пагава.

Тенгиз решил сделать карьеру на родине, а затем уже вернуться в Москву, на коне. К тому же, там у него есть шанс продвинуться в понимании особенностей устройства фрак-

ций и группировок. Периферия организована проще, чем столица, и ему легче будет разобраться, что движет отдельными особями и массой.

– Это маленький красивый город, – рассказывал жене Тенгиз. – Дом совсем недалеко от моря. Хочешь – беги на пляж в трусах. – Здесь Катя посмотрела на него с недоумением. – Я, конечно, имею в виду мужчин. За домом – сад, в саду растет персик, а в сарае – бычок.

Он предупредил Катю, что в Грузии её не полюбят, и она не полюбит. Но ведь это не навсегда. Он и сам будет идти на компромиссы, иначе не выжить. И никто не должен знать, что у них в семье не только любовь, но и равенство – там это не признают.

После недолгих сборов они укатили на юг. Сад оказался огородом. Перед фасадом и вправду росло персиковое дерево. В сезон Тина, свекровь, пополняла семейный бюджет, реализуя роскошные плоды на рынке. Часть урожая Тина отвозила своей тетке, родной сестре князя, а та регулярно оказывала им финансовую поддержку. «С барского стола», говорил Шалва. Когда-то у них рос еще и грецкий орех. Шалва, залезал на дерево и собирал урожай до глубокой старости. Плодов гигантского дерева всегда хватало для процветания всей семьи. Это было существенно, потому что Шалва не разбогател на службе, как многие его товарищи. Он умер, немного не дожив до девяноста, и на дерево залез Тенгиз. От высоты у него закружилась голова; не собрав орехов, он

с трудом умудрился спуститься. После этого срубил дерево и это был их последний урожай орехов.

Катя не догадывалась, что она, как бы, переедет в другую цивилизацию. Некоторые процветали, другие терпели нужду, но этот позор тщательно скрывали. Когда такой бедняк принимал гостей, стол у него ломился от яств, но семья потом долго сидела на кукурузной каше без масла. Страсть к наживе вошла в плоть и кровь, её не порицали и не одобряли. Сдачу никогда не давали. Получить ее было можно, однако выглядело это, как будто ты обкрадываешь гражданина. Даже когда в Союзе еще выполняли пятилетки, тут расцвела частная инициатива. Колхозы не прижились, а население кормилось с рынка. Уважаемого человека называли господин (батано), а не товарищ. Поэтому развенчание социализма здесь не вызвало психологического шока.

Русских недолюбливали, но их язык знали почти все, в особенности, в культурном слое. Впрочем, не очень жаловали также армян, евреев, греков и прочих. Каждый в отдельности был, чаще всего, душевным, готовым на уступки и даже на жертвы, но вместе они иногда становились неуправляемы. Всё осложнялось тем, что встречались фанатики, искренние поборники борьбы за своих. Они почитали это за патриотизм. Более того, был еще и микропатриотизм. Мегрелы, скажем, говорили, что они грузины, но только первый сорт. И это был их консенсус – общемегрельский.

Тенгиз легко вошел в привычную с детства среду, а у Кати

это никак не получалось. Она уже ожидала ребенка, но подумывала, не стоит ли ей вернуться. Тем более, Тенгиз, время от времени, стал приходить под утро, немного навеселе и удовлетворенный судьбой. Это стало повторяться чаще, когда она родила сына. Назвали его Бондо, и она подолгу ждала возвращения мужа в детской. Только при появлении Бондо Катя поняла, как она, на самом деле, относилась к Вите.

Свекровь успокаивала невестку, но ее старания она воспринимала, скорее, как насмешку.

– Ты не жди мужа, дочка, ложись одна. У нас теперь есть Бондо, а женой мужчина сыт не будет. Если всякий раз кушать сациви, то даже лобио захочется. Наши мужья самые верные, всегда возвращаются, жен не меняют. Не забывай, что жена служит мужу, а муж – семье.

Катя выбрала перетерпеть. Всё, что она могла – потребовать не афишировать свои измены, но это мало бы ее утешило. К тому же, она была к нему равнодушна, если мягко сказать. Сам он ссылался на местный микроклимат:

– Здесь мужчины под каблуком не сидят. Не могу я по-другому, не поймут.

При посторонних он становился немного шовинистом.

21. Этнические особенности трудового энтузиазма

Устроился Тенгиз технологом на судоремонтный завод и быстро продвигался по службе. Но Кате ее красный диплом не понадобился. В престижной семье у мужа должно было хватать средств и на жену. Формально Тенгиз не возражал, чтобы она чем-нибудь занялась, пусть сама найдет место по душе. Конечно, он немного лукавил, ведь у нее никакого блага, отдельного от мужа, не наблюдалось. В городе было еще два крупных предприятия – рыболовная флотилия и порт. Работали также мелкие фабрики, пекарни, мелькомбинат, мастерские. Витя надеялся, что Катя их проблему не забросит, и она пыталась устроить в углу сарая небольшую мастерскую. Но не смогла. У свекрови всегда находились более срочные заботы.

Перебирать бумажки в одной из контор Кате тоже не улыбалось, и она отложила свою тягу к созиданию до лучших времен. Некоторой отдушиной для нее служили технические сложности, с которыми сталкивался на производстве Тенгиз. Тонкости технологии не были его сильным коньком, и её таланты оказались кстати. Иногда вечером Тенгиз приходил домой, отягощенный нестандартной ситуацией на производстве, а утром возвращался на завод с оригинальным решением. Поэтому они, в некоторой степени, поднимались по ка-

рьерной лестнице вместе. Он быстро достиг вершины, а переходить в политику не собирался.

Завод во время войны образовали, как филиал Севастопольского судостроительного: его эвакуировали перед наступлением немцев. Вместе с оборудованием переехал и обслуживающий персонал. Спали после окончания смены между станками, а затем построили малоквартирные дома на 2–3 этажа. В русскоязычном окружении не было повода вживаться в грузинскую среду. На службе упражняться было не с кем, в заводском поселке – тоже, поэтому почти все сотрудники говорили только по-русски.

Местные труд на производстве считали непрестижным: затраченные там усилия почти не сказывались на зарплате. Трудиться они могли, но не любили. Работа – каторга, а любить каторгу смешно. Зато их привлекал быстрый результат и когда он был достижим, они проявляли активность и быстро оживляли производственный процесс – то чего обычно не хватало старым кадрам. Когда поощрили частную инициативу, на заводе стала звучать и грузинская речь. С ними мог бы состояться прекрасный симбиоз, но, как потом выяснилось, не сложилось.

Многие годы предприятие ограничивалось судоремонтом. Но потом стали выпускать «Комету» – первый морской корабль на подводных крыльях. Волны 4–5 баллов не препятствовали движению судна, потому что особо прочный, но легкий корпус был приподнят над крыльями.

Кроме того, выпускали ширпотреб. Это входило в плановые задания, но давало возможность выпускать мало-помалу левую продукцию: ограды, гаражи, никелированные кровати, домашнюю утварь. К приезду Тенгиза выпуск «Комет» почти прервался, остался судоремонт. Зато выпуск ширпотреба к этому времени расцвел.

Тенгиз не ограничился примитивными поделками. Если наладить технологический процесс, на заводе можно произвести всё, что имеет спрос. Технологию разрабатывала Катя, а Тенгиз налаживал выпуск. Легко находили сбыт катера, рыбацкие лодки, легкие глиссера из стеклоткани и прогулочные шлюпки. Построили даже яхту, но покупателя не нашли: крупных состояний еще никто не добыл. На ней пока проветривался Тенгиз с нужными людьми. Или с Катей, но при спокойном море: она страдала морской болезнью. Трех матросов было достаточно, чтобы управиться с яхтой, а Тенгиз достойно исполнял роль капитана.

Теперь завод приносил заметную прибыль, ее хватало даже и рабочим. Поэтому Тенгиз попробовал выпускать социальные товары. Очень быстро вошли в серию инвалидная коляска с ручным управлением и локатор для слепых. Катя создала еще переносное кресло. Оно весило меньше килограмма, было складное, и в сложенном виде становилась тростью. Тенгиз отдавал такие изделия по льготным ценам, себе в убыток, но они мгновенно исчезали из торговых сетей, а потом всплывали на черном рынке.

Пришлось обеспечить поставку больным прямо со склада. Из-за этого натянулись отношения с городскими властями, так как Тенгиз невольно нарушил монополию торговли. А кресло-трость вызвало недовольство московского начальства: приходилось затрачивать титановые сплавы. И пусть применяли всего лишь отходы от производства «Комет», к этому придрались и напомнили, что использовать в быту космический металл не принято.

В некоторых случаях Тенгиз выполнял разовые задания. Так, город выпросил колесо обозрения, и заказ, конечно, не оплатил. Катинo колесо вращалось вдоль двух осей, такого нигде не было, посетители валили валом, но заводу не доставалось ни гроша. Завод подчинялся центру, но персонал жил в городе и зависел от мэрии.

А управление порта как-то настояло на том, чтобы им, в качестве шефской помощи, построили буксир: старый натолкнулся на волнолом, утонул и не подлежал ремонту, а без буксира нельзя было принимать крупные суда. Пришлось идти навстречу: заводские корпуса были расположены в акватории порта. Не помогло даже то, что возглавлял порт близкий друг Тенгиза. Как говорят, ничего личного – только бизнес.

Опыт изготовления товаров много дал Тенгизу для понимания реальности. Ведомственные нужды никак не зависели от потребностей сотрудников и, чаще всего, даже им противоречили. Это обычно не было чьим-то злым умыслом: до-

полнительная прибыль, полученная сотрудниками, ухудшила показатели в служебных отчетах. К тому же у верхов остался осадок от безвозвратно уплывшей доли прибыли, которую делили рядовые служащие, принадлежащей им фирмы. Была бы это частная фабрика, вопросов бы не возникало.

22. Как приживался Петрович

Один из бывших севастопольцев, Петрович, уже давно жил рядом с Тенгизом, их дома разделял забор. Подрабатывая ремонтом бытовых приборов, он сумел накопить на дом с участком. Петрович был ценный кадр, у него было особое чутьё на технику. Его и на фронт не отпустили, потому что нужно было восстанавливать поврежденные врагом суда – дали бронь. В детстве Тенгиз пытался подражать Петровичу, но не слишком успешно. А тот советовал ему рассчитывать в жизни на голову, а не руки.

Вживаться в новую среду Петровичу было трудно, как теперь Кате. Он не принимал культуру неформальных отношений. Все здесь стремились устроиться туда, где можно помочь нужным людям, а они, при нужде, помогут тебе.

Языка Петрович не знал, хоть и прожил здесь весь свой век. К моменту, когда он построил дом, у него уже не было сил учиться, да соседи и сами, как только он запинаясь, услужливо переходили на русский. Умения Петровича были востребованы и с ним поддерживали добрые отношения. Недавно он потерял ногу из-за гангрены: на палец ноги поставили станину. Палец начал чернеть, воспалился. Следовало удалить ступню, но было жалко. В результате, отняли всю ногу, а его самого еле спасли. Петрович жалел, что тогда прозевал. Без ступни он мог бы ходить на протезе, не ис-

пользуя костыль. Катя немного помогала ему по хозяйству.

Как-то Петрович рассказал Кате, что долго не мог разобраться в критериях оплаты за электричество. Он тогда ютился в коммуналке и ежемесячно к нему являлся служащий подстанции Шота, забирал плату и оставлял квитанцию. В ней всегда стояла одна и та же сумма, и было не ясно, почему в холода и в жару оплата не менялась. Поэтому Петрович установил электросчетчик, и платеж снизился в несколько раз. И вот Шота в очередной раз пришел за деньгами, увидел счетчик и так рассердился, что чуть не получил инфаркт. В гневе он стал угрожать Петровичу милицией. Петрович не возражал. Тогда Шота ушел и никогда больше не появился. А Петрович отныне стал платить в конторе, где о приработке Шота не знали, но уважали его мотивы. Потом невзначай выяснилось, что Шота служил вахтером на мелькомбинате и дань с жителей собирал не он один.

Катя нашла в Петровиче родственную душу. Оба всегда что-то изобретали, говорили на одном языке, и обстоятельства того и другого загнали в подполье.

23. Тина ведаёт Катей

Моросил дождь, и одновременно припекало солнце, как это часто бывает в Колхиде. Катя мотыжила кукурузу, размышляла о своем бытии и думала о предстоящей жизни. Если они не переберутся в Москву, ей до конца дней надо будет играть роль «женщины востока». Иногда Тенгизу выпадали командировки в Москву, и Катя тогда ездила с ним, чтобы повидаться с подругами и подышать воздухом, не облагороженным терпким ароматом Кавказа. В Москве Тенгиз был другим – ярким, умным, добрым и без флёра национального самосознания.

Был апрель, с пляжа доносились неясные крики продавцов:

- Пончики, пончики.
- Холодная вода.
- Мороженное.

Разноцветные купальники плясали в струях горячего воздуха. У моря отдыхали приезжие, некоторые даже заходили поплавать, хотя вода пока была ледяная, а местные еще носили куртки. Город не был курортным, но к жителям с удовольствием приезжали приятели и родственники.

– Катя! – Раздался голос Тины. Она была чем-то озабочена.

Свекровь хлопотала около буржуйки. Она совсем недавно

вышла на пенсию, но Кате казалась старухой. В молодости она была красавицей, и моложе мужа почти на 40 лет.

Вокруг огромного котла кружили мухи. Девушка с удовлетворением отметила, что обе руки Тины заняты – одной она помешивала кукурузную кашу, другой – кидала курам просо. Катя не переносила её привычки ловить руками мух и давить их о юбку. Над печкой сушилась пеленка с круглой дырочкой посередине и матрасик с таким же аккуратным отверстием.

– Ты подмела двор, Катиа? – Она бросила на землю последние зерна, ловким движением поймала на лету муху и размазала ее о парусину на своих бедрах.

Катя поспешила за метлой. Неторопливыми движениями погнала она к забору листья, картофельные очистки, рыбью чешую и осколки стекла. У калитки двор был покрыт асфальтом и стекляшки звенели. Плач ребенка перебил этот звон. Она поспешила в детскую, сунула маленькому Бондо соску и он успокоился. Имя кровавое какое-то, в который уж раз вздохнула Катя.

Ей ни разу еще не удалось повлиять на распорядок в доме. Все предложения с презрением отвергала Тина и малыша, по старому обычаю, припелёнывали к люльке с дыркой, под которой подвешивали баночку. Это экономило силы матери, но приводило к тому, что в зрелом возрасте голова оказывалась приплюснутой сзади. Катя с этим не слишком усердствовала. Тина посвящала время хозяйству и в детскую захо-

дила редко. Но иногда удивлялась, почему это Катя сушила значительно больше пеленок, чем обычно бывает в уважаемых семьях.

24. Курс молодого борца в беседке

Сегодня Тенгиз принимал в беседке друзей детства. Катя знала их всех, каждый из них в отдельности был вполне контактен и не выказывал спеси, кроме Гиви Шония. Гиви был лохотонный красавец со щегольскими усиками, владелец множества киосков. Гиви не был лицемером: встретив Катю на улице – демонстративно не здоровался.

Гости, видно, уже успели выпить за всех вместе и каждого в отдельности, а так как их было около десятка, то они были немного навеселе. Катя принесла им свежую закуску; они как раз пили за «нашу маленькую солнечную Грузию».

– Мне соседи сказали, – начал Тенгиз, не предлагая ей места за столом, – ты сидишь с моим сыном у чинары. С тобой говорю, – повысил он голос. – Мужа нет, жена дома должна сидеть.

– Чему удивляться, – поддержал Гиви, – привыкла в Москве под чинарой сидеть.

– Приехала к нам, – продолжал Тенгиз, – веди себя по-нашему. Как у вас говорят? С кем живешь... – Он вопросительно поглядел на жену.

– С волками жить, по-волчьи выть. – Подсказала Катя. Она догадалась, что компания только что перемывала ее косточки.

– Вот-вот, именно с волками, – кивнул Тенгиз и хитро

посмотрел на Катю. Они налили еще по стакану вина.

– Пусть солнце всегда освещает наши горы, наши долины и наши ущелья. За наших грузинских девушек! – Предложил Вова Кокая, жирный, лысоватый переросток с крупной головой и плоским затылком. Ясно было, что его в младенчестве туго привязывали к люльке.

Катя удивлялась, как он устроился адвокатом, но Тенгиз утверждал, что Кокая не такой идиот, каким кажется с первого взгляда. От Вовы Катя, по-возможности, старалась держаться подальше. Он, к ее позору, волновал её, как мужчина, и она опасалась, что это заметно со стороны. Понять это она не могла никак, но ощущала внизу живота что-то чувственное.

– Девушку в покое оставьте, – вступился Котэ Цвения. Котэ служил на заводе завскладом и однажды очень пострадал. Как-то к нему заглянули две изолировщицы, за стекловатой. Женщины они грубые, ходят в брезентовых штанах, куртках и перчатках – иначе не выдержать. Котэ попробовал немного поухаживать и полюбопытствовал, как они в туалет ходят в такой одежде или терпят до конца смены? Работницы расстроились, приспустили шутнику брюки, набили их стекловатой и снова надели. Потом выпихнули его из склада на людный проход, под солнышко, и захлопнули дверь. С тех пор Котэ светловолосых девушек не обижает. – Что она такого совершила? – Защитил он Катю. – Ну, посидела под чинарой. Посидела – не полежала.

– Вдруг мне еще соседи скажут, – стукнул по столу Тенгиз, – ты лучше подумай.

– Тенгиз, не волнуйся. Не может везти во всем, зато сына хорошего родила, – успокоил Тенгиза Нико Кодуа, капитан рыболовного сейнера.

– Не парься, Катя, – вмешался Нодари Хубуа на русском языке. Он, как начальник порта, мог позволить себе говорить, что думает. – Все они завидуют Тенгизу. Здесь белокурых красавиц не найти.

– Почему ты не научишь ее говорить? – Перебил его Гиви Шония. – Если не научишь, сын грузинком не будет.

– Мать пыталась. Она уже объясниться может.

– Слава богу, что водку при всех не пьет! – Утешил Тенгиза Нико Кодуа.

Претензии дружков были не вполне обоснованы. Язык давался Кате легко, да и выхода не оставалось: как-то нужно было общаться со свекровью. Уже потом выяснилось, что русский язык она знает. Тогда к ним в гости и, заодно, в командировку приехал Сема. Остановился он не у супругов Пагава, а в гостинице: не хотел смущать Катю своеобразием своего отдыха от Ниночки. Тина консультировала дорогого гостя, какие подарки везти жене.

К посторонним Катя давно уже обращалась по-грузински, но ей чаще всего отвечали на упрощенном русском. Местные не сразу уловили в ней эти успехи, и она быстро уяснила, что именно они говорят о ней между собой. Это мало ее задева-

ло. Так они проявляли друг перед другом свою лояльность. На хорошем русском она общалась, в основном, с Петровичем, которому давно пора было на пенсию, но его уговаривали остаться: некем было заменить.

Катька напустила на лицо наглый вид, пододвинула табуретку и села.

– Ва-ва, Тенгиз, – отшвырнул свой стакан Гиви, – разве честная девушка сядет за стол с мужчинами?

Катя оглядела Гиви с презрением и хотела уйти, но Тенгиз поймал ее за руку и строго посмотрел. Катя знала, что потом он долго будет извиняться. А пока она пошла к колодцу. Ей нужно было завершить установку насоса. Она не собиралась при отключениях воды всякий раз бегать с ведром, чтобы подмыть малыша.

Из беседки послышалась песня. Её уже не удивляло, что все пели профессионально. Петь могли и шофера, и конторщики, и важные птицы, и рядовые бездельники. За это одно уже можно было им простить многое.

Вечером Катя заметила Тенгизу, что Нодари Хубуа, в отличие от него, не поддержал травлю и не боялся идти поперек всей честной компании.

– Потому что он большой начальник? – предположила Катя.

– Ничего подобного. Он всегда был такой. Помню, пришла к нам новая математичка и заявила, что у нее своя система – она разрешает подсказывать, сколько угодно. Но ес-

ли подсказешь неправильно, вlepит двойку и не спросит до конца четверти. Ну и что? Я подсказывал вслух и без ошибок. У кого бы что ни спросила, тут же и отзывался в полный голос. И не придерешься, сама ведь разрешила. Через неделю она, бедняга, выставила меня из класса и собрала со всех коллективную жалобу завучу. И Нодари был единственный, кто подписать отказался. А ведь он, не в пример другим, моими подсказками никогда не пользовался: решал задачи не хуже. Но, учти, у него у самого жена – грузинка.

25. Дядя Ваню

– Катя...! – Услышала она опять.

Уложив сына, она вышла на задний двор. Острый запах специй приятно щекотал ноздри: свекровь, вся в чёрном, готовила подливу. Голову ее укутывал шерстяной платок. Семь лет назад она потеряла мужа, и будет носить траур до конца своих дней. Ее огромные ноздри трепетали, летая между пучками развешенных трав, подыскивая правильный букет.

– Катя, – повернулась она к девушке, – отдохни, дочка. Наверное, двор уже подмела? Покарауль у калитки, Ваню должен проехать, про солому ему напомни.

Катя вымела мусор за калитку и стала ждать дядю Ваню. Солнце еще не собралось освежиться в море и тени кипарисов не доставали до проезжей части улицы. После полуденной жары над городом плыло изнеможение. Соседский пес валялся в тени лавра и перемещался, когда подступало солнце.

Показался дядя Ваню. Его старая, облезлая кобыла с наругой тащила телегу. Старик, прихрамывая, плелся за ней. Около очередной калитки лошадь без всякой команды останавливалась и терпеливо ожидала, пока хозяин широкой лопатой соберет мусор и бросит в повозку.

– Здравствуй, дедушка. – Поздоровалась Катя.

– Здравствуй, красавица, – ответил старик. – Что печаль-

ная такая, тяжело живешь?

– Тяжело, дедушка. – Вздохнула Катя.

Дядю Ваню можно было увидеть только вместе с его лошадью и казалось, что у нее шкура тоже покрыта крупными заплатами.

– Не тужи, девочка, – проговорил старик, загружая телегу, – маленький город – маленькие начальники. Маленькие начальники хотят быть большими. Ты на Грузию не обижайся. Я, помню, со своим взводом до Румынии дошел. Вот с теми трудно было поладить.

– Мир сложен, дядя Ваню, а люди простые. Но притворяются сложными.

Старики поплелись дальше. На задней доске телеги почерком первоклассника было намалевано по-русски: «Не уверен – не обгоняй». Детей здесь многие предпочитали отдавать в русские школы. В будущем это помогало хорошо устроиться. Ваню еще не доехал до следующего двора, как из калитки выглянула Тина:

– Эй, Ваню, забрал прелую солому из моего сарая?

– Не забрал, Тина, не забрал. Мое дело улица – не дворы.

– А ну, вернись назад! – Разозлилась Тина. – Я тебе покажу!

– А чем ты испугаешь, – повернулся к ней старик, – место мое отнимешь, да?

Не найдя ответа, она театрально махнула рукой. Из-за угла вынырнул Тенгиз, он видел, что Катя стала свидетелем

поражения, которое потерпела мать в перепалке.

Гнилую солому, которая раньше служила подстилкой для телят, выкинуть из сарая было необходимо. Но дядя Ваню не должен таскать мусор из их двора. Она вошла в сарай, и в нем зажегся свет. Эту простую автоматику Катя установила несколько месяцев назад: на пороге зимы стало рано темнеть, а руки у нее во время ухода за животными всегда были заняты. Тогда это очень впечатлило свекровь. Она и ее подруги часами входили и выходили через дверь, наблюдая, как свет загорается и тушится сам. Их веселила Катина лень, которая заставила ее морочиться с этим приспособлением, вместо того, чтобы протянуть руку к выключателю.

Катя погрузила солому в тележку и вывезла за калитку. Завтра дядя Ваню заберет её без всяких напоминаний.

26. Мама – это папа

Ужинали, и вдруг сквозь звяканье посуды услышали из детской:

– Ма-ма!

Заговорил! Стало тихо, даже старуха перестала жевать и задрала кверху нос.

– Иди. – Негромко сказал свекровь сыну. – Иди! – Она повысила голос. – Твой сын первое слово сказал по-грузински.

– Да, Бондо зовет меня. А ты сядь, – остановил Тенгиз Катю.

В самом деле, по-грузински «мама» – значит папа. А мать называют «дэда». Тенгиз торжественно отодвинул стул и важно зашагал в детскую. Послышался плач ребенка. Катька вскочила, но свекровь жалостливо проговорила:

– Не убивайся, Катиа. Вырастет, научится говорить и по-русски.

Катя отмахнулась и кинулась в детскую. Бондо недовольно бушевал, а Тенгиз сидел рядом и в чем-то его убеждал.

– Уходи отсюда! – Рыкнул он на жену.

– Он мокрый, Тенгиз, дай мне его переодеть. Пойди, подогрей ему молоко.

– Он не хочет есть, он хочет со мной говорить.

– Ма-ма, – заливался малыш.

– Я здесь, сынок, – важно отвечал Тенгиз и умоляюще по-

казывал Кате жестами – нужно потерпеть. – Я здесь и я не дам тебя обидеть. А ты уйди, – он указал на дверь.

– Сын мой, – вмешалась Тина, – в этот момент уступишь – потеряешь сына.

– Успокойся, мать. Даже если голодной смертью умирать будет, её – не подпущу.

Тенгиз обожал малыша не меньше, чем она сама, но продолжал играть на публике свою роль. Бондо тихо всхлипывал и уже никого не звал.

Стемнело и, когда дом наполнился храпом, Катя выскользнула в коридор, подкралась к детской, надавила на дверь плечом и отвязала малыша. Обнаружив мать, он заплакал, а она сунула ему в губы бутылочку с молоком. Он замолчал и стал, захлебываясь, есть. Тина услышала эту возню и вновь запричитала. Тенгиз появился в дверях.

– На своем стоишь. Отдай ребенка. – Он мягко положил руки ей на плечи.

– Подожди, пусть хоть немного поест, – прошептала она.

– Из бутылки ест, без тебя обойдется. – Тенгиз убрал руки, наблюдая, как торопится Бондо. Ему было жалко и сына, и жену, но под присмотром матери сдаться он никак не мог. – Говори с ним по-грузински. Узнаю что-нибудь – пожалеешь. – При этом, глазами он силился её успокоить.

Катя уложила сына, и он сразу же уснул. Она тоже легла. У Тенгиза было дурное настроение. Он объяснил ей, что мать такая, какая есть. Для нее это принципиально, и она боит-

ся, что внук будет называть её дедушкой (по-грузински это «бабуа»).

– Но ведь это маразм?

– Везде полно маразма. Перетерпи, что-нибудь сообразим.

27. Побег

Утром Бондо проснулся затемно и опять звал мать. Перед уходом муж предупредил:

– К ребенку не подходи, в руки не бери. В стране очень тяжелое положение. Подожди, приду с работы – всё узнаешь.

– О чем ты говоришь, Тенгиз? Ты ведь нормальный. При чем тут страна?

– Очень даже причем, здесь скоро всё изменится. Вечером поговорим.

Тенгиз ушел, Тина попробовала накормить Бондо, но он отталкивал ложку. Катя отняла ребенка у свекрови, и стала кормить сама. Но та подняла такой отчаянный визг (иначе это не назовешь), что ребенок оторвался от еды и с любопытством смотрел на бабушку. Набежали соседки, тоже в черном, стали успокаивать, причитать и проклипать.

– Ударила тебя, да?

– Нехорошо. Старую женщину обижаешь.

– Прогони ее из своего дома.

– Пусть возвращается к своим пьяным бандитам.

– Место ей за решеткой!

– Вай, зачем я тогда Тенгиза в русскую школу отдала. Испортили мальчика.

Тина орала дурным голосом, выдирая седые космы, и царапая лицо. Ну и концерт закатила, старая ведьма, разозли-

лась Катька. Надо бежать в Москву, неожиданно пришло ей в голову. Поезд еще не скоро, пережду на станции. А Тенгизу одному будет легче скрыться.

Она усадила сына в коляску, кинула туда несколько тряпок, взяла кошелек, оставила записку, протолкалась через соседок и вырвалась на улицу. Аккуратные, как будто подстриженные, кипарисы расчертили небо в полосочку и отгораживали Катю от моря и внешнего мира. Ладно, что не в клеточку, утешилась Катя.

Полуодетые отдыхающие были довольны друг другом. На тротуарах и даже на проезжей полосе попадались стоящие в кружок группы мужчин примерно одного возраста, 20-летние, 30-летние, совсем пожилые. Тенгиз как-то объяснил Кате, что состав кружка никогда не меняется, и они всем коллективом постепенно стареют, из года в год. Одеты они, были с претензией на элегантность. Модный костюм – это часто было единственное, чем располагал его хозяин, иногда он даже недоедал. Группки, как обычно, эмоционально что-то обсуждали, дни напролет и день за днем. Катя уже умела разобрать обрывки их бесед, «этот гол он обязан был забить», «завтра дождя не будет» или «а вот какая девушка идет».

– Точить ножи-ножницы, бритвы править, – призывал лысый, бородатый мастер.

Катя постепенно успокоилась: никуда она, конечно, не денется, вернется. Она вытащила ребенка из коляски и поста-

вила его на тротуар. Бондо уже немного ходил, если держался за коляску или за палец. Но не прошли они и квартала, как у перехода резко затормозила «Волга», выскочил Гиви и затолкал их в салон, а коляску пристроил в багажник. За рулем сидел адвокат Вова с непреклонным лицом. Бондо еле успел заснуть, как они оказались у отделения милиции. Гиви проскочил вперед. Вова задержался в предбаннике, на пороге, и Катя, отгораживаясь ребенком, попыталась протиснуться мимо него. В этот момент Вова тихо шепнул ей на ухо:

– Не паникуй, Катя. Это просто спектакль, – и он чуть улыбнулся ей вполне человеческой улыбкой.

Её победно поставили перед участковым, Валико. Пожилой старшина спал, уронив голову на бумаги. Залитый вином и чернилами стол глухо поскрипывал от храпа. У стойки, на полу прикорнул небритый мужчина в грязной одежде. Он был надежно пьян, спал и не мешал спать старшине.

– Извини, дорогой, что беспокоим тебя, – громко произнес Гиви. – Запиши, эта женщина хотела украсть нашего ребенка. – Гиви подтолкнул Катю к столу.

Вова молча подтвердил сказанное солидным кивком головы и пошел доставать из багажника коляску. Старшина с напряжением приподнял голову и загородился ладонью от света. Он помотал головой и налил себе воды из графина.

– Почему – вашего, – уличил их старшина. – Меня не обманешь, это ребенок Тенгиза.

– Нашего, грузинского, – пояснил Гиви, поправляя усы

кверху. – Она не разрешает ему говорить по-грузински.

– А он уже говорит? А ну, скажи что-нибудь, – хитро обратился он к Бондо.

На лице у Бондо промелькнула улыбка. Ему снилось что-то значительное.

– Вдруг она захочет поселить его в России? Что из него вырастет? – Обвинил Гиви.

Он рассказал старшине суть конфликт, а Вова одобрительно молчал. Старшина терпеливо выслушал, усадил Катю, но сказал, что говорить будет только с Тенгизом, и выставил их на улицу. Вова и Гиви были не последние персоны в городе, но Валико в данный момент олицетворял власть. Всё это немного успокоило Катю. Она уж побаивалась, что ей припишут нападение на свекровь.

Старшина потребовал изложить свою версию событий, пока ищут Тенгиза.

– Нет у меня своей версии, Гиви всё правильно рассказал.

– Гиви ерунду порол. Устала – посиди. Торопиться не надо. Язык у тебя не устал?

Катя, чуть покачивая Бондо, сбивчиво пересказала историю.

– Что ты пустомелешь? Мама, папа, я причем? – Силился вникнуть старшина. – Все глупые, никто ничего не соображает. А потом Валико виноват!

– Ребенок еще не говорит, лепечет, а муж и свекровь не подпускают, кормить не дают.

– Что?! – Наконец осознал положение дежурный. – На мужа пришла жаловаться! Я Тенгиза знаю вот с таких пор, – он опустил руку на метр от пола. – И мать его, Тину, знаю. Мухи не обидит.

Катька вспомнила, как свекровь обходится с мухами и невольно хмыкнула.

– Над чем смеешься!? Ты попала в нашу лучшую семью. Тина – директор школы, Тенгиз – выдающийся инженер. Отец у него был красный командир, чекист, а дед, отец Тины – вообще князь! Недавно похоронили. Второй дед, батонно Пагава, совершал здесь революцию. Он был меньшевик. В то время у нас других партий не было. Когда он руководил городом, здесь даже мыши без мандата не бегали. А тебя с панели взяли. Вон он, твой брат, – он толкнул пьяного ногой. – Здесь русский дух, здесь Русью пахнет. Пушкина учила в школе? А сейчас не время русский язык сюда тащить. Ты что, новости совсем не слушаешь?

– Какие еще новости? – опять не вникла Катя. – Живем, как на войне. Я на Тенгиза не жалуюсь. Он тут не при деле, это на него дружки давят. Косо смотрят, что он жену из Москвы привез.

– Даже так! Ты на всю Грузию пришла жаловаться? За тридцать лет не было такого. Тенгиз с ума сойдет от горя. Косо смотрят! В такое время! – Он воздел руки к небу, перешагнул через пьяницу, который мирно похрапывал на полу и подтолкнул Катю в закуток, на скамью, покрытую тря-

пьем. – Надо тебя побить, – он сжал кулак, и Катя поняла, что он левша. – Мужа не хочу обирать. Пусть сам побьет.

Закрыв Катю в камере, он включил радио. Передавали выпуск новостей.

28. Грузия бурлит

Катя раздела Бондо, чтобы не вспотел, и не сильно прислушивалась к новостям. Подстелив на арестантскую скамью кофту, она покачала малыша на руках и уложила спать. Старшина увеличил громкость, видимо, для нее, и она уловила суть событий. Говорили эмоционально и даже истерично. Что-то происходило в Сухуми, взбунтовалось всё абхазское население, хотят выйти из состава Грузии. А в Тбилиси, на площади, перед домом Правительства, образовался многолюдный сход. Ораторы проклинали абхазов и требовали сохранения территориальной целостности Грузии. «Абхазия – это наша земля, вооружайтесь, чем можете. Мы обеспечим транспорт, завтра наши мужчины будут в Сухуми!» Ей слышалось, что промелькнула фамилия известного грузинского писателя Гамсахурдия. Но тут Катя догадалась, что в митинге участвует Звиад, сын писателя и его друг, Мераб Костава.

Катя всегда относилась с уважением к Гамсахурдия и Костава. Они открыто протестовали, и пережили репрессии еще тогда, когда нынешние поборники за свободу помалкивали или даже подпевали власти. Но внезапно в репортаже от дома Правительства она услышала новые нотки. Проклинали русский империализм и требовали выхода Грузии из СССР. Ерунда какая-то, не могла понять Катя. Абхазы хо-

тят выйти из Грузии, а грузины – из СССР, но – не желают отпускать Абхазию. Самоопределение Грузии провозглашали святой идеей, а независимость Абхазии проклинали. Как обычно, каждый понимал только себя.

Во всех бедах обвиняли русских. Осуждали тех своих, кто забывает родную речь ради языка оккупантов. Некоторые ораторы призывали изгнать тайных недоброжелателей прочь. Пусть едут в свою страну (в мыслях они жили уже в отдельной стране). Вспоминали, что они кормят всю неблагодарную Россию. Не забыли мандарины, лучшее на свете вино, благотворное культурное влияние на дикарей, солнечные пляжи и знамя Победы над Берлином, которое водрузил их Кантария. Неприязнь, до этого спрятанная под вежливостью, выглянула наружу.

Так вот в чем дело, – наконец сообразила Катя. – То-то все они ссылаются на положение в стране. Бедный Бондо не вовремя заговорил.

Вскоре хлопнула входная дверь, и она услышала голос Тенгиза. О чем он беседовал с Валико, она не разобрала. Скорее всего, подробно пересказывал ему вчерашние события в своем доме. Теперь Катя осознала, какие тяжелые времена наступили для Тенгиза.

Наконец, заскрипели стулья и Валико позвал:

– Иди, Катиа, муж за тобой пришел.

– Одной ийти, а малыша тебе оставить? – Вежливо спросила Катя.

– Ну, не знаю, как Тенгиз скажет. Нужны ли вы ему теперь? Я немного сомневаюсь. – Старшина отнюдь не шутил. – Иди-иди, пока у меня настроение.

– Разберемся, Валико. – Подал голос Тенгиз. – Пойдем, Катя, дома поговорим.

29. Тенгиз и Катя ищут выход

Весь путь Тенгиз нес ребенка на руках, подсознательно загораживая его от прохожих. Катя катила коляску и тоже молчала. Их беседа не должна было достигь посторонних ушей. Уложили Бондо и сели обедать. Тина, с непреклонным лицом, строго смотрела на сына и полностью игнорировала Катю. После обеда супруги уединились в беседке. В полной тишине о чем-то каркала ворона. Тенгиз водил фломастером по обрывку картона.

– Скажи хоть слово, – не выдержала Катя. – Я же вижу твое положение.

– Уверен, что ты понимаешь не всё. О событиях в Тбилиси, полагаю, слышала?

– Слышала. И о событиях в Сухуми тоже.

– Сухуми уже не причем.

– Как не причем? Абхазии нельзя искать независимости, а Грузии можно? – Кате вся эта грызня маленьких патриотов активно не нравилась. – Им, кстати отдали Абхазию всего полвека назад.

– О чем тут спорить? Политика – это борьба без правил. Абхазия – не наша с тобой проблема. А Грузия, похоже, скоро выйдет из Союза и что тогда будет с нашей семьей, с Бондо?

– Кто ей позволит выйти... Смешно. – Пожала плечами

Катя.

– Знаешь, я всегда поражался, почему ты, с твоими мозгами, так плохо разбираешься в жизни. Как это получается, дура – душой, а в науках корифей?

– Бывает. Ты, вон ориентируешься в быту, как щука в пруду, а инженер из тебя никакой, – не осталась в долгу Катя.

– Compliments обменялись. И хватит. Пора обсудить более важные вещи.

Тенгиз нацедил из бочонка немного молодого вина. Оно почти не пьянило и не мешало думать. Катя видела, что Тенгиз, против обыкновения, в затруднении, еще ничего не решил.

– Начнем с главного, – начал Тенгиз. – Союз скоро развалится и мы должны решить, что будет с нами дальше. – Он жестом остановил Катю. – Подожди возражать. У меня круг общения шире, я более информирован. Грузии всегда нужен был сильный патрон. Сначала Византия, потом Турция, монголы, арабы. А ныне Россия нам надоела. Потому что ослабла. Подожди, здесь еще американцы будут! Искусством, кухней, мудрой беседой да харизмой не проживешь.

– Любви к центру тут и не было. Но Москва, как бы ни ослабла, сильнее.

– Протесты в Тбилиси только начались, расходиться никто не собирается. Все настроены стоять до конца.

– Они настроены или их настроили?

– Какая разница? Настроили, конечно, но долго убеждать

их не пришлось. Недовольство бьет через край. Натерпелись. А виноват кто? Внешний враг, как обычно. Ну, не они же сами!

– Митинг разгонят, – равнодушно протянула Катя, – главари посидят недельку под арестом.

– Нет, Катюша. Ослабили цензуру – ослабло и всевластие. У одних окончилась вера, у других улетучился страх. И никто, подумай, никто не осуждает верховную власть. Один народ возмущается другим народом.

– Но власть-то еще не пала.

– Местная власть уже пала. Милиция разгонять повстанцев не будет, она даже охраняет этот митинг. Армию, конечно, не привлекут. Это и московская публика не одобрит.

Напоминание о московской публике было как раз к месту.

– Может быть, самое время махнуть в Москву?

– Так ведь не сразу же. Нужно подготовить место работы и место проживания. Ты ведь не собираешься везти Бондо на съемную квартиру? Мы не можем уехать отсюда ни с чем. А пока тихо и без скандалов проживем какое-то время здесь.

– Как ты это мыслишь? Ну ладно, ты будешь ходить гоголем перед приятелями, я это перетерплю. Но призови к порядку Тину, она превратит ребенка в неврастеника.

– Катя, ну что ты такое говоришь, как я могу приказать что-нибудь матери? Надо перетерпеть, ничего не попишешь. Сама подумай, Бондо вырастет и начнет нами распоряжаться?

– Напугал! – Хмыкнула Катя. – Да он и сейчас нами командует. Но поговори с ней по-хорошему. Всё-таки она была директором школы, русской школы, между прочим.

– Так ведь она тоже под гнетом окружения, подруг, соседей.

– Причем тут окружение, Тенгиз? Внутри нашего дома никого нет. Способна она, по крайней мере, не диктовать мне, как я должна общаться с сыном!

– Катюша, здесь всё не так легко, она, ведь, не поймёт, если я буду говорить с ней откровенно. Я могу упрощить ее терпеть и не вмешиваться. Но об этом на следующий же день узнают все.

– Неужели побежит жаловаться на тебя соседям? Я так не думаю, ты уж слишком перестраховываешься.

– Да не побежит она! Проговорится. И потом, проблема, если уж быть до конца честным, не только в окружающей среде. Она и сама уже заражена. И заражает других.

Тенгиз тяжело вздохнул, и Кате показалось, что за последние сутки он резко осунулся. Она придвинулась и взяла его за руку.

– Послушай, не слишком ли ты их боишься? Ты таким не был. Тебя не пугали ни партком, ни ректорат. Ты даже не страшился наших всемогущих органов.

– Ой, Катя, сила толпы кошмарнее государственного диктатора. Ощути это кожей! Фанатик убежден до конца и способен совершить страшное. Он уверен, что история его оправ-

дает...

– И что ты предлагаешь? Может быть, мне с Бондо переждать это время в Москве? У Юли, например, полно места. Но ты не задерживайся, а то я, глядишь, кого-нибудь там присмотрю. – Катя кокетливо повела плечами.

Тенгиз картинно вздохнул, но в этот момент послышался призывной голос Бондо, и Катя пошла на зов. У дверей детской она почти столкнулась с Тиной, но та угрюмо сделала вид, что случайно проходила мимо. «А ведь это выход, – вдруг сообразила Катя. – В натянутых отношениях мы вполне могли бы мирно сосуществовать».

30. Саперные лопатки

Всё сложилось хуже, чем предполагали Тенгиз и Катя. Митинг в Тбилиси не прекращался несколько дней и страсти ужесточались. «СССР – тюрьма грузинского народа», скандировала толпа. Оба они с этим лозунгом не были согласны. «СССР – тюрьма народа», это было бы правильно. Местные тузы всюду презирали шестерок, скудное снабжение было везде, дефицит раздавали своим, дороги не приводили в порядок нигде, и все были опутаны надоевшими лозунгами.

Протестующие отгородились от возможного нападения и перекрыли входы на площадь грузовиками, автобусами, троллейбусами. За ними караулили милицейские посты. Далее застыли боевые машины десанта, которые прислала армия.

Бондо мирно спал, а Тина подвывала в своей комнате. До поздней ночи они следили за событиями. Обсуждать новости не хотелось, да их и не было. Легли отдохнуть, а утром, 9 апреля, наступила страшная развязка.

Обычно ночью часть протестантов покидала митинг, в надежде вернуться утром. Но перед рассветом военные окружили поредевшую до нескольких тысяч толпу и стали вытеснять ее с площади. Кое-кто сопротивлялся, основная масса бросилась прочь, а выходы они сами перед этим перекрыли. Многие пострадали в давке. В результате – два десятка по-

гибших и сотни раненых. Военные применили газы и саперные лопатки.

Всех поразило применение саперных лопаток, от которых оставались рубленые раны, хотя жертв от газов и давки было больше. Газы – оружие массового поражения, нападающий не видит воочию жертву и, словно бы, не осознает себя палачом, он, как бы, просто отпугивает. Но на детей, женщин и молодежь поднималась рука, вооруженная этим иезуитским предметом!

Сидя перед телевизором, Катя неожиданно ощутила свою вину в этих ужасных событиях. Как будто это она рубила с плеча. Отвернулась от Тенгиза, опустила голову на грудь и не смогла встать даже в ответ на голос Бондо. Тенгиз сходил в детскую и вернулся к жене.

– Катюша, отбрось эмоции и рассуждай здраво. – Обнял он Катю. – Ты-то тут причем?

– Мне стыдно – и всё. Это выше меня.

– Попробуй рассуждать здраво. Местные недолюбливают чужаков, а ты стыдишься за своих. Улавливаешь сходство противоположностей?

– Конечно, меня эти переживания не красят. – Прерывисто вздохнула Катя. – Со мной никто не советовался, и не я посадила наших товарищей в их кресла. Нас можно винить в том, что мы так долго терпели и не пошли на баррикады, но и эти тогда на баррикады против нашей общей власти не пошли. Терпели, как и мы. А теперь протестуют, но цели-то

у них мелочные.

– Тем не менее, давай и толпу не будем осуждать огульно. Во всём мире, каждый с рождения предпочитает своих. Его не нужно в этом убеждать. Еврейский мальчик почти верит, что Эйнштейн – это немного и он, и это его самого сжигали в печах Освенцима. А русский мальчик, привык думать, что он когда-то плыл под одиноким парусом в тумане моря голубом. И еще он в уголках памяти участвовал в разгроме фашистов, монголов и половцев. Такова наша природа, и в малых масштабах это нормально. Но любовь к родине не должна переступать через человека, как у немцев с их Deutschland, Deutschland über alles! И тогда человек превращается в пыль истории ради державы.

– Ты что, совсем не различаешь патриотов и националистов?

– Патриотизм не нужно воспитывать, он возникает сам, когда есть чем гордиться. Здесь и сейчас, а не только славным прошлым. А если сейчас гордиться нечем, но патриотизм навязывают – получается шовинизм.

– Было бы здорово убедить в этом те две группы патриотов, местных и советских.

Катя накинула плащ и вышла погулять с ребенком.

Тишина на улицах угнетала. Ни голосов, ни шума машин, ни даже гомона птиц. С утра по радио призывали к забастовке, но она и так началась, стихийно. Катя вышла с Бондо на полупустую улицу. Около своей калитки молча стояла по-

друга Тины и так посмотрела на Катю, как будто уже не ожидала снова её увидеть. У парка бегали дети, оживленно играли и пока не делились на своих и чужих.

Коляску она не взяла, и Бондо шел, держась за ее палец. Вскоре он утомился, прижался к матери и протянул вверх ручки. Катя подняла его, он уже был довольно тяжелый. Надо было взять его палку, вспомнила Катя. Держаться за палку, вместо пальца, чтобы ходить самому, Бондо придумал, глядя на Петровича. Сначала он сам подбирал на улице обломок ветки и ходил с ним, как с тросточкой, а потом Тенгиз вырезал ему предмет передвижения из ствола кукурузы. В гостях у Петровича он пытался было пользоваться костылем Петровича. Но у него не получалось: костыль был вдвое выше, чем Бондо и тяжел для него.

31. Мегрельский бунт

Между тем, план Тенгиза воплощался в жизнь. Вова Кокая бросил адвокатуру и возглавил отдел технического контроля завода. Он выложил перед Тенгизом варианты сказочно разбогатеть, но тот не поддался на уговоры и отказался стать во главе завода. Тенгизу важно было наблюдать за экспериментом, если бы он стал участником, он бы потерял объективность. У Тенгиза было для Вовы встречное предложение, которое обещало тому блестящую политическую карьеру.

Противостояние с Москвой и локальные распри привели к деградации всего на свете: безработице, нужде и криминальному беспределу. Давняя готовность местного населения к рынку не спасла от обнищания. Спекулировать под охраной империи было намного привольнее, чем найти себя в условиях свободного хозяйства.

Здравые граждане видели, что всюду воцарился упадок, но Тенгизу захотелось наглядно показать это и тем, кто пока наслаждался торжеством самобытности. Для этого нужно было продемонстрировать, что их ждет, если события будут развиваться в том же направлении и дальше. Тут-то и нужен был Вова Кокая, адвокат, сторонник независимости и патриот. Поэтому при очередной встрече с приятелями в беседке Тенгиз поделился с ними своими соображениями.

– Мы с вами старые друзья и между нами недомолвок нет. Хочу посоветоваться с вами по очень сложному вопросу. Мы все приветствуем самоопределение наций. Это дало нам независимость от северного тирана. Однако полного удовлетворения я ощутить не могу. Нас, мегрелов, продолжают ущемлять на нашей же земле. Грузия должна стать федеративной республикой. Гурийцы, сваны, имеретинцы, аджарцы, абхазы должны объединиться вокруг центрального этноса Грузии – мегрелов.

Предложение было неожиданным, но оно сразу нашло отклик.

– Я уверен, что мы все здесь тебя поддерживаем, – проговорил Нико Кодуа. – Но как это добиться в реальности?

– Это не просто, но возможно, – продолжил Тенгиз. – Мы все знаем, что Мегрельское княжество было раньше свободным. И еще, напомню, что когда Грузия потеряла независимость и стала вассалом России, Мегрелия оставалась самостоятельной еще 20 лет. Поэтому мы имеем полное право претендовать на независимость. Мы потребуем у тбилисского правительства полной свободы. У нас есть такое историческое право. Тем не менее, после длительных переговоров, мы уступим: останемся в составе Грузии, но пусть центральной автономной республикой будет признана Мегрелия. А столицей Грузии следует провозгласить Поти или Зугдиди, это нам нужно выбрать вместе.

Он знал, что готовый план может породить разброд и оста-

вил возможность всем принять участие в поиске оптимальной концепции.

Почти всем импонировал Потти, но Вова Кокая посоветовал выбрать Зугдиди, который и был в прошлые времена столицей княжества. Тенгиз был с ним солидарен, и отдали предпочтение Зугдиди.

– Не понял я только, зачем нам потом уступать? – Выразил недоумение Котэ Цвения. – Может быть, Тбилиси насовсем нас отпустит, и мы будем жить в своей стране, свободные, как орлы на горных просторах.

– Охлади пыл, Котэ, – рассеял его иллюзии Нодари Хубуа. – Тбилиси на это не пойдет. Абхазия и Аджария уже готовы сбежать вместе со своими Сухуми и Батуми. Если и мы туда же, Грузия потеряет выход к морю и станет третьесортной державой. Поэтому Тбилиси подвесит наш конфликт и возьмет измором.

– Я больше скажу, – прервал эту дискуссию Вова Кокая. – Нам не нужно уничтожать Грузию. Мы, мегрелы, хоть и первый сорт, но грузины. Наша цель – добиться достойного места в составе Грузии.

Гиви Шония напомнил, что их движение за независимость Мегрелии нуждается в предводителе и лучше Тенгиза не найти никого.

– Благодарю за доверие, – категорически отверг это предложение Тенгиз, – но я против. Нет лучше вождя для нашего движения, чем Вова Кокая. Я технарь, мое дело – промыш-

ленность, а Кокая – адвокат, человек неподкупный и решительный. Ему предстоит трудная битва, но он справится.

Так и решили.

Катя принесла закуску. Ей не понравилась затея Тенгиза. Она коснулась его руки и незаметно покачала головой. Но Тенгиз был уверен в том, что задумал, а Кате он всё объяснит потом, когда они останутся одни.

От последующих шагов Тенгиз самоустранился, как человек, далекий от политики, а заговорщики все следующие дни вели пропаганду, и движение быстро набирало сторонников. Горком партии уже не рулил. Администрация города была в панике, но более низкие структуры верхушки, не связанные напрямую с центром, отделение от Грузии приветствовали. Это была привлекательная мечта – независимая страна с центром в Зугдиди. Сами себе хозяева! Мегрелы составляли подавляющее большинство жителей города и на центральной площади, перед театром, назначили бессрочный митинг, как это ранее было в Сухуми, а потом в Тбилиси. В поддержку движению прибыли жители Зугдиди и всех соседних городов. Мэр Зугдиди приветствовал требования населения и вошел в центральный аппарат движения. Милиция города охраняла митингующих. На всякий случай, никто на них не покушался. Но милиции нужно было как-то обозначить собственное отношение к событиям.

Правительство не могло подавить мятеж войсками. Во-первых, армию в Грузии еще не успели сформировать. Мож-

но было только рассчитывать на тбилисскую милицию, но это бы оголило их самих. А во-вторых, всё это напоминало карикатуру на те события в Тбилиси, которые они сами только что организовали. Так это и воспринимали обыватели. А никакая власть не может себе позволить быть смешной.

Из центра прислали полномочную делегацию для переговоров. Кокая и остальные вожди категорически не соглашались на компромиссы. Тем временем, митинг на площади продолжался, а полномочная делегация тайно связывалась с тбилисским начальством для уточнения позиции. Мегрелам стали предлагать уступки, улучшающие их положение. Вова Кокая несколько раз выходил к театру и публично обсуждал их со своими последователями.

Наконец, толпа на площади хвалебными криками утвердила соглашение с правительством. Мегрелия будет в составе Грузии, столицей останется Тбилиси. Все налоговые поступления отныне будут оседать на местном уровне. И это еще не всё. Правительство Грузии поддержало требование частично компенсировать мегрелам те убытки, которые они понесли из-за многолетнего притеснения. Центр не будет отныне вмешиваться в назначения местных органов власти, а те чиновники, которые оказались не на высоте, будут немедленно изгнаны. Тбилиси уже даже почти поддержал требование мятежников, о небольшой собственной армии в Мегрелии, и эта идея привела всю площадь в восторг, но Вова Кокая проявил здесь государственную мудрость. Он разьяс-

нил, что содержать армию придется на свои же налоги, а это накладно. Пусть лучше военные расходы несет Тбилиси.

После этого митинг единогласно выбрал Вову Кокая мэром Поти, а приятели Тенгиза заняли высшие позиции в городе. И всё пошло своим чередом.

Тенгиз был более или менее удовлетворен результатом своего опыта, но у Кати эта авантюра вызывала стойкое неприятие. Утешало ее только то, что Вова Кокая теперь вознесется и посещать их будет реже.

– Зачем поднимать людей на бунт, ведь на самом деле не изменилось абсолютно ничего? – выговаривала она Тенгизу. – К тому же, ты пробудил в них самые низменные инстинкты.

– Учти, для начала, что никто не пострадал. А мы, Катюша, получили полезные знания. Мы убедились, что бунты бесполезны, выигрывают лишь зачинщики. И в основе восстаний лежат личные интересы. А самое главное: прогнивший организм с наскока вылечить невозможно, он будет продолжать гнить. Либо требуется длительная и мучительная терапия, либо хирургическое вмешательство. Где бы найти хирурга от бога? Мы знаем, что Ли Куан Ю победил коррупцию в Сингапуре и маленькая страна расцвела. Но он не дал универсального рецепта. Его оружием был страх. А если бы на месте Ли Куан Ю оказался самодур?

32. Плоды независимости

Сразу после ночи саперных лопаток в местных газетах мятежников называли экстремистами, но они быстро превратились в героев. Некоторые вооружились, чем придется, и двинулись наводить порядок в Абхазию. Саперные лопатки не использовали, но погубили там примерно столько же, сколько сами потеряли в Тбилиси. Цели своей, конечно, не достигли; абхазы тоже были патриотами своей пострадавшей родины.

Вскоре все внезапно забыли русскую речь. Двуязычные русско-грузинские вывески на улицах перекроили. Они стали англо-грузинскими. Претензий Кате и другим, таким же, никто не предъявлял, но сторонились, беседу не начинали, отвечали неохотно.

В каждом учреждении раньше было несколько «рабочих лошадей» неместного происхождения, взятых не по блату – чтобы где-то что-то теплилось. Их выгнали и больше не брали никуда. Активность в этих заведениях заглохла. Это, между тем, мало кого заботило: деятельность этих контор и раньше ничего не давала ни уму, ни сердцу. Трудились для галочки, а сейчас их отчеты были никому не нужны.

Тбилисские власти ввели свою валюту, лари, но пока охотились за рублями, а более состоятельные накапливали доллары. Иногда казалось, что в городе осталось единственное

исправное звено: дядя Ваню и его лошадь.

Но, слава богу, озлобленность не переходила в погромы, как это наблюдалось в некоторых республиках Союза. Тысячелетняя культура все-таки имеет значение.

В итоге чужие постепенно уехали. Все, кто мог. С детьми и стариками, на голое место. Проще всего было перелететь в Адлер на «кукурузнике» и многие стояли в самолете на ногах, как в автобусе. Другие уплывали на барже и шутили, что, слава богу, не под обстрелом. Некоторым удавалось вывезти накопленные ценности, а кое-кто платил за эту попытку жизнью. Не выдержав неустроенности, некоторые коренные жители тоже искали счастья за рубежом.

Катя, волей-неволей, уже и сама ощущала себя бывшей оккупантшей, а Тенгиз подсознательно чувствовал неловкость за власть. Завод в нём теперь не особенно нуждался, и пришло время начать переговоры с московскими приятелями.

Товары исчезли, а очереди часто перетекали в потасовки между законопослушными разинями и теми, кто валил толпой. Семью Тенгиза выручали друзья, у которых уже появились возможности. А Катя подтрунивала над мужем: результаты его эксперимента оказались загрязнены корыстью. Тенгиз не оставался в долгу:

– Ну и как тебе, Катюша, – спрашивал Тенгиз, – реализация твоей мечты?

– Какой именно мечты?

– Самой твоей сокровенной мечты. Отменить государство, жить свободно. Анархия, ведь это мать порядка. Привольнее стало жить? Держава пала, твори и пробуй!

– Зато я, наконец, поняла сходство между анархией и коммунизмом.

– Нашла сходство! Неограниченная свобода и диктатура!

– А сходство есть. В основе обеих систем лежит одна и та же ошибка. Обе они были бы замечательны, если бы люди стали совершенны. Представь себе среду, где живут сплошь Иисусы Христы. Да это коммунизм и анархия в одном флаконе! Ни тебе принуждений, ни ограничений. Нравственные законы – внутри нас. Все свободно творят, что хотят, на благо всех.

– Всё ты верно говоришь. Поэтому-то анархический коллектив не способен выжить. А коммунизм нуждается в диктатуре: как иначе заставить всех быть белыми и пушистыми?

Бондо рос, перешагнул трехлетний рубеж, с родителями говорил по-русски, а с бабушкой переходил на грузинский. У него это очень естественно получалось.

33. Сплошная приватизация

Прятели Тенгиза давно уже не заглядывали в его беседку. Они были целиком погружены в заботы о городе. Это им плохо удавалось, жизнь понемногу разваливалась, но это не означало, что они управляли хуже, чем старая администрация: то же самое происходило по всей Грузии. Резко упала производительность труда, и даже земля, как назло, перестала родить в новых условиях, и впереди маячил голод. Друзья, однако, не забыли о Тенгизе. Они испытывали потребность в его остром уме и позитивном взгляде на отношения людей, но им трудно было теперь выбрать время и собраться вместе.

Поэтому Вова Кокая позвонил Тенгизу и предложил встретиться на их территории. Проще всего было посетить рабочее совещание, где они собирались своей компанией, без посторонних. Это предложение вполне устроило Тенгиза, ему было интересно, как функционирует аппарат управления городом и он предложил Вова свою собственную повестку встречи: он будет задавать друзьям вопросы, а они введут его в курс дела о своих заботах. Вова охотно согласился. Он знал, что Тенгиз не будет интересоваться личными тайнами или пустяками.

В назначенное время Вова подъехал на своем служебном лимузине к приятелю, вошел во двор, поздоровался с Катей и Тиной и не забыл извиниться, что ненадолго заберет у них

Тенгиза.

В мэрии все уже были в сборе. Вова отключил телефоны и предложил Тенгизу сесть во главе стола, но Тенгиз отказался от этой чести: его будет смущать ответственность этого места. После этого Вова кратко охарактеризовал положение в городе, ничего не приукрашивая, и дал слово Тенгизу.

– Благодарю всех за приглашение, – начал заседание Тенгиз. – То, о чем рассказал Вова, мне, как и любому жителю города, знакомо. Было бы интересно обсудить частности. Каждый из вас заведует одной из сторон жизни, социальными вопросами, коммунальной системой, производством, торговлей, внешними связями. Мне хотелось бы, для начала, услышать о судостроительном заводе, где я уже практически не работаю. Я так понимаю, что им сейчас руководит Котэ Цвения. Что там происходит?

– Можно сказать, что завода больше нет, – ответил Котэ. – Да он и не был нужен. Его насильно внедрили во время войны и работали там посторонние люди. Мы завод приватизировали и реализовали всё мало-мальски ценное. Сначала распродали содержимое склада, потом пристроили кое-какое нехитрое оборудование. Станки сдали на металлолом, на них покупателя не нашлось. Горячие цеха, кузнечный и литейный, переоборудовали в торговые павильоны. Это принесло заметную прибыль и городу. Мы теперь можем поддерживать наших стариков.

– А кто хозяин, ты, Котэ?

– Очень частично. В основном, это прежняя политическая верхушка. Ты, ведь, знаешь, что их власть держалась не только на административных рычагах. Ну, мы их уволили, а влияние никуда не делось.

Вопрос о производстве товаров широкого потребления Тенгиз поднимать не стал.

– С этим ясно, а что с рыболовной промышленностью? Думаю, что Нико Кодуа в курсе? Ты, ведь, как многие наши, служил капитаном. Как вы это называли – «шоферами»?

– Да, это в зоне моей ответственности, – ответил Нико. – Не забудь, что флот, как и завод, ранее тоже обслуживали матросы и механики, прибывшие из Союза. Содержать корабли и наземное имущество стоит дорого, и собственники терпели колоссальные убытки. Кто такие собственники, тебе уже Котэ раскрыл. Им удалось выгодно продать здания и холодильники коммерческим структурам. Траулеры немецкой постройки загнали туркам. На старые сейнеры покупателей не нашли и перегнали их в Турцию, на металлолом. Хитрые турки их, конечно, отремонтировали, и промышленляют теперь в наших территориальных водах. Но и мы своего не упустили: они отдают нам часть улова, и мы снабжаем горожан. Что касается рыбзавода, то перерабатывать ему нечего, желающих приобрести его – нет, и он пока законсервирован.

– Печально, – вздохнул Тенгиз. – А как обстоит дело с торговым сектором?

– Это моя вотчина. – Важно заявил Гиви Шония. – У нас

– порядок. Мы всю торговлю национализировали.

– Что вы сделали? – Переспросил Тенгиз. – Приватизировали или национализировали? И, потом, как вам это удалось, она ведь итак была полностью государственной.

– Гиви немножко путает термины, – вмешался Вова Коя. – Расскажи, Гиви, как ты преобразовал торговлю.

– Я навел полный порядок, Тенгиз. Теперь во главе всех заведений торговли стоят мегрелы. Других грузин – ни одного!

– Ты не национализировал, а шовинизировал торговлю. – Поправил Тенгиз. – А чем ты торгуешь?

– Мы ждем завоза. Ко мне обращались дельцы, предлагали пока торговать гашишем, но не на того напали.

– Это принципиально, Гиви. – Одобрил Тенгиз. – А что у нас с портом? Как я понимаю, тут загнать нечего. Причалы и волноломы не продашь, а портальные краны сдавать на металлолом – накладно: разобрать их выйдет дороже, чем возможная выручка. Может быть, поэтому жизнь в порту не угасла и пока грузовые корабли обслуживают?

– Всё совсем не так, Тенгиз, – возразил Нодари Хубуа. – У нас теперь открытое общество и контрольный пакет акций приобрели арабские шейхи из Саудовской Аравии. Помнишь, Тенгиз, как мы сидели на камнях брекватера с удочками? Теперь нельзя. Они запретили свободный проход на территорию порта. Мы работаем, как перевалочный пункт между Закавказьем и зарубежьем. Вывозим оборудование,

металлы, руды, стройматериалы, но, в основном, вторсырье. Берем небольшой процент – и это всё. Даже рабочие, в основном, привозные.

– Тяжелая картина. А как расстались с частями советской армии? Кто знает подробности?

– Тоже радоваться нечему, – сказал Вова Кокая. – Подразделения армии выводили в спешке, военное имущество бросили. Если бы всё это они передали нам, мы бы какой-никакой порядок навели, так нет – просто ушли и оставили. Сам знаешь, на какой ноте мы с ними расстались. И что? Оружие моментально нашло новых хозяев, иногда случаются даже автоматные перестрелки. Да ты и сам их наверняка слышал. Есть у тебя, Тенгиз, мысли, что нас ждет дальше?

– То, что кругом безответственность и расцвела преступность – понятно. Старая страна разрушилось, а новая еще не поделена. Как поделят – уличная преступность исчезнет. Но появится коррупция. Средства сопротивления известны. – Тенгиз вздохнул и продолжил. – Но это будет происходить повсюду, не только в Потти. Однако кое-что зависит и от вас. Вы получили финансовую автономию, сами собираете налоги и планируете бюджет. Это дает вам рычаги влияния. Раз вы хотите гармонии, следует исходить из принципа: вы или помогаете, или не мешаете. Но помочь каждому – это большая морока. Проще – не мешать. Поменьше декретов, запретов и контроля. В этом случае ваши расходы упадут. Вам просто ничего не нужно будет делать, кроме обеспечения

общих нужд: содержания в порядке улиц, социальной помощи, медицинского обслуживания, юридической системы. На это уйдет небольшой базовый налог, который вы и будете собирать. Налоги на другие статьи должны быть адресными и добровольными. Каждый решит сам, стоит ли ему участвовать в финансировании милиции, религиозных нужд, постройки общественных зданий, проведении празднеств. Кто хочет принять участие в содержании всего этого – прекрасно, а кто не желает – его личное дело.

Здесь Тенгиз заметил, что среди друзей пробежал недоверчивый ропот.

– Не нужно опасаться, – объяснил он, – что добровольные налоги никто сдавать не будет. Пусть, предположим, кто-то сэкономит и не внесет налог на милицию. Его право. Ведь милиция представляет власть и обслуживает она власть, а не народ. Но если человек попадет в беду, ограбят его, например, или шантажируют, и ему понадобится помощь, она для него окажется платной. Тем более, при всеобщей открытости всем, и плохим людям тоже, будет известно, кто и что оплачивает.

После встречи каждый тепло приобнял Тенгиза. Как будто, прощаются навсегда, подумал он. Реформ, конечно, не будет. Тут нужно давление снизу.

34. Трудовые фронты свекрови

Утром Катя собралась погулять по улице с Бондо. Он уже ловко ходил, но предпочитал бегать. С моря дул влажный ветерок и пахло морской солью. Кружки старинных друзей еще собирались на улицах, но беседовали о своих проблемах менее оживленно, и выглядели не столь элегантно, как прежде. Было тепло, но жара еще не терзала прохожих. Вдруг яркое небо внезапно потемнело, и хлынул ливень. В Колхиде дождик обычно не моросит. С неба на землю без подготовки, всего на несколько минут, обрушиваются реки, и этого обычно достаточно, чтобы ручьи текли уже по мостовой. Однако на этот раз ливень не кончился так быстро, поэтому они задержались под смоковницей, которая раскинула ветви над тротуаром, а сама пряталась за забором. Бондо к ливням привык и показывал матери, что лучше бы выйти под дождь. Внезапно над калиткой показалась пожилая голова, укутанная в платок. Это была подруга Тины, Русико.

– Зачем стоите под моим деревом? Вон, прячьтесь под тем кипарисом. Тут вам не Москва.

– Извини, дорогая. Мы по-русски совсем не говорим, – ответила Катька без малейшего акцента.

– Ты плохая, Русико, – вмешался Бондо. – Скажу на тебя бабушке.

Ливень стих, как будто в небесах закрутили вентиль, и

они повернули к дому.

После обеда Катя уложила ребенка и заглянула к Петровичу, прибраться и отвести душу. Стирал и готовил он сам, однако для поддержки чистоты ему всегда не хватало времени.

– Сегодня утром помогал Тине дотащить корзину с рынка, так она, пока я ковылял, слова не проронила, даже, якобы, не слышала, что говорил я. И даже спасибо не сказала, – пожаловался Петрович. – Она, конечно, княжна, но и я не холоп. А как добрались до дома, посоветовала уехать, я здесь, видите ли, чужой. Тебе, говорит, так будет лучше. И не поймешь, сочувствовала или угрожала. А раньше дружили. В день по два раза у нее что-нибудь ломалось. Ты ведь знаешь, Тина и раньше предпочитала своих, но относилась к нашим вполне терпимо, с легкой иронией.

– Ну, не одна Тина так изменилась. Спасибо, что не задевают, молча проходят мимо.

– У Тины всегда был характер. В школе ученики обожали выставлять ее дурочкой.

– А как они до неё добирались? Она же директриса, до нее было далеко, разве что иногда вызывала кого-нибудь из них на ковер? – Беседуя, Катя орудовала шваброй.

– Ну это не сразу, а до того она преподавала русский. Пацанов веселил её акцент, они и диктанты писали, как бы с акцентом. Как слышали, так и писали. Всем классом – одинаково. Кончилось тем, что родители стали жаловаться и её от-

странили. Перевели директором. Ты же знаешь, каким крутым был старик Пагава, кто с ним будет связываться?

– Любопытно...

– Однажды сорванцы почти довели её до инфаркта, а я её спас.

– Как спас? Надавал подзатыльников?

– Разрушил их замыслы и немного припугнул заводилу.

– Слушай, Петрович, а ты-то тут причем?

– Тина позвала меня в школу, на помощь. – Он загадочно улыбнулся. – Пойдем, отдохнем в качалке, спешить некуда.

Катя любила его качалку. Петрович построил её из бамбука и повесил на асимметричной подвеске. Поэтому она перемещала туловище не только вперед-назад, но и нежно колебала в поперечном направлении. Укачивала, а не качала. Прихватив виноградный сок, они несколько минут отдыхали. Петрович отложил в сторону костыль и не спешил. Видно было, что в истории есть изюминка. Катя пила сок и ждала. Изабелла прошлого урожая удалась, и напиток из нее получился отменный.

– Дело было поздней осенью, смеркалось рано. Учились в две смены, и во время последних уроков за окном уже было темно. В классе зажигали свет, но сорванцы портили проводку, и Тине приходилось отпускать их по домам. – Петрович знал, что Катя любит истории про электрические цепи. – Наиболее легко было немного открутить лампочку. Об этом догадалась даже Тина и потребовала, чтобы кто-либо залез

на стол и лампочку подкрутил. Но все и слышать не хотели, будто бы упасть боялись. Тогда Тина решила залезть на стол сама. – Он весело посмотрел на Катю. – Можешь вообразить Тину на столе? Она тогда тоже худенькой не была. Весь класс лежал.

– Ну, открутить лампочку – это примитив, – пожалала плечами Катя.

– Потом они повеселились от души с выключателем света. Отсоединили провода, к одному из них привязали нитку и вывели ее наружу. Стоило дернуть – провода разъединялись, и свет внезапно гас. Момент для отключения света выбирали, когда Тина нацеливалась поставить кому-либо двойку в журнал.

– Это уже лучше, – отметила Катя, – но можно было и этот фокус разгадать.

– Конечно. Но не сразу. И вот она опять столкнулась с проблемой. Вначале урока свет горел нормально, но ближе к середине начинал мигать и внезапно гас. Тина тут же бежала к выключателю, но тот был в порядке. Потом залезла на стол подкрутить лампочку, но и это не помогло. Я решил сходить с ней на урок и разгадать вредительство.

– И что же оказалось?

– Перед уроком они выворачивали лампочку, засовывали в патрон жеваную промокашку и ставили лампочку на место. Теперь-то их уже нет, но тогда писали чернилами, написанное нужно было промокать, чтобы текст не размазался. Пока

комок был мокрый, свет горел. Но ток нагревал промокашку, она высыхала и свет гас. И подкрутить лампочку было нельзя – там же была сухая промокашка.

– И после твоего вмешательства новых акций уже не было?

– Не было. Но здесь есть еще вишенка на торте. В этом классе учился Тенгиз. Он и верховодил. Пришлось пригрозить: не прекратит, расскажу отцу. Шалва серьезный был мужчина.

– А как Тенгиз оправдал издевательства над собственной матерью?

– Утверждал, что она его позорит. Кого, мол, она может научить, если сама говорит на ломаном языке. Лучше пусть пойдет уборщицей, вместо тёти Наташи. А тётя Наташа – учительницей. Наташа, между прочим, тогда была уже на последнем курсе педагогического.

35. Прощание с Петровичем

Пришло время задуматься о бегстве с насиженного места и Петровичу, его уволили. Мы вас уважаем, сказали хозяева, но из-за чужаков сами стали забывать родную речь. Но Петрович не переживал, ему уже всё порядком надоело. Честно говоря, дело было не в языке. Петрович бы не понадобился, даже будучи местным уроженцем. Станков-то его любимых уже не стало.

Ехать ему было некуда, жена давно умерла, сын не вернулся из Афганистана. Перебираться он собрался в Краснодарский край, ближе к морю – привык жить в тепле.

В его возрасте не было резона ехать голым, он бы не смог уже срубить дом самостоятельно. Помимо участка земли и великолепной избы, он накопил кое-какое имущество. Это были оригинальные бытовые приборы, приспособления для земляных работ на участке и мебель своего изготовления. Всё это он легко пристроил. Трудности были с продажей дома.

Цены предлагали совсем смешные, на них в Краснодарском крае нельзя было бы купить и сарай. А дом Петрович в свое время построил отменный. Тактика покупателей была хорошо отработана. Каждый следующий кандидат предлагал чуть меньше, чем предыдущий. Однако в настоящее время почти все инородцы разбежались, жилья на продажу

выставляли всё меньше, а покупателей было, хоть отбавляй. Поэтому методика сбивания цен давала осечки.

В итоге, дом Петрович, в конце концов, реализовал заметно выше, чем диктовали блюстители интересов местного населения. Оформили продажу по бросовой цене, а разницу он получил нелегально. Иначе покупателю бы тоже не поздоровилось. Получив деньги, Петрович, для безопасности, перебрался на несколько дней к супругам Пагава, которые тоже почти сидели на чемоданах. Договорились, что рвать дружбу не следует. Петрович будет иногда приезжать в столицу, а они смогут проводить отпуск на Черном море. Но последнее было не наверняка, ведь тут оставалась Тина, а море здесь было тоже Черное.

Выехал Петрович вместе с приятелем, недавно вышвырнутым из порта. Жил тот, вместе с такими же горемыками, в деревянном 8-квартирном доме, уже почти опустевшем. Коммунальные службы перестали снабжать их теплом, и жильцы понемногу сдирали деревянную обшивку внешних стен своего жилища и топили этим печки в своих квартирах. Он объяснил Петровичу, что иначе не выжить, а обитатели понимали, что еще до наступления следующего сезона холодов все уже разбегутся, а дома наверняка снесут.

У приятеля была на ходу старая машина, и они рассчитывали добраться на ней до Сочи, где его ждала дочь с семьей.

У обоих была с собой приличная сумма денег за вырученное имущество. Поэтому выехали они внезапно, ночью,

неожиданно для посторонних. Тенгиз проводил их до Сухуми. Все три часа пути приятель Петровича пытался добиться от Тенгиза ответа на мучивший его вопрос: почему за провал политики партии возлагают вину только на русских? Во всех республиках была своя, местная, партийная прослойка, как правило, более значительная, чем в самой России. Всюду жили простаки, а были и хитрюги.

Тенгиз не видел здесь загадки. Всегда виноват чужой.

К несчастью, после отъезда следы Петровича затерялись. Позже, уже из Москвы, Тенгиз слал запросы в Ростов, в Краснодарский, и даже в Ставропольский край, но безрезультатно. Приятеля, с которым они вместе тогда выехали, Тенгиз тоже искал. Нашёл его дочь. Она так и не дождалась отца в Сочи. Следовало проводить беженцев до конца, на Тенгиза бы посягать не стали.

36. Витя зовет на помощь

Витя никогда ничего не просил и не жаловался. Поэтому пришедшее от него письмо встревожило супругов Пагава. Жилось Вите без них не слишком.

Витя писал, что заметного прогресса в их совместной работе он пока добиться не смог. Есть продвижение в скорости обучения их блока. Оно не носит качественного характера, но зато аппарат уже, как бы, сам себе на уме. А сейчас необходимо напрячь силы: появились сильные соперники – американцы из силиконовой долины. Витин начальник ездил туда в командировку, по своим делам, и рассказал о крупных финансовых вливаниях в проект создания робота, похожего на нашего. До этого они, как и все, конструировали сложную сеть из простых элементов. Но теперь открыли параллельное направление и бросили силы на создание простейшего чувствующего блока, с тем, чтобы комплекс подобных аппаратов порождал новое качество.

Витин шеф сказал американцам, что у него есть сотрудник, который в составе целой группы давно трудится как раз в этом направлении и предложил им объединить усилия. Но у тех уже был надежный партнер из Союза, и как раз он внес решающий вклад в изготовление первого варианта умного блока.

В свое время Витин шеф отказался включить их тематику

в официальный план, и Витя корпел над этим в нерабочее время. Теперь-то шеф пожалел, но поезд уже ушел, а соревноваться с американцами в одиночку он не берется.

Кто именно вошел в контакт с американцами, Витя не знает. Он спрашивал у Юли, Сокова и даже Семы, но это не они. Если американцы имели в виду Катю с Тенгизом, то Витя был бы рад к ним присоединиться, и он не нуждается в оплате. Но коль скоро это не так и соперником выступают посторонние, то не всё пропало, вместе они бы легко наверстали упущенное время.

Это было заключительной мыслью письма и они, зная Витю, поняли, что он все свои надежды связывает с их появлением в Москве.

Нужно было связаться с ним по телефону. Решили, что говорить лучше Тенгизу, как более уравновешенному. Витя сразу же поднял трубку. Наверное, ждал звонка.

– Привет, Витя. Мы письмо получили.

– Как вы там, Тенгиз? Катя как?

– Да тут тоже не сладко. С американцами, Витя, контактировали не мы.

– Это я уже знаю. На днях случились события, и я догадался, что вы тут не при делах.

– Похоже, Витя, у тебя там что-то произошло. Давай, не тяни.

– Я в письме писал, что шеф с ними беседовал, рассказал о нас. Ну и уже есть результат. Позавчера прихожу с работы –

всё разбито, облито кислотой. А записи, тетради, черновики – исчезли. Ясно же, что это не вы.

– А на кого ты грешишь?

– Америкосы, конечно.

– Нет, Витя, – возразил Тенгиз. – Это не они. Умыкнуть техническую документацию – может быть. Но разгромить имущество – это по-нашему. Очень это похоже на Сокова.

Катя отобрала трубку у Тенгиза и закричала:

– Витенька, не расстраивайся. Мы скоро приедем и всё восстановим.

– Хорошо бы, хочется повидаться.

– Я думаю, месяц-два. – Пообещала Катя и вопросительно посмотрела на Тенгиза.

– Ну, не больше, – подтвердил Тенгиз.

37. Общественные проводы в дальний путь

Уговорить Тину выехать вместе со всеми никто и не пытался, она не была бы счастлива без хозяйства и подруг. На поиски удачи в Россию уезжали многие, и обычно – навсегда. Во всяком случае, все знали, что в России национальные кадры не притесняют. Но так было раньше, а как будет теперь – не известно. Тем более что расцветала дружба с Америкой. А туда на заработки не всякий пробьется, и возросла конкуренция между своими.

Тина не осуждала их отъезд. Она передала сыну связку книг с грузинскими стихами, сказками и притчами, а Тенгиз обещал приезжать в гости при первой же возможности. Кроме того, мать вручила ему чонгури, 4-струнный музыкальный инструмент, который принадлежал еще ее отцу. С ним он и приехал на родину. Тенгиз предпочитал гитару, но мегрельские песни лучше звучат под чонгури.

Сборы близились к концу. Тенгиз, по обычаю, построил из брезента внушительный «дом приемов». На прощальный ужин пришли соседи, приятели и все желающие. Его хорошо знали, собралось почти двести гостей, и часть столов разместили под открытым небом. Почтила своим присутствием и новая мэрия в полном составе. Вова Кокая формально свои полномочия пока не потерял, но у него окончательно пропа-

ли инструменты влияния на события. Тенгиз отметил, что некоторые его друзья разбогатели, а некоторые – нет. Это было видно по уверенности в движениях и подобострастию окружающих. Для успеха недостаточно было близости к власти. Важен был характер и цели, которые не у всех были направлены на поиск достатка. Каждый ищет место под Солнцем, но Солнце у всех – разное.

Несмотря на отсутствие провизии в магазинах и даже на рынке, столы ломились от яств. Люди, которые давно уже с вечера занимали очередь за хлебом и успели забыть вкус деликатесов, вкушали плоды гостеприимства.

В Грузии так было всегда. Важные события в семье, такие, как свадьба или поминки сопровождалась обильным застольем. Даже при карточной системе. Кате рассказывали, что и в годы войны для таких событий провизию всегда находили. Легко было догадаться, что и при голоде склады не были пусты, а распечатывали их только при важных происшествиях, в соответствии с традицией, освященной веками. Дефицит сохраняли иногда вынуждено, иногда – намеренно, и стоящие у кормушки обогащались, выделяя товары нужным людям. Здесь понимали, что раздать это добро всем – легко. Но тогда нечем будет обеспечить семьи при возникновении особенных обстоятельств. Ясное дело, самые уважаемые граждане легко оснащали своих близких всем необходимым в повседневной жизни, но это, по местным понятиям, было нормально. Аналогичные методы снабжения населения на-

верняка были внедрены и в других местах Союза. Но там это не афишировали, а на Кавказе обычаи совместного застолья делали эту «тайну» совершенно прозрачной.

Гости долго не расходились. Они по очереди рассказывали, какая прекрасная семья Пагава. Как много сделал и Тенгиз, и его отец, и дед, и все его предки. Вспоминали добрым словом так неожиданно ушедшего старого князя. Желали долгих лет Тине, яркого будущего Бондо. И не забыли про Катю. Каждый говорил что-то оригинальное, теплое. Тенгиз знал, что многим из них ему придется оказывать протекцию в Москве.

38. Империи бывают разные

Семью Пагава вначале приютила Юля Латынская. Нужно было ждать, пока им выделяют квартиру. Места хватало всем. Юля как раз рассталась с очередным героем девичьих грез.

Она сразу поведала им печальную новость: Витя Коров недавно погиб. Пошел на вызов со своим франтоватым чемоданчиком, кто-то проломил ему череп и чемоданчик отнял. Скорая уже не успела. Это официальная версия следствия.

– Может быть, ты знаешь, Катя, есть ли у него родственники? – Тяжело вздохнула Юля. – Мы могли бы оказать им какое-то содействие.

– Куда там, у Вити никого нет. – Катя глотала слезы. – Забыла, что ли, как он жил на одну стипендию? Отец у него был химик-любитель, да он давно погиб в своей подсобке от производственной аварии. Какой-то промежуточный реагент оказался ядовитым.

У Юли на тумбочке зазвонил телефон. Она автоматически взяла трубку, рассеяно подержала ее на пальце, потом бросила на рычаг и пробормотала:

– Ах, отстаньте!

Были новости и о Сокове.

– Он стал важной птицей, ездит с охраной. У него совместное предприятие с вашими коллегами из Калифорнии. Недаром он посещал наши семинары. Витя побывал на пре-

зентации его успехов и на одном из стендов нашел любопытный аппарат. Он быстро протестировал прибор и догадался, что прообразом являлся наш «живой» блок. Попробовал, было лезть в бутылку, да охрана его вытолкала. Вскоре после этого Витя и погиб. И не факт, что польстились на его чемоданчик.

– Черт! – Выругался Тенгиз. – И зачем я намекнул ему тогда, по телефону, на Сокова!

– Неужели Соков такой законченный негодяй? – Вздохнула Юля. – Или это совпадение?

– Законченных негодяев не бывает. В каждом можно отыскать что-то и хорошее, – глухо сказал Тенгиз. – Но я пока не вижу – что.

– Он, между прочим, как-то заезжал ко мне. В полном блеске, на трех машинах, в шикарном прикиде, с французским парфюмом. Сверкал величием. Выспрашивал, переписываюсь ли я с Катькой. Так что в нем и в самом деле кое-что хорошее есть. У него хороший вкус.

Катя молча сжала зубы, а Тенгиз напомнил ей, что обычай кровной мести – не их метод.

Потом Тенгиз поведал Юле об особенностях их житья «за границей».

– Катя, а как это ощущала ты?

Катя так натерпелась, что погружаться в детали ей не хотелось.

– Это было трудно. Саперные лопатки ускорили события,

но и без этого было не сладко. Раньше – снисходительное презрение, а теперь – ненависть. Мы слишком различаемся и дело не в том, что генетика у нас разная.

– Это верно. Кое-кто все наши неустойки ловко списывает на своеобразие нации, – подхватила Юля. – Мы и ленивы, и вороваты и пофигисты. А это, всего лишь, отмазка для элит. Сами, мол, во всем виноваты. А между тем, русский, переехавший на Запад, тут же становится законопослушным и, чаще всего, успешным. И грузины в Москве теряют кавказскую спесь, делаются контактными и надежными в дружбе. Мы, кстати, давно не говорили о вопросах национальной нетерпимости. – Обратилась Юля к Тенгизу. – Ты уж поделись, что бы ты нынче противопоставил шовинизму?

– А это не имеет специфического механизма. Тот же эгоизм, сосредоточенность на себе и своих. Начальное звено здесь – борьба за самого себя. И против чужих. – Тенгиз помолчал. – Мы ведь еще немного зверушки.

– Но ведь личность зависит от среды. – Прервала его Юля.

– Еще бы! Личность пытается подчинить себе часть среды, чтобы стать крепче. Твоя рука – это часть тебя, потому что ты управляешь ею, как хочешь. Точно также и твое имущество – часть тебя. И еще твои подчиненные, твоя челядь. Князь Петр Кропоткин, анархист и Катин кумир, вспоминал, что его отец, генерал, получил орден из рук командующего за спасение турчанки из горящего дома. Турчанку спас его денщик, крепостной Архип и до Петра не доходило, поче-

му подвиг совершил Архип, а награду получил отец. Однако отец был убежден, что его крепостной – это всё равно, что он сам, часть его самого.

В комнату заскочил Бондо и бесцеремонно залез Юле на колени. У Юли возникло чувство, что ей дали медаль, и она замерла в неподвижности. Бондо деловито занялся браслетом на руке Юли, который имитировал стаю летучих мышей.

– Можешь его погладить, – сказал Тенгиз, – он совершенно безобидный.

Погладить Юля все-таки не решилась и, стараясь равномерно дышать, снова обратилась к Тенгизу:

– Но стремиться стать сильным и подавлять окружающих – это еще не шовинизм. Где тут презрение к чужим?

– Потому что лучший способ стать сильнее – сбиться в стаю. Для этого великого ума не надо. Даже колония термитов отличает своих от чужаков. Национализм нужно искоренять, изучать тут нечего. Тебе остается лишь отделиться от чужака, а там, глядишь, и помириться можно. – Сказав это, Тенгиз обратился к Кате – Вспомни, насколько стало легче, когда твои отношения с матерью так натянулись, что вы перестали цапаться.

– А как вы с Катей считаете, распад СССР был неизбежен?

За свою короткую жизнь Бондо уже слышал это звукосочетание – СССР – но не понимал, что оно означает. Обычно у взрослых тогда портилось настроение. Поэтому он соскочил с колен Юли и побежал играть с подаренным ему пароч-

возом, а Юля чуть расслабилась.

– Да, – уверенно сказал Тенгиз. – Я не считаю, что это всего лишь заговор удельных князей, которые собрались на днях в Беловежской пуще. Конечно, желание поцарствовать у них есть. Но и население их бурно поддержало. Республики уже отгнили от общего тела страны. Возражало всего-навсего население России. Но по-русски можно было худо-бедно объясниться в любой точке Союза, а вы местный язык знали плохо и это всех задевало. Можешь спросить у Кати.

– С этим я не соглашусь, – нахмурилась Катя. – Когда я выучила язык, это не облегчило мне отношения с коренным населением. Они всё равно воспринимали меня, как часть чуждого этноса.

– Получается, что нас сложились с ними любовь без взаимности. – Заключила Юля. – Ведь ты, Тенгиз, знаешь, как у нас относились к грузинам.

– Никакой загадки тут нет. Да, здесь к грузинам относились терпимо, многовековая привычка проживания в общей стране сформировало устойчивый положительный стереотип: «они наши». В Грузии это звучало по-другому: «мы ихние». Уловила разницу?

Объяснение Тенгиза Юлю не устроило.

– Это еще не вся правда, Тенгиз. Вы задумывались, почему осколки Британской империи продолжают уважать бывшую метрополию? В частности, сохраняют язык, как в Индии. Англичане никогда не заморачивались освоением мест-

ных диалектов. А нас бывшие друзья сильно не любят и стремятся избавиться от наших памятников и нашего языка.

Катя вопросительно посмотрела на Тенгиза.

– Давайте сравнивать, – продолжала Юля. – Основная идея Британской империи – нести цивилизацию отсталым народам. Вспомните Киплинга:

Несите бремя белых, —
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей;
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть – чертям!

– На это была направлена вся пропаганда, – напомнила Юля. – Англичане провозглашали, что их усилия направлены на преодоление отсталости, и это стало мировоззрением самих племен. И даже неважно, как фактически относились они к покоренному населению. Колонии, получив независимость, видят, куда следует двигаться к дальнейшим успехам. А Россия внушала народам, что они равны. А если все равны, то вы не командуйте. При образовании Союза в него сразу была внесена инфекция раздора.

О Сокове все помнили, но в разговоре он не всплывал. Проблема должна была дозреть.

Ночью выпал первый снег и утром Катя с Юлей вывели Бондо во двор. Сказать, что он был поражен – это ничего не сказать. Он соскользнул на землю и с победным криком бросился в сугроб. Полагая, что это мороженое, тащил его в рот. Его убеждали, что снег не сладкий. Он, конечно, не поверил, и вкус ему понравился. Потом Бондо с восторгом обнаружил, что на снегу после него остаются следы!

Садик для Бондо пока не нашли, но выручила мама Юлии.

– Чем расплачиваться будешь, – кокетливо спрашивала Юля Тенгиза.

– Роди сына, – заверил Тенгиз, – отправим его на Черное море к моей маме. Она не откажет и вернет тебе сына, говорящего на двух языках, как наш Бондо.

– А русский откуда у него там возьмется?

– Да она у меня преподаватель русского языка: объясняется по-русски. Без словаря, между прочим. Ну, иногда лишь употребляет жесты, Катя – свидетель.

– Цензурные жесты, – подчеркнула Катя.

39. Студенты эры капитализма

Институт в Долгопрудном выжил, об этом позаботились военные. Иногда задерживали зарплату, но у всех были дополнительные доходы. Какие именно и откуда – никто не афишировал. Да никто и не интересовался.

За это время произошло много чего. Гарик Тормашев дорос до секретаря парткома. Эта должность вскоре перестала быть хлебной, а теперь прекратила быть и должностью, когда с предприятий убрали партийные ячейки, но Гарик оставался на своем месте, хотя его организация сильно съежилась.

Тогда, вскоре после их отъезда властные полномочия передали Съезду народных депутатов, и тут же у дверей парткома образовалась очередь. Прозревшие коммунисты сдавали свои партийные билеты. Другие, еще более прозревшие, тихо прекратили платить свои членские взносы. Однако, самое уморительное произошло совсем недавно, во время ГКЧП. Около бывшего парткома образовалась очередь желающих погасить задолженность по взносам. А ведь суетились напрасно – партия вскоре была распущена.

Катя устроилась на кафедру, где ее знали со времен работы над дипломом. Многие сотрудники кафедры разбежались, в поисках более надежного источника дохода: некоторые совсем ушли из науки, другие нашли гранты за рубежом. Появились незанятые ставки и Кате выделили лабораторию.

Больших творческих успехов она не ожидала. Оборудование устарело, а финансирования не хватало. Можно было только надеяться на энтузиазм студентов, благо тему она могла предложить захватывающую. Опора на студентов важна: тут не обойтись общей формулировкой задания, которое будет выполнено в далекой перспективе. Студент должен решить свою маленькую задачу прямо теперь.

Но у студентов были дополнительные проблемы, им нужно было как-то выживать в новых условиях. Катя обнаружила это, глядя на доску объявлений у входа в главный корпус. Доску студенты использовали для обмена информацией друг с другом. Вся она была увешена листками бумаги, покрытыми каракулями индивидуального происхождения.

Поражало изменение содержания объявлений. Раньше в записках были разного рода просьбы: о потерянных вещах, о конспекте лекций или редкой книге. Иногда в записке была просьба о помощи в решении какой-то задачи.

Теперь в объявлениях были не просьбы, а предложения: что-либо купить, продать или обменять. У кого-то было готовое решение заданной задачи, и он предлагал ознакомиться с ним за небольшую плату. Предлагали поделиться информацией о каверзных вопросах, которые любит задавать на экзамене некий строгий преподаватель.

Тем не менее, Катя видела, что способность увлечься трудной загадкой у студентов никуда не пропала.

40. Катя провоцирует бунт

Прохожие в Москве были угрюмы и даже не жаловались друг другу на житье-бытье. Но пока никого не назначили козлом отпущения, ни интеллигентов, ни евреев, ни кавказцев. В беде были все. А те, кого беда не коснулась, с толпой не смешивались.

Магазины, как и в Грузии, стояли пустые. Полки заполняли чем-то, что никто не брал про запас: пищевой содой, уксусом или солью. Иногда в торговый зал вывозили тележку, с едой, например, кусками вареной колбасы. К ней кидались жаждающие, караулившие свою удачу. Всем, конечно, не хватало и, слава богу, если обходилось без потасовок. Жутковато смотрелась очередь за хлебом у открытого входа в пустой магазин. Ждали завоза.

Тенгизу выдавали продуктовые заказы на службе, но иногда не мешало бы что-либо прикупить, если повезет. Однажды Катя заглянула в соседний супермаркет. На витринах красовался уксус, а все проходы были заполнены мешками с сахаром, которые стояли вдоль стен и мешали движению. Уксус был никому не нужен, а сахар давали только по талонам, поэтому кассы простаивали. Толпы несостоявшихся покупателей протискивались между мешками и ворчали на работников магазина из-за тесноты.

– Убрали бы мешки в подсобку, зачем загромождать тор-

ГОВЫЙ зал?

– Совсем стало на людей плевать!

– И сами ведь с трудом пробираются в этих катакомбах...

– Вы требуете невозможного. – Вмешалась Катя, вспомнив особенности проведения поминок в Грузии. – В подсобку нельзя!

– Почему это нельзя?

– Кто им запрещает?

– Давайте директора!

– В подсобку нельзя, – громко разъяснила Катя собравшейся толпе. – Там нет места. Подсобка забита дефицитом.

Эта мысль почему-то никого ранее не посещала. Вся орава бросилась к подсобке. Она была закрыта, а ключа ни у кого из работников не нашлось. Гневные крики привлекли в магазин прохожих с улицы. Испуганные продавцы растеряно молчали и стремились исчезнуть. Народ их, конечно, «арестовал», не давая сбежать. Попробовали ломать дверь; она была так прочна, как будто охраняла золотой запас страны. С улицы кто-то пригнал массивную приземистую тележку, которую используют при разгрузке машин с товаром. Тележку разогнали, и кованая дверь не устояла.

Места в подсобке не было совсем: она была вся, до потолка, забита. Бросались в глаза головки сыров разных марок и разной формы, цилиндров, шаров, кубов, приплюснутых эллипсоидов. Марочные вина, сырокопченые колбасы, брикеты масла, кофе и что-то неизвестное и невиданное.

Катю поразило, что никто не ринулся хватать дефицит. Месть оказалась сильнее, чем жажда наживы. Начали бить продавцов. И продавщиц. В зал притащили завмага, уже с опухшим глазом. Кто-то вызвал милицию. Приехал газик. Блюстители порядка, лейтенант и сержант, быстро вникли в положение, схватили заведующего и грубо погнали его к машине, пиная под зад. В отделении перед ним, наверняка, извинятся, а стражей порядка накажут.

Вся сцена ужаснула Катю. Так выглядит разгневанное стадо. Получается, что она разожгла маленький бунт. Навела ли она порядок? Конечно, нет. Как в таком случае надлежало поступить? Молчать в тряпочку? Обидно. Вызвать прокуратуру? Смешно. Похоже, просто сожалеть. Но какой смысл переживать, если от тебя ничего не зависит?

Вечером Катя поведала о своей провокации Тенгизу, и он быстро пояснил, что она очень рисковала. Работал он в структурах, и нравы здесь были не для сентиментальных девушек. Но Катя догадалась, что на самом деле он ею гордится.

41. Переход на базарные рельсы

После Нового года Россия перешла на рельсы рыночной экономики, и отпустили цены. В первый же день они выросли в 10 раз. Не в 9 и не в 10,5. Во всех торговых точках, на удивление, выросли одинаково. Полки магазинов наполнились товарами в широком ассортименте.

Все с испугом рассматривали ценники и проходили мимо. Кое-кто покупал, вероятно, те же, кто в период всеобщего дефицита, приобретал это через заднюю дверь магазинов. Хотела бы Катя знать, как оформляли сейчас покупки в торговых сетях – по новым ценам или, вроде бы, реализованные раньше, до повышения цен. Тогда разницу они клали в карман и таким путем получали первичное накопление капитала. Эти финансовые запасы им вскоре очень понадобятся, чтобы приватизировать общественное имущество.

И крайне важно, что магазины в это время еще не были в личной собственности. Без сомнения, имел место стговор лиц, причастных к власти. Нужно было дать возможность социально близким баловням судьбы резко разбогатеть. Тогда появились бы те, на кого можно опереться.

Теперь Катя уже удовлетворенно вспоминала о событии в подсобке. Скорее всего, и другие участники того происшествия догадались, откуда, как по мановению волшебной палочки, появилось это изобилие. Было бесспорно, что кон-

кретные дельцы на местах – лишь пешки в этой игре. В доле были, но не смогли бы поменять цены столь синхронно. Они – пешки, а мы – никто! Мы не в игре. Мы доноры их нового богатства. Государство само провело гигантский эксперимент, как будто специально для полёта мысли Тенгиза. Где бы еще ему предоставили такую возможность?

Москва покрылась базарами, малыми и крупными. Кажалось, частная инициатива бурно расцвела. Но это, в основном, беднота распродала имущество, проедаая то, что наживала годами. А кое-кто умел шить, вязать, мастерить предметы обихода и это их теперь выручало. Бабушки раскладывали это добро на газетах, а сами сидели рядом, на ветхих тряпочках. Некоторым удавалось расположить свой скарб на пустых картонных ящиках.

Более предприимчивые перепродавали вещи, завезенные из Турции, либо приобретенные каким-то хитрым способом на складах. Много было добра, вынесенного с госпредприятий. Тогда ассортимент легко выдавал место службы хозяина: одни продавали слесарные инструменты, кое-кто выставил микроскопы, аналитические весы, мензурки, тигли. Кто-то надеялся даже реализовать реагенты для химлабораторий.

Катя не выдержала и приобрела набор для пайки, платы для демонтажа, осциллограф, новый немецкий усилитель. Покупки заняли деревянный ящик средних размеров. Хранить его было негде, пока разместили в лоджии, но Катя рассчитывала выделить место на будущей даче. Можно будет

поколдовать по выходным. Жалко, что всей этой роскоши не увидел Витя. Уж он бы развернулся. Катя не верила ни в бога, ни в черта, но потом сходила к Вите на кладбище и всё ему подробно рассказала. С Юлей и Тенгизом она этим делиться не стала.

Некоторые умельцы уже успели основать кооперативы и торговали предметами народного творчества, кондитерскими изделиями, бельем. Это не требовало обустройства сложных фирм. Катя прикинула, что можно было бы произвести на продажу простые, но полезные вещи. Тенгиз бы помог, но у нее душа не лежала к массовому выпуску. То, что она конструировала, нельзя было назвать даже штучным товаром. Скорее, одноштучным. И вообще не товаром. В свою задумку она вкладывала душу, а продавать кому-то душу было обидно. Этим она походила на Петровича, который тоже никогда не пускал свои уникальные приспособления на продажу. Только перед отъездом.

Эти события послужили очередным психологическим шоком для населения. После отправки цен в свободное парение пришлось расстаться с капиталистической мечтой. Успех теперь определялся якобы свободным почином. Но это, как выяснилось, было почти уголовное сообщество, жившее по понятиям. Вся инициатива сводилась к привилегии урвать что-то у соседа. С этим трудно было примириться.

Других вариантов обустройства повседневной жизни, по-

мимо социализма и капитализма, никто не знал. А оба потенциальных идеала потерпели крах.

Нельзя сказать, что кого-то одолевала зависть. К богатым испытывали ненависть. Всех приводило в смятение, когда, где и как они это богатство добыли, ничего не оставив взамен. Кто-то, богатея, оставил людям Microsoft или конвейерную систему производства, или прекрасную музыку – это понятно. А этим за что привалило?

Кроме того, пропал стимул к труду. Стоит ли надрываться, если кое-кому всё на свете досталось за так. Катя однажды наблюдала, как интеллигентная старушка, проходя мимо припаркованного Мерседеса, с остервенением колотила морщинистым кулачком по ветровому стеклу. А как-то высокий исхудавший старик, по внешнему виду профессор, застрял у кассы, пересчитывая мелочь. У него не хватало на бутылку молока. Катя добавила ему и сколько-то подкинула другая женщина. Старик был смущен. Зато теперь ему хватало и на молоко, и на хлеб. А однажды Катя шла по тротуару в своей шубке и этим отличалась от скупко одетых пешеходов. Навстречу ей двигалась женщина, широко, по-мужски, размахивая руками, и, проходя мимо Катя, будто бы нечаянно, двинула ее локтем. Неприязнь к богатым иногда оказывалась направленной на честных, но более деловых, умелых или просто более удачливых труженников.

Мир менялся. Сема поведал Тенгизу, как памятник Свердлову сбрасывали с пьедестала. Семе достался осколок

руки, в которой Свердлов держал когда-то портфель, и он подарил его Ниночке. Она была тронута.

42. Друзья в структурах

Место для Тенгиза было обговорено заранее в министерстве, он получил там отдел, у него всегда легко складывались отношения с руководством. Жилье ему выделили довольно быстро. Бондо моментально освоился в квартире, во дворе, а потом и в детском саду.

Сема возглавлял соседний отдел, они распределяли финансирование между нижестоящими организациями. Излишка денег не было и следовало определить, кого власти поддержат, а кому откажут. От них многие зависели. Кроме того, у обоих был льготный доступ к приватизации. Жизнь их была легка, но несколько однообразна.

Сема приватизировал кинотеатр, но он приносил мало прибыли, потому что охотников смотреть фильмы по завышенным ценам почти не было. Приходилось сдавать вестибюль под торговые прилавки и мелкие мастерские. Сёма рассматривал свою покупку, как вложение в будущее.

Следовать примеру Семы Тенгиз не горел желанием, и он вложился в Катю: приобрел комбинат бытового обслуживания на первом этаже огромного жилого дома, радиомастерскую и соседнее кафе. Всё это он привел в божеский вид. Помимо маленькой нищей лаборатории в Институте, у Кати появилось свое солидное подразделение для поисковых исследований. Она нашла необходимое оборудование и рис-

кала по разоренным учреждениям в поисках коллег и могла позволить себе удовольствие зарабатывать гроши, а Тенгиз кормил семью. Больше вкладывать было некуда, но супруги организовали лабораторию и для Юли, которая получила полную независимость и могла проводить свои изыскания в нужном направлении.

Насмотревшись на инициативы Тенгиза, Сема решил привлечь к деловой активности Ниночку. Та быстро вошла в роль хозяйки, возглавила сеть парикмахерских, пивоварню, пекарню и несколько кафетериев, это получалось у неё гораздо лучше, чем занятие наукой и не занимало у нее много времени: она посещала салоны красоты, фитнес центры и деловые приемы, а дела вели нанятые ею специалисты обанкротившейся сферы услуг. Ниночка проявила редкий талант в поиске полезных кадров. Она обнаружила, что тех претендентов, которые рассыпались перед ней в комплиментах нужно сразу же гнать в три шеи. Сема постоянно жаловался Тенгизу, что Ниночка требует от него дальнейшего расширения дела.

Служба Тенгиза приносила достаток, но это противоречило его убеждениям об оптимальном устройстве социума, и он решил поставить очередной эксперимент. Можно было попытаться тихой сапой подобраться к воротилам экономики, политики и блюстителям порядка, выставить их тайны на всеобщее обозрение и посмотреть, что из этого выйдет.

43. Возмездие Сокову

Юля с Катей иногда забегали к Семе, вспомнить былое. Ниночка всегда была с ними приветлива, но темы для разговора предлагала только она. Сейчас ее не было. Но ощущался аромат ее духов.

Юля спросила у Семы, не боится ли он рэкетиров, которые, говорят, ставят утюг на голый живот и отнимают ценности. Но Сема в ответ рассмеялся:

– Нет, рэкетиров я не боюсь. Я этих боюсь, бывших комсомольцев, с их нынешними миллиардами.

– И напрасно не боишься, – со значением сказала Юля. – Мой Деня говорит, что твой торговый бизнес запросто могут отжать.

– Кто это «Деня»? – Попытался уточнить Сема. – И почему это он твой? Опять вляпалась?

– Деня – это телеведущий. И совсем я не вляпалась. Может быть, даже рожу ему сына. Он просит.

– Не бери в голову, Сема, – вставила Катя. – Деня – явление временное. Обычный пузырь.

– Почему это пузырь? – Возразила Юля. – Он очень даже спортивный. Скорее, худощавый.

– Я не имею в виду – жирный, он весь надут собственной значительностью. – Катя надула щеки, сморщила нос и сделала глазки щелочками. – Его узнают на улице, он и пыжит-

ся. Да ну его. Скажи лучше Сема, что ты думаешь о Сокове? Неужели он причастен к гибели Вити?

Не знаю. У нас есть, максимум, беспочвенные подозрения, по принципу – кому выгодно? Но это не все его прегрешения. Вы не забыли, как он подгадил вам при защите дипломов? А воровство вашей идеи? Витя мне всё успел рассказать. Я, во всяком случае, не забыл. Это Тенгиз – чистюля, пустяками заниматься не будет.

– И что ты придумал? Тоже наемного убийцу подыщешь? – Поинтересовалась Юля.

– Ну, уж нет. Это слишком незатейливо. Пусть лучше помучается. – Сема уверенно щелкнул пальцами.

– Не темни, Сема, выкладывай поскорее, – поторопила Катя. – И мы с Юлей не простили. И Тенгиз тоже. Он выживает.

Катя не выдержала и легко подтолкнула Сему рукой в плечо, чтобы расшевелить.

– Я уже принял меры, скоро Соков останется на бобах и без охраны.

– И? – Привстала Юля.

– Мне через третьих лиц удалось выйти на его соучредителей в Силиконовой долине. Теперь они получили сведения, откуда и каким именно способом Соков черпал свои идеи. Эти чистюли очень даже уважают патентную чистоту. А тут еще и подозрения в убийстве. Только подозрения, но им даже и намёка на криминал не нужно. Соков пока еще ни о чем

не знает, но сюрприз не за горами.

– Сема, нет слов! – Всплеснула руками Катя. – Прошу тебя, порадууй Тенгиза!

– Зачем? Он и сам скоро всё узнает. Силиконовые акулы, по моим сведениям, собираются выйти на него. Так что, радуйтесь девочки. С их участием всё у вас пойдет быстрее.

И правда, дельцы из Калифорнии вскоре предложили супругам Пагава союз. Они уже кое-что знали об их успехах и обеспечили финансирование Катиной и даже Юлиной лабораторий. По соглашению, они будут субсидировать дальнейшие исследования, выпуск будущей продукции, и обязались оставить за разработчиками 2 % будущей прибыли. Кате показалось, что американцы их грабят, но Тенгиз посчитал, что это еще по-божески.

44. Проверка системы на вшивость

Для нового эксперимента Тенгизу был бы полезен Деня, новый приятель Юлии.

Поэтому Тенгиз как-то пригласил Деню в ресторан и предложил ему сотрудничество. Он предоставит Дене документальные данные о темных затеях восходящих звезд бизнеса и политики, а Деня вылепит из этого телевизионные сюжеты. Время наступило самое подходящее, эпоха гласности продолжалась, зрителя уже трудно было чем-то удивить и сенсации были в дефиците. Сам Тенгиз в соавторы не набивался, и втолковал Дене, что сюжеты будут посвящены его, Тенгиза, персональным врагам. Такую цель Деня принял и оценил, что Тенгиз не строит из себя Дон Кихота.

Тенгиз был вхож в деловые круги, а для получения телевизионной картинки воспользовался датчиками из Катиного арсенала. Деня был под впечатлением, когда в его руки попал репортаж из самолета, под завязку забитого долларами, которые вывозили за рубеж. По оценкам, там было более миллиарда наличности, и это соответствовало заметной доле госбюджета. О происхождении валюты никто ничего не знал: она оказалась бесхозной. Кто-то, очень лихой, легко отказался от миллиарда, и он ушел в бюджет.

Вскоре после этого Деня получил репортаж об особенностях ваучерной приватизации с документальной записью пе-

реговоров о покупке ваучеров у рядовых работников по бросовой цене, а иногда и за бутылку водки. Вдобавок, хозяином становился директор, назначенный еще в советское время, бывший коммунист.

Были еще документальные съемки детального инструктажа «независимого» судьи перед процессом. Красочно выглядели взятки женщинами легкого поведения, которые получали крупные чиновники. Особенно был впечатлен Деня репортажем о получении заказа на убийство, подоспевшим как раз к выпуску в эфир сообщения о реально совершенном злодействе.

Телевизионные передачи, на удивление, не оказывали никакого впечатления на должностных лиц, так красочно разоблаченных. Никто никаких выводов не делал, подробностей не запрашивал, следствия не открывал, мер не принимал, а герои репортажей были вполне собой довольны. Они теперь были крутыми ребятами, и Тенгиз слышал, как они хвастались в своем кругу, что отныне перед ними будут трепетать, никто не посмеет их и пальцем тронуть. Но, конечно, сразу после передачи обыватели были под впечатлением, бурно обсуждали каждую мелочь и ждали возмездия. Но ждали только очередного разоблачения.

Деня прослыл ведущим комментатором по экономическим вопросам и его приглашали давать профессиональные оценки по громким делам, уже и не имеющим отношения к материалам Тенгиза. Выглядел Деня очень значительным,

объективным, комментировал основательно, пространно и хорошо поставленным голосом, но смысл его речей ускользал. В результате, Юля бросила его, так и не успев родить ребенка.

Тенгиз был удовлетворен опытом с Деней. Система продемонстрировала устойчивость: народ терпел, и верхи уверенно смотрели в будущее. Без реформы судов гласность была совершенно бесполезной. Её лишь использовали для спуска паров: создавали впечатление, что в публичном пространстве идет битва за справедливость, вот-вот наведут порядок. Еще немного, еще чуть-чуть. Наличие свободной прессы далеко не достаточно для борьбы с коррупцией, понял Тенгиз. Ему было понятно, что стоит лишь власти окрепнуть, и эту маленькую свободу вскоре ликвидируют.

Была еще возможность локально влиять на распределение бюджета, и Тенгиз попытался оказывать протекцию преимущественно стоящим дельцам, а не откровенным хапугам. Этот эксперимент мог для него окончиться плачевно. Дело в том, что хапуги, как правило, были прекрасно обеспечены и пронырливы. Потерпев фиаско, они не успокаивались и обращались к высшему руководству. Тенгиз умел отговориться, но нельзя было злоупотреблять терпением. Сама предупреждал его об опасности, но однажды он всё-таки попался. Ему подстроили, нечто вроде «контрольной закупки» наоборот. Очень важному господину, который уже разжился нефтяной скважиной, требовалась приватизации

лесного участка для расширения поместья, а Тенгиз взять откат отказался. Он предпочел энергичного сибиряка, который разводил норок. Публичного скандала не было, его тихо убрали и даже предлагали другую, очень престижную службу, нечто, вроде свадебного генерала. Но Тенгиз решил как-нибудь обойтись.

Этот его опыт показал, что внутри коррупционного конгломерата нельзя образовать честно работающее звено.

45. Подпольная спецслужба Тенгиза

Настало время, когда запасы Тенгиза истощились. И он предложил Кате поучаствовать в улучшении их финансового положения.

– Самое время нам, Катя, попытаться реализовать кое-какие твои старые поделки.

– Ты собираешься, что-либо в серию пустить? Так ведь у нас для этого нет материальной базы, даже если бы мы очень захотели.

– Нет, я тебя истязать не буду. Мы привлечем сторонних участников.

– О чем ты говоришь? Фабрики не работают, редкие мастерские примитивны, умельцы разбежались...

– Я пристрою, Катюша. Нужно выбрать что-то из твоих задумок. Да, впрочем, выкинь из головы, я и сам справлюсь.

Выбрать то, что может иметь спрос, было не очень трудно. Легче всего пустить в серию умные игрушки для детей. Тенгиз составил несколько заявок на получение патентов. Это были старые разработки, и американские союзники не имели к ним отношения. Партнеров он искал за рубежом, где заводы были на ходу. Хорошо пошел электронный чертенок, который умел отслеживать местонахождение ребенка и за ним бежать. Им управлял почти живой блок, вроде украденного когда-то Соковым, с некоторыми усовершенствованиями.

Скорость своей погони чертенок соотносил с возможностями малыша и мог бегать по пересеченной местности. Чертенка легко было переключать, а потом использовать, как ведущего. В этом случае ребенок должен был догонять чертенка, а тот мог подстраивать скорость бега, чтобы не расстраивать его слишком большим своим преимуществом. Тенгиз задумал не продавать патенты, а получать некоторый процент с прибыли. Этого им хватало на быт и на его новый эксперимент.

Дело в том, что в нем пробудились гены Шалвы. Он сформировал частное подразделение по выявлению коммерческих тайн. С кадрами ему помог дядя Резо. Многие его коллеги теперь остались не у дел и охотно переходили в коммерческие структуры. Обычно они занимались охраной, но Тенгиз предлагал бывшим работникам спецслужб намного более увлекательное и близкое их сердцу дело – разведку.

Тенгиз сообразил, как создать инструмент для взаимного влияния успехов истеблишмента и уровня обеспечения их рядовых работников. Для этого нужно было внедриться в среду служащих компании, проанализировать рентабельность, затраты, прибыль, откаты, поставки и разного рода компромат. Важно было выяснить, может ли компания улучшить положение своих служащих за счет сверхприбылей. И если такая возможность была, стоило показать руководству, что дальнейшее игнорирование потребностей работников станет нерентабельным.

В переговорах Тенгиз выступал, как тайная независимая структура, спрятанная в недрах государства. Он никогда не опирался на поддержку рядовых служащих компании: руководство их запугивало, и они, под страхом увольнения, легко отказывались от возможных преференций. Льгот приходилось добиваться помимо их формально выраженного отказа.

Катю он решил в свою опасную активность не посвящать.

Занятие это было дорогостоящее. Оно поглощало весь доход от Катиных патентов. Дело не мог спасти даже Робин-Гудовский энтузиазм его кадров. Поэтому Тенгиз сделал свой промысел самокупаемым. Полученные данные он не публиковал в открытой печати, ведь это ни к чему радикальному привести не могло. При отказе компании купить компромат и улучшить положение своих кадров, он спускал эти данные их конкурентам и таким путем финансировал свой отряд. Деятельность была рискованной и у него была также своя контрразведка. Катя, Юля и Бондо находились под круглосуточной охраной, но об этом не догадывались. Труднее всего было с Бондо. Мальчик он был наблюдательный, быстро вычислял часто мелькавшее лицо и тогда стремился вступить с ним в контакт. Поэтому его охрану нужно было часто менять.

46. А моральны ли вожди?

Катя между тем продолжала совершенствовать своего робота. Для этого даже не было нужно создавать его в металле. Он мог беседовать с экрана компьютера. Робот уже рассуждал на отвлеченные темы, отвечал на вопросы и спорил. Создавалось полное впечатление, что он вполне разумен. В соответствии с принципом Алана Тьюринга, это официально считалось критерием наличия у него сознания. Но Катю такая оценка не устраивала. Дело в том, что можно было загрузить в машину солидный объем примеров разного рода бесед. По человеческим меркам, это было практически бесконечное море информации. Тогда любой вновь возникший вопрос или комментарий машина могла мгновенно сопоставить со сходной ситуацией, записанной в ее памяти и выбрать наиболее подходящий ответ. И со стороны казалось, что она мыслит.

К слову, именно так зачастую и ведут беседу вполне себе живые рядовые собеседники, не мудрствуя лукаво, хотя и не осознают этого, что отнюдь не свидетельствует об активном использовании ума. С другой стороны, это не указывала и на их заведомую глупость. Экономичнее пользоваться старыми запасами знаний, чем всякий раз подыскивать свежие аргументы. Катин робот беседовал, исходя из собственного опыта и текущей ситуации, и она пыталась обеспечить его твор-

ческим потенциалом.

Катя верила, что Тенгиз, наконец, разгадает модель честного общества: решение, наверняка, существует. Сейчас к ним должна была забежать Юля, показать своего жениха. Поэтому Катя сервировала стол на веранде и невольно вспомнила их былые беседы.

– Скажи, Тенгиз, а как же с мечтой об обществе, где невозможно навредить ближнему, если не хочешь получить ответку? Что-нибудь придумал? – С надеждой поинтересовалась она. – Народ ждет от тебя успехов.

– Не гони лошадей. Ответка легко реализуется, но это еще не решение, это частность. Ты собираешься изобрести одушевленного робота, а я – духовное объединение. Окончательного результата еще нет, есть только частные идеи. Больше того, я не уверен, что решение существует. Вдруг этого и не будет никогда...

– Ну почему же, ведь есть некоторые позитивные прототипы. В Сингапуре побеждена коррупция, на Кубе и в Канаде создана доступная для всех медицина, в Швейцарии настолько развили самосознание, что народ на референдумах демонстрирует здравый смысл и отклоняет корысть при решении проблем. Да и у нас, в Союзе, была создана прекрасная система образования, мы-то с тобой это знаем. Наконец, его величество мозг каким-то образом умеет организовать свои нейроны, если не свихнулся.

– Правильные примеры, хотя речь идет о частностях. Важ-

но, чтобы к власти приходил высокоморальный правитель. А это случается редко. Эгоистичные люди, как правило, обладают более сильной волей, напором и, как ни странно – харизмой. Они глубоко уверены в своей исключительности и поэтому излучают оптимизм. Поэтому легче приходят к господству.

– Мрачная у тебя получилась картина, Тенгиз. Но я с тобой давно знакома, добывь немного оптимизма. Есть же выход.

– Выход известен всем, никакая это не тайна. Нужно, всего лишь, обеспечить надежную сменяемость власти, административной и судебной. Надёжную, понимаешь, а не формальную. Для этого недостаточно добровольного волеизъявления народа. Пропаганда может внушить народу, что угодно, любую чушь, если эта пропаганда господствует. Вот если предусмотрено, что независимо от воли правительства, напрямую из бюджета финансируются самостоятельные средства массовой информации, контролировать их будет сложно. Если, скажем, удастся подкупить одного «свободного» журналиста, найдутся другие, которые вытащат факт коррупции на свет божий. И на выборы пойдут с открытыми глазами.

Раздался звонок, и появилась Юля. Она выложила на стол ароматную айву и с удовлетворением отметила, как от знакомого запаха раздулись ноздри Тенгиза.

– Для тебя старалась, – кивнула она ему.

– А где обещанный жених, на улице тебя ждет? Зови его сюда, не съедим – потребовал Тенгиз.

– Нет его, выгнала.

– Темнишь ты что-то, час назад был и уже выгнала?

– Да я представила, что он тут, перед вами, будет умничать, да мускулами своими сверкать, мне как-то неловко стало. Ну и отказала ему от дома.

– Отказала ему от нашего дома?

– От своего отказала, и зачем он тогда нужен здесь? А вы тут, вижу по лицам, проводите нечто вроде домашнего семинара. И что за тема?

– Всё та же, – усмехнулась Катя, – как вынудить эгоистов объединиться ради всеобщего блага.

– А эгоисты наши или зарубежные? – поинтересовалась Юля. – Во Франции чуть, что не так, все вываливают на улицу, а наши молчат в тряпочку. Очень наши осторожны, нам даже друг с другом и то поделиться страшновато.

– В этом и есть суть проблемы. – Согласился Тенгиз. Он расположился в плетеном кресле и с наслаждением водил спелым плодом айвы около носа. – Нашим тоже хочется обсудить назревшую проблему. И не только в близком, но и в широком кругу. Однако, здесь не Франция. Посмотрел бы я на французов, если бы за участие в протесте их бы избивали, выгоняли с работы, а то и посылали бы посидеть куда-нибудь подальше. И пожаловаться некому, ни судье, ни репортёру. Разве что такому же запуганному бедняге, как он сам.

– Ты хочешь сказать, – спросила Юля, – что за кордоном проблема уже решена?

– Ну, этого он сказать, как раз, не хочет, – сказала Катя, и Тенгиз утвердительно кивнул. – Нужно еще, чтобы каждый получал адекватную долю общественного богатства за тот фрагмент, который он вносит своим трудом. Помнишь нашу стратегию во время судилища из-за радиопередач Голоса Америки? В свободном мире тоже много чёрных пятен. И твои коллеги, я так понимаю, пока не готовы объяснить, как живые клетки награждают друг друга за их усилия.

– Точно мы этого, конечно, не знаем, – подтвердила Юля, – но, может быть, клетки не совсем индивидуальные, как на первый взгляд кажется. И живут они вместе, и в муке, и в блаженстве. Для общей благодати.

– Если загвоздка в этом, – вздохнула Катя, – не хотелось бы мне жить в полном довольствии за счёт утраты индивидуальности.

– Напрасно опасаясь, Катюша, – успокоил её Тенгиз. – Можно оставаться личностью и ощущать тревоги и радости других.

47. Примирение с Тиной

Катя получила небольшое письмо от Тины, впервые со времени их отъезда. Она приглашала их всех в гости, погреться на Солнце, окунуться в море, вдохнуть ароматы местных трав. У них, в Грузии, часто вспоминают много хорошего из прошлых лет. Кое-что было даже лучше, чем сейчас. Отношение к русским, по ее словам, значительно смягчилось, и Тина сожалела, что они все разбежались. Добрым словом помянула и Петровича. Письмо было написано по-русски, но содержало множество ошибок, и Катя тут же узнала акцент, с которым школьники писали ее диктанты.

Она вежливо ответила Тине на родном для нее языке и передала привет от внука. Пригласила посетить Москву.

Война и воля

1. Конфуз победы

Серёжа не запомнил день Победы. На первую годовщину, когда ему исполнилось пять, он это глубоко переживал: все знали, какая была радость в прошлом году и как совершенно незнакомые люди бросались обнимать друг друга. А вот Андрюха этот великий праздник отлично помнит, он на четыре месяца и девять дней старше Серёжи. Он уверял, что в этот день детям разрешили не слушаться взрослых. Другие соседские мальчишки, Колян, Сашка и Сева, этого замечательного события не запомнили тоже и завидовали Андрюхе. Потом, когда Яше с отцом разрешили вернуться с Колымы, он рассказал, что и там этот день оказался неожиданно теплым и совсем без ветра. А три года спустя, когда мама возила Серёжу в Москву, показать его бабушке, он спрашивал у московских ровесников, какой праздник в Москве самый главный. По их мнению, такой день – 800-летие Москвы. Также, значит, ничего не запомнили.

У дома, как раз через дорогу, был отбит крайний подъезд, вместо него скучала груда строительного мусора, там разбирали развалины пленные немцы. Они подзывали наблюдающих за ними сорванцов и предлагали всякие блестящие шту-

ки, гильзы, пряжки от ремней, свистульки и кричали «Гитлер – капут». Но те отвечали им выстрелами из рогаток. Алена, которая на равных входила в их компанию, почти никогда не промахивалась, даже с другого тротуара. В ответ немцы стреляли в них из указательного пальца. Все понимали, что пистолетов у них нет, но разбегались, все-таки, немцы. Вот взрослые, те не боялись их совершенно.

Даже детям, было сразу ясно, кто фронтовик, а кто тыловая крыса. Почти все крысы пошли в начальники а бывшие солдаты долго не снимали форму, ходили в ней и летом и зимой. Впрочем, может быть, у них и не было другой одежды. На груди обычно красовались две медали, а то и три. Иногда сверкал даже орден красной звезды. Официальная власть еще не утомляла победителей почетом, тогда молились на старых большевиков, тех осталось мало и это не разоряло казну. А привилегии военных ветеранов были пока за горизонтом. Тогда их посадят в президиумы и увешают наградами. А пока их и не тянуло друг к другу.

Соседка Серёжи по коммуналке пекла на кухне пирожки и торговала ими на улице, а сосед, дядя Вася, заштопал след от ранения на рукаве шинели, продал её и купил гармошку. При холодах он брал старый плащ у Серёжиного отца. Своих детей у дяди Васи не было, он опекал Серёжу, заставляя соседку угощать его пирожками, не позволяя "истязать ребенка ароматом". Дядя Вася жалел, что ничего не привез с войны. Некоторые вернулись с двумя, а другие и с четырьмя че-

моданами. Сосед пояснял, что никто немцев не грабил, роскошные вещи валялись даже на тротуарах. Немцы – такие неряхи – выкидывали их прямо из окон. Но солдатам было совсем не до того, чтобы возиться с барахлом. А стоило бы, очень даже стоило заpastись, вздыхал он. Со стороны он не выглядел контуженным и почти не прихрамывал.

Не всем так повезло, как Серёже с мамой, потому что их папу ранило в Крыму, он до Германии не дошел и быстро оказался дома. Когда папа в рубашке, шрама почти совсем не видно, а руки-ноги у него целые. Он, всего лишь, теперь любит свежий воздух. Пусть себе кашляет, говорит мама, но зато живой, получает пенсию и чертит чертежи в свое удовольствие. У Андрюхи и Алены папы вообще не вернулись. Алене за отца приплачивают, а Андрюхе не дают ничего. Его папа пропал – и всё, без всякой вести. Тётя Вера, мама Андрюхи, думает, что его, как забрали, так он сразу же и погиб, ни одного письма не пришло. Андрюха всегда расписывает, каким он был героем и как сражался на подлодке. Все ему верят, потому что Андрюха, если и приврет, то не нарочно. Теперь тетя Вера зарабатывает не только днем, но, часто, и вечерами, а Андрюха может гулять на улице допоздна. Поэтому он стал самым главным в их дворе.

2. Красные и Алые

Дружбе нужно учиться. Пока ты еще малолетка, ты в центре мироздания. Вселенная и ты. Есть, конечно, и какие-то другие, но они обычно не понимают, что ты – не как все. А потом случается всякое-разное. Или ты за кого-нибудь заступишься, или кто-то тебе пригодится. Иногда вдвоем или втроем оказывается веселее или не так страшно, и, наконец, осознаешь, что твой приятель – это чуточку ты сам.

Во дворе Сережи созрела своя компания, а в соседнем – другая. Дворовые ватаги иногда ссорились, но не враждовали, потому что для некоторых игр, вроде казаков-разбойников или футбола на пустыре, требовалось много участников. А были случаи, когда один из дворов устраивали какую-нибудь хитрую каверзу. Распускали, например, слухи, что в местный военторг завезли импортные гимнастерки. В округе поднималась суета, почти что паника, у закрытой двери военторга собирались толпы и переругивались с продавщицей, которая клялась, что полки в магазине пустые. Друзья тогда с интересом, наблюдали за развитием событий со стороны, и помогали, если требовалось, рассказывали всем, как разгружали грузовик.

В соседнем дворе так повелось, что командовал Гера, а все остальные его слушались. Их даже по именам никто не знал: Рыжий, Фитиль, Лысый, Бочка, Жадюга и Клоп. Каж-

дый из них был похож на свою кличку, кроме Жадюги, этот был добрый, как родственник.

Когда Серёжа и его друзья хотели наметить совместную операцию, приходилось договариваться с Герой, как он скажет, так и будет. Им такой их порядок не слишком нравился, у них никто не числился главным. Кто забаву придумает, тот на этот раз и будет Главным.

Свое решение они утверждали выкриками, самая громкая идея побеждала. Это они так придумали, голосовать голосом. Каждый, конечно, старался голосовать погромче, кроме Яши, который обычно кивал или отрицательно покачивал головой. Поэтому его мнение, так получалось, не учитывалось и ему это честно объясняли. Яша всё понимал и молча кивал, что понимает. Всего их было семеро, если считать Алёну, столько же, как у Геры. Алёна не прикидывалась мальчиком, волосы носила ниже плеч, на голове бант и не говорила гадких слов, но была смелая и умная, как волчица. Даже Гера сказал, что она – настоящая мужчина.

Алёна первая предложила, что называться они будут Красные, как армия. Что такое Красные, понимали все, не только знакомые, но даже и совсем посторонние. Гера не отставал и говорил, что они Алые, как паруса.

Об алых парусах тогда мало кто слышал. Как узнал об этом Гера – неизвестно, а на недоуменные вопросы он отвечал, что так называли на фронте самых смелых разведчиков, которые врывались на вражескую территорию, как на пару-

сах, и оставляли после себя реки алой неприятельской крови. Но Яша, который всё на свете читал, сообщил, что есть знаменитая история про нищую тетеньку, которой никто не нравился, ни красавцы, ни умницы, ни силачи. Соглашалась она полюбить лишь принца, который приплывет за ней на яхте с алыми парусами, даже если этот принц будет уродом, дурачком или, хуже того, слабаком. Алена тогда объяснила, что девчонки все такие, поэтому она и дружит только с ребятами.

Алые, и Красные жили в сходных условиях, те и другие изучали мир, хотя никто из них не ставил такой задачи. Алые подчинялись единой воле, были дисциплинированы, а их каверзы лучше продуманы. Особенно интересную забаву придумал Гера. Поздним вечером, когда стемнеет, кто-нибудь, захватив фонарик, залезал на крышу самого высокого в городе четырехэтажного дома. Если фонарик быстро включать и выключать, это походило на морзянку. Через полчаса, а иногда и раньше, приезжала милиция и оцепляла весь квартал. Но друзья бдительно наблюдали и вовремя предупреждали сигнальщика. Иногда компетентные органы устраивали засаду, но тогда ни Красные, ни Алые на крышу не забирались. Конечно, никто из них азбуку Морзе не знал. А когда Яша эту азбуку разыскал, всё оказалось слишком сложным. Мигая фонариком, легко передать некоторые буквы, например «а», «и», «е» или «т», но переслать что-либо интересное ни у кого не получалось. Да это было и не нужно. В милиции

наверняка думали, что враг передает сообщение шифром.

Красные, зато, ярче разнообразили свои задумки и меняли планы по ходу игры, когда кому-нибудь приходила на ум свежая мысль. Однажды они устроили переполох на стихийной толкучке, недалеко от их дома. Там продавали друг другу всякую мелочевку, а уличные циркачи время от времени развлекали народ с помощью клоуна, фокусника и ручного медведя. Медведь обычно сидел в клетке и его выпускали только во время представления. Красные подкараулили, когда циркачи обедали и вытащили из медвежьей клетки задвижку. Зверь выбрался наружу, но дальше пары шагов ступить не мог, мешала цепь, закрепленная внутри. Вначале поднялась паника, но потом стало понятно, что зверь арестован и все несколько успокоились. Тогда Алена подговорила друзей разойтись по рынку и выкрикивать, что мишка порвал цепь. Это вновь вызвало суматоху и даже тот, кто был вблизи от клетки и своими глазами видел, что мишка всё ещё арестован, на всякий случай бросился бежать.

3. Расхождение показаний

Для мальчишек уже через несколько лет прошедшая война окрасилась туманом преданий. Ведь война – это самое жуткое, что может случиться со страной и ее трудно описать без легенд. Они знали, что на войне сражались герои против негодяев, их учили гордиться храбрецами, тем более, что многие из них жили рядом. Поэтому имелась возможность разведать истину из первых рук. Очевидцы подвигами своими не хвастали, каждый запомнил что-то свое. Иногда не верилось, что они говорили об одной и той же войне.

Папа Серёжи подробности своих военных приключений не описывал никогда и уговаривал сына быть разумнее и не играть в войну. Потому что, на самом деле, там не было ничего особенно увлекательного: случалось, стреляешь в одну сторону, а немцы с другого боку. Иногда казалось, что враги сразу со всех сторон, сослуживцы в полном составе погибли, ты один живой и чувствуешь себя виноватым. Как же так? Считалось, что ты должен быть готов немедленно, не раздумывая, отдать жизнь, если потребуется. Но ты ведь пешка, от тебя не зависит ровно ничего, а из-за пустяка идти на смерть обидно.

– Ну, это я сейчас говорю, что умирать без всякой пользы обидно. Не просто обидно. На самом деле, нет страшнее ужаса, чем ожидание смерти. В груди возникает боль, тело пере-

стает подчиняться, ты начинаешь дрожать и несколько минут не можешь прекратить этот позор. От страха люди дрожат буквально, а не в переносном смысле.

– И другие солдаты тоже дрожали? – недоверчиво спросил Сережа.

– Новобранцы – все. Потом ты постепенно привыкаешь, если не убьют сразу, а главное – учишься выживать. Поэтому бывшие служаки редко общаются друг с другом. О чем можно вспомнить с товарищем по несчастью, свидетелем общего позора? О том, как вы когда-то теряли человеческий облик? И что? Пустить скупую мужскую слезу?

– А мы как раз проходили, что в древние времена бойцы поминали минувшие дни и битвы где вместе рубились они. Пушкин это выдумал?

– Помолчал бы, двоечник, это Лермонтов и ничего он тут не присочинил. Это были бойцы действующей дружины и беседовали они в перерывах между боями. А мы с тобой обсуждаем отставников. Они живут уже другой жизнью.

– А если встречаются фронтовые друзья?

– Фронтальная дружба, сынок, это, считай, выдумка. Я своих сослуживцев даже и не помню. С кем я мог там подружиться? То одного ранят, то другого, то тебя самого, а после госпиталя твоя рота уже куда-то переместилась. Попадаешь в другую часть, а там ни одного знакомого нет.

У Серёжи друзей было полно, он понимал, что ему на фронте было бы веселее. А эту жуткую правду о славной

войне Серёжа даже не решился обсуждать ни с кем из товарищей, да и сам постарался забыть ее поскорей. Тем более, другие ничего подобного не упоминали.

Дед Коляна тогда партизанил, и никак не мог смириться с тем, что с фашистами было проще разобраться, чем с нашим мирным населением, в основном, с бабами. С немцем всё ясно, тот враг. А эти, вроде бы, свои, да не совсем.

– Люди так устроены, – поучал дед, – что они служат своему начальству. Пустит баба в свой дом партизан, накормит, постелит соломы в сарае – а для власти это уже измена. Мы сегодня здесь, завтра там, а новое начальство всегда рядом. Поэтому при первой же okazji она побежит докладывать политикам и хорошо, если такая возможность у нее появится, когда мы уже уйдем, а то, глядишь, поспешит и ночью, или сынка своего пошлет. Кто её осудит? Вот и отдыхали мы не все сразу, кто-то обязательно караулил. Я тогда разучился людям доверять. Человек служит силе, где сила, там ему и правда. Ради тебя он на риск не пойдет, он и ради себя еще подумает.

Коляну и его друзьям трудно было принять такую постыдную логику, они-то уже рисковали не раз, и готовы были играть с опасностью и дальше.

Некоторые сведения удалось выудить у своего отца Гере. Служба у отца была опасная и увлекательная, в войсковой разведке. Иногда несколько суток уходило, чтобы установить огневые позиции пулеметов, расположение вражеской бата-

реи или командного пункта. И всё это время ты на холоде или, если дело происходило летом, в жаре и в пыли. Когда удавалось захватить офицера, его нужно было во что бы то ни стало дотащить до своих живым и поэтому никому не позволяли двинуть фрицу по роже. Гера, поневоле, чувствовал свою причастность к подвигам отца и ощущал себя самого тоже немного героем.

Кое-что сообщила мама Жадюги, тетя Катя. Прежде он жил с бабушкой, потому что отца у него никогда не было, а тётя Катя служила снайпершей, и он познакомился с матерью только после войны. Гера однажды организовал встречу с тетей Катей в закутке подвала. Алые и Красные еле туда поместились, однако, ничего интересного они не узнали. Только о том, как она сидела в засаде, шевелиться нельзя, покушать нельзя, голодная, глаза пересохли. И еще хорошо, если кого-нибудь подстрелишь, а то намучаешься и уйдешь ни с чем. Потом никак не могла отоспаться. Вокруг мужики, все, как один, противные. И опять одна со своей винтовкой. Даже меткая Алена посчитала, что это очень скучное занятие, и она бы подстрелила куда больше врагов в открытом бою.

А вот у Серёжиного соседа дяди Васи о войне остались не только страшные, но и приятные впечатления. Работа у него сейчас была скучная, он сторожил какой-то склад, всю смену один, не с кем словом перекинуться. Слегка выпив, а помногу он себе не позволял, дядя Вася любил, захватив гармошку, устроиться в тупичке двора, и, наигрывая что-то,

погрузиться в воспоминания. Ни Красные, ни Алые старались не пропустить такой случай.

– Когда у тебя в руках винтовка, ты совсем другой человек, – вразумлял он. – Все тебя уважают, даже старшина. Никаких нарядов вне очереди – обозлишь солдата, а он, глядишь, во время атаки своего старшину и оприходует, кто будет докапываться? – Он оперся на гармошку, закурил папиросу и продолжил. – А на вражеской территории ты вообще царь и бог. Полиции нет, власть попряталась, ты хозяин – делай, что хочешь. Любая шваль на улице, мужик ли, баба ли – пыль перед тобой. Добра там имелось – не сосчитать. Фашисты, а вкусно жили. Да я, дурак, этим тогда не больно интересовался.

– Скажи, дядя Вася, а обычные немцы, старики да бабы, они считаются врагами? – поинтересовался Андрюха. – И пацины тоже?

– А кто они, друзья, что ли, – хмыкнул дядя Вася. – Самы они себя нашими врагами назначили, не мы. Каждый старался прошмыгнуть мимо, тихо так, незаметно, будто его тут и нет совсем. Бывало, заглянешь в дом, воды напиться, а немочка жалостливо так улыбается, а сама от страха трясётся. Суёт тебе в руки шмат сала, хлеб, какие-то консервы и ждёт, пока ты с полными руками уберешься, наконец.

Дядя Вася мечтательно вздохнул, растянул меха гармошки и она выдала задиристую мелодию «Интернационала».

– Жаль, что сейчас мир, – огорчился Гера. – Не повезло

нам. Война – это такое волшебное приключение.

– Ну, не скажи, Герасим, – возразил дядя Вася.

– И совсем я не Герасим, а Геннадий. – Перебил его Гера.

– Ну, Геннадий, так Геннадий. – Согласился дядя Вася. –

Война-то, Гена, не прогулка. У отца бы узнал, как он там руку потерял. Если тебе в бою подфартит и останешься жив, упаси бог пораниться. В санчасти перевяжут кое-как, наспех, и шагай, воюй дальше. А потом повязка прилипнет, и ты с ней, твердой и грязной замучаешься. Под бинтами обязательно вши заведутся, попробуй тогда их оттуда выковырять. С ума сойдешь от зуда. Сухой паёк уже в горло не лезет, и вы еще не пробовали спать на мерзлой земле, под ветром. Нет, сам ты там никто, – заключил он – а стоимость тебе – копейка.

– Не пойму, дядя Вася, – удивилась Алёна, – тебе на фронте оружия, что ли, не давали?

– Как это, на фронте и без оружия?

– Так ведь если у тебя в руках винтовка, все тебя уважают, даже старшина. Почему тогда был ты там никто, и стоил копейку?

– Вот оно что! Ты это правильно заметила, Алёнка. Там каждый стоит копейку, по сравнению с победой. Кроме, конечно, майора. У того охрана, вместо воды водку пьет и другие удовольствия имеет. Однако, снаряд, он летит, как попало, бывало, попадало и в майора.

4. Без опеки взрослых

Вся дворовая братия давно поняла, что дома и во дворе установлены разные законы. В семье ты свой и твое слово что-то значит, а на улице все разные. Красные учились существовать, как равные среди разных, каждый жил своей отдельной жизнью, не мешал остальным и даже готов был помочь, если было нужно. Во всяком случае, они пытались. А у Алых был свой интерес, вместе они чувствовали себя сильными и никого не боялись, тем более, Красных.

Взрослые трудились от зари до зари, за опоздание на работу отдавали тогда под суд. Однажды родственник Коляна так боялся пропустить отходящий автобус, что добежал до дверей и там, около водителя, умер. Поэтому родителям на детей не хватало времени, да и отцы были не у каждого, а у некоторых не было даже и матери. Например, Колян жил у деда, у Севы были и отец, и мать, но приемные и добрые, как родные. Настоящая мама была бы, конечно, лучше, но Сева помнил её плохо. Она посадила его с младшим братом на скамейке, у железнодорожной станции, оставила им огромный пакет семечек и сказала, чтобы никуда не отходили, ждали, она скоро вернется. Они грызли семечки и ждали всю ночь, только один раз не выдержали и сбегали в привокзальную уборную, но быстро вернулись. А утром их отвезли в детский дом. Через некоторое время Сева понравился но-

вым родителям и его забрали, а брата Сева разыщет потом, когда вырастет. Яша жил с отцом, старым врачом, который больше был похож на дедушку, а их маму схватили немцы. Кроме того, в отдельной квартире, жил Сашка, самый богатый из всех, его отец был полковником, а мать нигде не работала. Вместе со всеми часто играли также несколько малышей, первоклашек, они бегали наперегонки за далеко укатившимся мячом.

Посередине их двора была здоровенная воронка, уже поросшая бурьяном. Когда-то там находилось бомбоубежище, как раз туда бомба и угодила, снесла крышу. Войны пока нет, и никому оно всё равно не нужно. Поэтому Красные покамест организовали там штаб, нашеубежище, так они его называли, их тайное место. Когда их следовало найти, все, конечно, знали, где они на самом деле, но бурьян был буйный, сверху их не увидишь. Штаб построили из старых досок, фанеры и веток, организовали там дежурства и в тайне от всех планировали новые затеи. У Геры тоже был штаб в подвале его дома. Там обнаружилось пустующее помещение, оно еще и на замок запиралось, так что Алые обходились без дежурств.

Детство обычно вспоминают, как счастливое время. Обязанностей – никаких, живешь на всем готовом, и тебя обожают просто за то, что ты родился. Но дети все-таки мечтают быстрее повзрослеть, потому что тяжело жить в неволе, в детском рабстве, кто старше, тот и главнее. Когда тобой не

командуют, ты всё решаешь сам. Никто не заставляет, ты и так знаешь, что нужно, а что не следует. Поэтому дети всегда играют во взрослых.

Самое главное было воспитать в себе решительность и храбрость. Пару лет назад и Красные, и Алые это демонстрировали, перебегая дорогу перед идущим автомобилем. Чем ближе подпустишь машину, тем похвальнее. Никто из них не понимал опасности этой забавы, но её хорошо осознавали водители. Чаще всего, они чертыхались, резко тормозили и, громко ругаясь, ехали дальше, но иногда останавливались и тогда все прятались в ближайšie закутки. Теперь они поняли глупость этой затеи, и бросили свои лихие подвиги, так и не успев причинить ущерб своему здоровью. Хорошо, что машины тогда двигались со скоростью вдвое меньшей, чем сейчас.

Но так им везло далеко не всегда. В то время легко было найти боевые патроны и некоторые остались без пальцев, Фитиль даже лишился трех. Потом они научились делать взрывчатку самостоятельно, и Андрюха даже потерял глаз, когда пытался разбить заряд, приготовленный из спичечных головок между двух булыжников. В момент этого миниатюрного взрыва мимо проходил незнакомый гражданин, и посоветовал быть осторожнее, чтобы не остаться без глаза. Андрюха, еще не осознавая всей трагедии, дерзко возразил, что совет его опоздал, и глаз он уже выбил. А потом, когда стало ясно, какое несчастье случилось на самом деле, вся ва-

тага побежала в приемную военного госпиталя, расположенного на смежной улице. Их там поругали, но Андриюху приняли, Впрочем, глаз всё равно не спасли. Андриюха утешал себя тем, что потерял левый, потому что для меткой стрельбы нужен как раз правый глаз.

Увлекательным развлечением было ещё подкладывать патроны от мелкокалиберной винтовки, которые Колян таскал у деда, под маневренный паровоз. Перемещая вагоны с места на место, паровоз медленно наезжал на заряд, и под колесом раздавался небольшой взрыв. Огромное колесо вздрагивало, а иногда даже чуть подпрыгивало. Если это устраивали в сумерках, возникали искры. Было это совершенно безопасно, они много раз проверили. Тем не менее, машинист, услышав под собой резкий хлопок, обычно громко ругался, а как-то один из них не выдержал, остановился на путях, выскочил из кабины, догнал Сашку и заставил показать, где он живет. Его мать потом долго не разрешала ему играть в дурной компании. Поэтому друзья Сашку предупреждали, когда из-за угла показывалась её шубка. В память об этом событии, Сашка хранил дома целую коллекцию тонких металлических пластинок, в которые превращались гильзы после наезда массивного колеса. И это не потому, что он особенно любил совершать эти маленькие диверсии. Напротив, после того, как попался, Сашка предпочитал подкладывать под поезд обычные гвозди, потому что он очень обещал маме. Гвозди тоже расплющивались, но совсем не искрились, даже и в темноте. А

друзья отдавали ему свои собственные трофеи, он ведь один пострадал за всех.

5. Игрушечная победа

Красные в своем штабе часто обсуждали, как было бы здорово, если бы всюду распоряжались не взрослые, а они сами. Тогда можно было бы устроить такие порядки, которые придумают они сами, а не те, которые кто-то изобрел до них.

– Мы бы тогда не стали притеснять старших по пустякам. – Великодушно заявила Алена.

– Точно, – сразу согласился Серёжа, – пусть они ложатся спать, когда сами надумают.

– А на улице гуляют вволю и едят, когда сами захотят. – Подхватил Сашка.

– И еще разрешим на работу ходить, когда пожелают, а не каждый день. – Придумал Сева.

– Глупости всё это, – возразил Андрюха, – мы хотим быть, как взрослые, а рассуждаем, как обиженные дети. Порядки уже существуют и никому не разрешают их менять. И это хорошо. А то какой-нибудь дурак установит такие обычаи, что наплачешься. Поэтому, если бы мы и завоевали такое право, нужно хорошенько подумать. Мне пока ничего интересного в голову не приходит. Я, правда, особенно и не старался, чего тратить мысли без толку.

– Вот если бы мы стали победителями, как солдаты во время войны, – вспомнил Колян, – тогда бы навели свои порядки на завоеванной территории. Победитель никому не под-

чиняется, наоборот, его самого все боятся.

– Это точно. – Поддержал его Андрюха. – Но вначале нужно попробовать, каково это быть победителем. Нам нужна тренировка, тогда мы сможем что-нибудь сообразить.

Для начала они решили пойти по самому простому пути: кто бы им что ни сказал, родители, учителя или прохожие, они станут делать наоборот. Однако, у всех выходила какая-то ерунда. Алену мать перестала выпускать во двор. Сашка узнал, что у него, оказывается, начался переходный возраст, а Колян получил от деда подзатыльник. Серёже мама без конца измеряла температуру, у Андрюхи тетя Вера отняла самокат, который он сам же и смастерил из двух подшипников и доски, а Севе стали всё разрешать, что бы он ни захотел, и ему даже надоело капризничать наоборот. Но тяжелее всего пришлось Яше. Старый врач и до этого никогда не командовал дома: Яша охотно учился, играл на пианино, читал, убирал за собой, во время ложился спать. А когда он вдруг заявил, что больше музыкой заниматься не будет, отец сразу согласился, потому что это должно быть делом добровольным. Но ведь Яша музыку любил, и бросать ее не хотел...

Особенно неудачно вышло, когда они попробовали не слушаться в школе. Когда Красные попробовали дерзить на уроке, другим ученикам так это понравилось, что они быстро подстроились и начали грубить хором. Случился скандал, и учительница так плакала, что им самим стало стыдно. При-

шлось объяснять ей, что это была шутка, а на самом деле они очень даже её боятся. Хорошо еще, что догадались не взять в игру малышню, эти бы натворили, черт знает что.

Тогда Красные придумали врываться в магазин, брать самую большую плитку шоколада, смело вертеть этой плиткой под носом у продавщицы и решительно направляться к выходу. Прятать добычу никто из них не собирался, они ведь не воришки. Но злая тётка хватала нападавшего за рубашку, звала на помощь и возмущалась мужскими словами. Потом дед Коляна им объяснил, что это хуже воровства, и называется это грабеж. Обычное дело, всё самое интересное обязательно назовут каким-то гадким словом.

Положение обсудили на совете, в штабе, и поняли, что взрослые ничего не знают про их игру и ничуть не понимают, что будто бы, их покорили. Этим то и отличалась игрушечная победа от настоящей: милиция ведь на самом деле не разбежалась и не перестала охранять территорию врага, а местное население «завоевателей» и не думало бояться. Поэтому они придумали разделить на группы и разыгрывать сражение друг с другом, чтобы определить, кто победил, но и это у них получалось неважно. Не будет же Алёна по-настоящему лупить Севу, а Серёжа – колотить Яшу. А как без этого выявить победителя? Поэтому пришлось устанавливать очередь, то одних назначали победителем, то других.

И всё равно почувствовать себя победителем не получалось, потому что своих обижать обидно, даже если их, буд-

то бы, завоевали. Заставит, скажем, Колян Алену стоять по стойке смирно, а потом увидит, как она переминается с ноги на ногу – и скажет «вольно». Однажды Андрюха, чтобы проявить силу духа, дал Коляну щелбан, чтобы он помнил, что на этот раз он в плену, а потом, когда пришла очередь Коляна командовать, тот положил Андрюху на тротуар и поставил ногу ему на живот. Прохожие в тот раз обругали Красных хулиганьем. Красные посоветовались и поняли, что всё это и вправду похоже на хулиганство, а не на игру.

– Думаю, забава у нас какая-то паршивая. – Поделился своими сомнениями Яша. – Мы же на самом деле друзья, а не враги. Всё у нас чересчур понарошку.

– Нужно сражаться с тем, кто хотя бы чуть-чуть похож на чужого. Жаль, что настоящих врагов здесь нет, – вздохнул Серёжа.

– Как же нет! – воскликнула Алена. – Мы можем позвать на бой Алых. Мы с ними, хоть, и не настоящие враги, но и не совсем приятели. Даже на фронте врага называют неприятелем, вы что, забыли?

Эта идея нашла понимание, и Красные дружно прокричали одобрение. На переговоры с Герой вызвалась отправиться Алёна. Она не сомневалась, что Гера затею поддержит, и напомнила, как он завидовал военным приключениям дяди Васи. Для начала, они наметили правила игры для их обсуждения с Алыми, чтобы геройство приветствовалось, но без хулиганства. Они ведь люди, а не звери. И Алёна ушла на

задание.

6. Вызов

В соседний двор Алёна нырнула через подворотню и сразу же, за пожарным краном, разглядела Фитиля. Он кого-то высматривал в окне комнаты на первом этаже. Он был в тени, но глаза при этом прикрывал козырьком ладони, как будто надеялся, что так будет не заметно, чем он занимается.

– Эй, Фитиль, – окликнула его Алёна, – за кем приглядываешь, нашел там что-то секретное? Далеко ли Гера, дело есть.

– А зачем он тебе понадобился?

– Тайна это, тебе знать не положено.

– Ну, если тайна, пойду, поищу. – Покорно согласился Фитиль и скрылся за деревянным сараем.

Вскоре он выглянул и поманил Алёну за собой. Гера играл с Лысым в пристеночки. Алёна показала Гере пальцем, что вопрос серьезный и тот отослал своих подручных взмахом руки. Не ожидая приглашения, Алёна опустилась на придвинутый к стене деревянный ящик с таким видом, будто усаживалась на трон, и молча уставилась на Геру. Тот тоже выдержал паузу и снисходительно поинтересовался:

– Колись, давай, с чем пожаловала?

– Хотим обсудить одну проблему, нашу и вашу. Жизнь у нас какая-то обидная. Для больших мы обычные недоумки. Сделай то, принеси это, туда не ходи. Всегда одно и то же, Ну,

ты и сам знаешь не хуже меня. Особенно досадно, что нас, ведь, они всегда будут считать никудышными, даже потом, когда вырастем.

– Ну, я тебе сочувствую, а ты – мне. Или есть какие-то предложения?

– Мы думаем, что всё это из-за того, что нам всё досталось задаром, просто так. Живем на всём готовом. А главное, что мы не знаем, как это здорово, сражаться и побеждать. Стоит попробовать поиграть в войну двумя командами, чтобы хватило народу. Если захочешь. Это бы нам очень пригодилось в жизни.

– Мы и сами об этом думаем, – сразу же согласился Гера, – только нужно договориться о правилах, а то потом каждый будет думать, что победил именно он. Как решим, Алые будут бороться с Красными или делим противников по жребью?

– Конечно, наши на ваших, кому охота потом вылавливать шпионов. А так все силы бросим на борьбу.

– Предлагаю, чтобы игра не заканчивалась сразу после победы. Победители могут потом распоряжаться, как хотят. Проиграл войну – расплачивайся.

– Это справедливо. Для чего обычно воюют, чтобы отведать плоды победы. Но убивать проигравших не будем? – интеллигентно улыбнулась Алёна.

– Пока воздержимся, – оценил иронию Гера. – Но победители пусть распоряжаются, пока им не надоест.

– Так не интересно. А если мы захотим сыграть во второй раз, или в третий?

– Ну, хорошо, тогда пусть игра заканчивается через неделю после победы.

– Было бы здорово, – как бы согласилась Алёна, – но у нас не получится. К вечеру нужно будет вернуться домой, если мы не хотим, чтобы вас или нас разыскивала милиция. А что будет являться признаком победы?

– Попал в плен, значит проиграл. А что ещё, договорились же на тот свет друг другу не отправлять.

– Согласны. Предлагаем еще рогатки не использовать. С рогатками вы сразу проиграете. Мы с Андрюхой воробья на лету сбиваем, а твои и в кошку попасть не могут, ты же знаешь. – Алёна даже задрала нос, пораженная собственным великодушием.

– Примем к сведению. – Важно заметил Гера. – И еще, каждый может использовать свое секретное оружие.

– Но не такое, чтобы поранить. Не забудь, что Андрюхе нельзя потерять второй глаз.

– Договорились. Завтра с утра и начинаем.

– Хорошо, но мне нужно еще со своими обсудить, это тебе согласовывать ничего не нужно. Когда мы решим, ты сразу услышишь.

– Заметано, только вы там погромче голосуйте.

Алена скользнула в подворотню, добежала до нашеубежища, спрыгнула и вошла в штаб. Там все сгрудились вокруг

Яши и слушали историю про Робинзона Крузо. Он как раз выгрузил вещи с тонущего корабля и разводил костер на берегу. Алёне сразу стало обидно, она пропустила самое интересное, потому что кораблекрушение уже произошло. Жди теперь, пока Яша согласится еще раз начать сначала...

– Ну что? – прервал свое повествование Яша. – Играем?

– Нормально, почти всё, как мы и задумали.

Алёна познакомила друзей с деталями. Отказываться от рогаток никто не хотел и Алёну осудили за излишнее благородство, но возражать уже не имело смысла, и они, чтобы услышал Гера, во весь голос дали свое согласие.

7. Побеждают более суровые

Рано утром Яша забежал к Серёже и предупредил, что ему как раз выпало разучивать фуги Баха на инструменте у знакомых, но он обещал не задерживаться. Час-полтора – не больше, и он будет в штабе. В штабе решили, пока нет Яши, провести без него разведку, а уже потом, все вместе, начнут генеральное сражение.

Недруга долго искать не пришлось, он был занят военной подготовкой. Алые маршировали около грузовика студебеккера, который чудом сохранился от военной помощи, которую дали когда-то американцы. Грузовик приткнулся как раз у входа в подвал, где находился штаб Алых. Они припадали на колени, вскакивали и делали выпад вперед. Все они были хорошо вооружены. Вместо безобидных деревянных мечей каждый держал в руках биты от городков. За поясом торчало что-то, напоминающее взрывпакеты. Угрожающе выдвинув вверх свое оружие, они медленно двинулись по направлению к пришельцам.

– Биты – это слишком, – крикнула им Алёна издали, – вы бы еще железными прутьями вооружились.

– Имеем право, они же деревянные, как и ваши палки. Готовьтесь к бою.

Красные не предполагали, что сунутся в бой, почувствовали себя почти безоружными и отступили за студебеккер, а

соперники обошли грузовик с другой стороны и двинулись вперед, притесняя Красных к стене дома и входу в подвал. Тут их ожидал сюрприз: дымовая завеса из полупритушенной киноплёнки. Казалось бы, ничего страшного, всем известная забава, но дым повалил сразу из нескольких мест. Красные зашлись в кашле, а противник достал заранее приготовленные картонные маски. Правда, это им мало помогло, и они закашляли тоже.

С трудом, задыхаясь, Красные выбежали из гари на свежий воздух и, кто куда, отступили на свою территорию и собрались в штабе. Первое сражение они начисто проиграли, но, хуже того, оказалось, что куда-то исчезли Сева и Алёна. Срочно обшарили все укромные места, но безрезультатно. Похоже, их захватили в плен. И в самом деле, ближе к обеду у штаба появился Гера с белым флагом, который он смастерил из пеленки младшей сестры.

– Привет, вражины. Трёх мы уже захватили, сдавайтесь. До вечера будете в плену, потом вас отпустим, и завтра начнем новую игру. А если не согласитесь, вашим дружкам не поздоровится. А то, может, попытаетесь их освободить? Ха-ха!

– Ты, Гера, вначале считать научись хотя бы до трех, – ехидно заметил Андрюха, – у нас пропало двое, Сева и Алёна.

– А где Яша ваш, драгоценный? Собирался сбежать, срочные дела у него, будто бы. Но от Бочки не убежишь, теперь

сидит у нас, как миленький. Когда вы появились, он уже был под арестом. Ваша Алёна, как увидела его, вначале даже обрадовалась и потребовала, чтобы он заново рассказал ей о каком-то кораблекрушении. Не поняла, дурочка, своего положения. Но мы ей быстро всё разъяснили. Теперь пощады просит.

Все молчали. Что-то Гера, конечно, привирает. Яша действительно в штаб пока не заявился, а уже должен бы, но чтобы Алёна просила пощады – в это никто не поверил. Но Гера, оказывается, сказал ещё не всё.

– Есть предложение: меняем одного на одного, по-честному. Вы отдаете нам Жадюгу, а себе забираете любого, кого сами захотите. Где это вы его прячете? – Гера попытался заглянуть в полусумрак штаба.

Серёжа уже хотел признаться, что Жадюги у них нет, но Андрюха его опередил и дал понять Гере, что они как раз сейчас обсуждают, кого именно менять на Жадюгу. А теперь новый поворот, они ведь не знали о Яше. Нужно всё обдумать и проголосовать. И Гера ушел.

Все понимали, что подготовились они плохо, позволили втянуть себя в ненужную стычку, секретного оружия не припасли, даже самопалы не захватили, оставили зачем-то для следующей игры. А Сева, например, умел добывать сероводород, жутко вонючий газ. Он мог обойтись без тухлых яиц, стоило только смешать серу и огрызок от старой свечки. Всё бы пошло по-другому. А теперь нужно поскорее освободить

Алену и ребят. Пленникам там, наверняка, не сладко, Гера угрожал не зря. Сейчас Красных четверо против шести. Что случилось после дымовой атаки? Где, интересно, Жадюга? Найти бы его и перетащить на свою сторону, но как? Решили пока разойтись по домам, пообедать, подумать, а потом снова собраться в штабе. Времени нет совсем, домой – и обратно.

Коляна кормил дед, а Сашку – мать, они их задерживать не станут. У Андрюхи и Серёжи днем все были на работе, и они разогревали еду сами, но когда Серёжа пришел, то электроплитка была занята, соседка жарила пирожки. Поэтому он сел за стол и начал есть оставленные матерью холодные гренки. Механически пережевывая пищу, Серёжа напярк брови, потом изо всех сил нахмурил лоб, но все мысли куда-то разбежались.

На стук во входную дверь, Серёжа и внимания не обратил, потому что никого не ждал, а зря. Дверь открыла соседка и впустила двух, как ей показалось, Серёжиных друзей, вполне безобидных пацанов. Это были Рыжий и Бочка, они вежливо поздоровались и напрямик прошли в комнату. Рыжий брызнул в лицо Серёже холодной водой, которая пахла уксусом, и у того сразу же защипало глаза. Потом, угрожая дубинками, связали руки и вывели из комнаты – не мог же он звать на помощь соседку! Так они доставили его в свой штаб.

8. Вкус победы

Алые толпились на лестнице, ведущей в их подвал, в коридоре и в прихожей, все, кроме Жадюги. В самом штабе, в закутке уже были все Красные, кроме Алены и Андрюхи. Руки и ноги у Красных были опутаны веревками, Серёже ноги тоже связали, едва он переступил порог. Алые держались важно и неторопливо, как начальники. У Геры глаз был заплывший и выбит зуб. Наверное, Андрюха постарался, на него похоже. Однако настроение у Геры было отличное, он весело напевал, что броня у них крепка, а танки быстры. Потом Алые вышли из каземата и, судя по лязгу, закрыли дверь на висячий замок.

Красные остались одни. Серёжа спросил, где Алёна и узнал, что её куда-то увели, сказали, что накажут, потому что она огрызалась и грозила с каждым из Алых посчитаться потом. Ты в плену, орали они, имей уважение к победителям!

– А что она им предъявляла? – поинтересовался Серёжа.

– Гера, гад такой, запретил развязывать нам руки, чтобы можно было сходить на ведро. Ржал и говорил, чтобы мы писали в штаны.

– Ну, с Алёной так нельзя, – понял Серёжа. – А тебя, Сашка, почему захватили, мать как раз за покупками ушла?

– Да нет, мама была, – вздохнул Сашка. – Они сказали, что у нас игра такая, чтобы она повернулась к шторе, а то не

засчитают. Она и отвернулась. Тогда они связали мне руки и увели. Интересно, она до сих пор смотрит на штору, или заметила, что меня нет?

– А меня подкараулили в подъезде, – поделился Колян, – не учли мы, что, пока идет бой, нужно охранять друг друга. Вот они и ловили нас поодиночке.

Через некоторое время раздался лязг запора, Клоп распахнул дверь и в камеру протиснулся Рыжий с жестяным тазом на вытянутых руках. Он звонко грохнул таз о цементный пол, так что оттуда слегка плеснула жидкость.

– Мы не звери, – провозгласил он, – мы своих пленников кормим. Всё, как положено арестантам, черный хлеб с чистой водой. Хлеб черствый был, мы его в тазике замочили. По куску хватит на всех. – Он слегка пнул таз ногой.

– Я так понимаю, руки опять развязывать не собираетесь? – усмехнулся Колян.

– Не-а. Гера сказал, пленников нужно уважать. Даже свиньи едят без рук, из корыта. А вы что, хуже свиней? Справитесь, – он повернулся и хлопнул дверью.

Колян, у которого ноги были связаны у щиколоток, мелкими шагами подобрался к тазу с огрызками, плавающими в подозрительной жидкости. Похоже, ему хотелось бы зафутболить щедрое угощение подальше, но Сева успел его остановить:

– Пока мы здесь, не стоит захламлять нашу тюрьму еще больше, тут итак не слишком уютно.

– Сейчас-то мы ещё не слишком голодные, а если пройдет время, и мы хорошенько проголодаемся, не захотим ли мы отведать этих помоев? Может быть лучше опрокинуть эту гадость, пока не поздно?

– Не волнуйся, они же нас отпустят вечером. До этого времени как-нибудь уж выдержим. – Сева подошел к запертой двери и громко постучал в неё ногой:

– Эй, вы там! Забирайте свои помои, как-нибудь обойдемся без вашего угощения.

Им никто не ответил. Колян подошел и постучал еще громче, но ответа опять не было. Похоже, что тюремщики их заперли и ушли. Сашка и Яша всё это время что-то степенно обсуждали и почти не обратили внимания ни на визит Рыжего, ни на действия друзей.

Через некоторое время снова загремел замок, это пришли за Серёжей и Севой, распутали им ноги и вывели из подвала. Руки, на всякий случай, развязывать не стали. Серёжу охраняли Фитиль с Бочкой, а Севу – Лысый и Рыжий. Серёжу повели налево, Севу – направо. И Фитиль, и Бочка выглядели вполне по-пиратски, у одного был перевязан правый глаз, у другого – левый. То ли это сделали для конспирации, то ли их по одному подкарауливал Андрюха. Клоп, у которого глаз теперь тоже заплыл, остался сторожить у закрытой двери, а Гера где-то вершил свои начальственные дела.

Оказалось, что Серёжу, да, наверное, и Севу, вели домой. Они, как побежденные, должны были выплатить контрибу-

цию, дань за своё поражение. А что? Ведь так и договаривались.

Фитиль, едва переступив порог, прихватил своей клешней, на которую теперь была похожа его двупалая рука, уже початую бутылку подсолнечного масла. Для тетки, пояснил он. А Бочке понравилась готовальня. Чертить он, конечно, не умел, да и Серёжа тоже, но никелированные инструменты были красивы, глаз не отвести.

– Готовальню нельзя, – возразил Серёжа, – она не моя. Ты, ведь, меня победил, а не папу, попробовал бы ты с ним сразиться!

– Фиг с ней, – неохотно согласился Бочка, – но этот золотой паровоз, хотя бы, твой?

– Паровоз будет мой после дня рождения. Мне папа его мастерит, а пока он его еще не доделал. Только корпус готов, папа спаял его из желтой жести и вчера поставил колеса. Но внутри еще нет мотора, можешь сам открыть и посмотреть.

– Я согласен и без мотора, – ответил Бочка и взял паровоз подмышку.

– Это не по правилам, – возразил Серёжа. – Паровоз пока не мой, папа его еще не подарил. Придет сегодня с работы, что я ему скажу?

– А это совсем не мое дело, – вежливо улыбнулся Бочка. – И ваши правила никому не нужны, забудь их. Гера сказал, что мы теперь победители и сами придумываем законы. Какие захотим, такие и будут.

Они вышли из дома и направились к подвалу, Серёжа в центре, Бочка и Фитиль по бокам. Гера прав, подумал Серёжа, мы и сами собирались придумать новые законы, когда победим. Только пока еще ни до чего не додумались. А Гера, значит, сообразил.

– Какие же теперь законы? Поделись, Бочка, мне любопытно. – Поинтересовался Серёжа.

– А тебе их знать не обязательно, – важно ответил Бочка, – это секрет.

– Не пори ерунды, Бочка. Законы тайными не бывают. Как можно выполнить закон, если не знаешь, что можно, а что нельзя?

– Я, ведь, тебе уже объяснил. Ты что, совсем глупый? Гера сказал, что у нас теперь будут такие законы, какие сами захотим. Может быть, я захочу, чтобы ты сейчас не шел ногами, а полз по-пластунски. И ты поползешь, для тебя это будет закон. Но я пока еще не захотел, больно мне нужно за тобой плестись, как за черепахой. Поэтому закон еще не существует. А как я могу тебе объявить закон, которого нет?

Ну и Гера, поразился Сережа, такое придумать! Когда прав никаких нет, получается, и в самом деле законы ни к чему. Он невольно поежился.

Когда они вернулись к месту заключения, Сева уже был там. Судя по разбитой губе и разорванной рубашке, он был более решителен, чем Серёжа и, как выяснилось, ничего не отдал. Он здорово умел драться ногами и Лысому с Рыжим,

наверняка, тоже досталось. Сейчас их не было, они повели Сашку расплачиваться за проигрыш немецкими игрушками. У Сашки не убудет, у него этих игрушек полно.

9. Один против всех

Андрюха сдаваться не собирался. Был он вовсе не один, ему помогали соседские малыши, и не только из их двора, но также из двора Геры. Они разузнали, где скрывается Жадюга и привели его к Андрюхе, чтобы вместе спасти Алёну.

Её, разъярил Жадюга, поместили в карцер. Но это Гера так говорит – карцер, а на самом деле в уличный люк, под чугунную крышку. В люк стекает дождевая вода, Алёна там держится за поручни, еле хватая воздух ртом. Гера разрешил ей писать туда, сколько пожелает. Жадюга напоследок успел шепнуть Алёне, что вернётся и обязательно её спасет, а на обратном пути незаметно сбежал от Геры. Но им с Андрюхой следует спешить, люк тяжелый и сдвинуть его трудно. Он пытался, раздобыл ломик, но и ломик не помог. Надо попробовать вдвоём.

Андрюха тут же последовал за Жадюгой, а сзади семенили первоклашки. По пути Жадюга описал, как это случилось с Аленой:

– Нашла коса на камень. Гера к ней всячески придирался. Другим разрешал расположиться на скамейке, а ей не позволял даже сидеть на корточках. То Бочка, то Рыжий специально дежурили. Ваши пацаны вначале поорали, а потом Яша придумал перевернуть скамейку вверх ногами, чтобы никто не сидел.

– Что ж Гера на нее взъелся-то, – не понял Андрюха.

– Тоже мне, тайна, – хмыкнул Жадюга, – втюрился он в нее, вот и всё!

– Подумаешь, – пожал плечами Андрюха, – да от неё каждый второй тащится, и что?

– А то, что Алёна держалась с ним, как с мелкой сошкой, каково это ему?

– Ну да, ведь Гера весь переполнен собственным достоинством, оно у него даже из ушей капает – усмехнулся Андрюха.

Люк был во дворе Алых, его никто не охранял и они сразу же кликнули Алёну. Та ответила, что жива, но жутко замёрзла. Ломик позволил только чуть приоткрыть люк, и малыши сунули в щель свои деревянные сабли, чтобы остался зазор. Потом Андрюхе удалось протолкнуть в брешь деревянную битую, которой он успел заpastись. Жадюга наступил на битую, получился рычаг, люк приоткрылся, и только тогда Андрюха смог сдвинуть крышку.

Алёна имела вид замученной лягушки и дрожала так, что от нее, казалось, исходил ветер. Поэтому её проводили домой, где она вытерлась насухо и переоделась. Потом отправились в свой штаб, куда прежде, в одиночку, Андрюха заходить не решался. Там уже, конечно, побывали гости. Взять у них было нечего, но журнал отряда смяли и бросили на земляной пол, а старенькое полотенце, которое Сашка выпросил у матери, завязали узлом и смочили чем-то противным.

Трое против шести, если считать, что Жадюга теперь свой. Нужно действовать хитростью. Жадюга еще не привык думать самостоятельно и молчал. Алёна твердила только, что завтра, в новой игре, она с ними посчитается, но с этим был не согласен Андрюха. Он с ними вообще никогда играть не собирался, даже, когда вырастет большой. Кроме того, у него была идея, и здесь ему должны были помочь его верные малолетки. Они были нужны Андрюхе, как разведчики.

Малыши следили за передвижениями Геры и караулили у всех его излюбленных мест. Андрюха выжидал удобный момент, а пока добыл в школе бутылку чернил, которыми в то время заполняли чернильницы. Ручки тогда были перьевые. А Гера на малышей внимания не обращал.

Ждать пришлось недолго. Вскоре Гера вышел из своего штаба вместе с Яшей, которому и руки не подумали связать, потому что Яша драться не любил и не умел, его никто не боялся. Наверняка, Гера будет требовать от Яши, как от всех остальных, уплаты контрибуции. Поэтому Андрюха решил караулить Геру у Яшиного дома. От помощи Алёны и Жадюги Андрюха отказался, сказал, что справится сам.

Увидев внезапно вынырнувшего из подъезда Андрюху, да еще и без дубинки, Гера задвинул Яшу за спину, стал в стойку, а потом не спеша двинулся навстречу. В одной руке он держал битую, а другой контролировал Яшу. Тот старался не спешить, чтобы затруднить движение Геры к Андрюхе и так поддержать его морально. Андрюха молча ждал врага и ко-

гда тот поднял дубинку, брызнул ему в лицо чернила. Гера зажмурился, а Яша подошел к нему сзади и взялся обеими руками за рубашку. Поэтому у Геры создалось ощущение, что он окружен. Андрюха схватил его за вихры и неторопливо полил из бутылки всюду, где на лице еще проглядывали белые пятна кожи, и даже на уши и шею. Гера пытался закрыть глаза руками и они окрасились тоже. Он так фыркал, что немного досталось и Андрюхе с Яшей. На этом схватка и закончилась.

Постояв некоторое время неподвижно, Гера чуть приоткрыл глаза и медленно, вытягивая перед собой руки, поковылял к своему дому. Андрюхе и Яше тоже нужно было отмыться, но, к счастью, всё произошло в Яшином подъезде. Кое-какие пятна все-таки остались, но это не шло в сравнение с Герой, который полностью превратился в синекожего с черным оттенком.

– Наверное, это и называется иссиня-черный, – предположил Яша.

– Так оно и есть, – не возражал Андрюха. – Пойдем, обрадуем Алёну.

– Ого, ты спас Алёну?

– Мы вместе спасали, и я и Жадюга, да и малыши помогали.

– То-то Жадюга уговаривал Алых оставить её в покое. Гера тогда чуть его не прибил. Только я не понял, зачем ты Геру чернилами заляпал.

10. Освобождение

Алёна, узнав подробности, тоже не поняла смысла чернильной атаки, чересчур как-то несерьезно и совсем не похоже на Андриюху.

– Ну да, отомстил, так ему и надо. Но только нам от этого не легче.

– Как это не легче, проблема почти решена. С такой мордой он нигде показаться не сможет, будет сидеть дома.

– На одного противника меньше? – сообразил Яша.

– Почему – на одного? Без Геры они – ничто. Как он будет ими командовать? Змея без головы извивается, но не кусает. – Андриюха вопросительно глянул на Жадюгу. – Смогут они сражаться без Геры?

– Передерутся, пожалуй, – прикинул Жадюга.

Мобильники в то время еще не изобрели.

– Тогда пойдем прямо сейчас, нашим там совсем не сладко, – заторопилась Алёна.

– Пойдём, пойдём, – загалдели коротышки, – прямо сейчас.

И они вчетвером, но без малышей (мало ли что), двинулись в путь. Оружия с собой не взяли, Андриюха надеялся договориться. У входа в подвал, уже на улице, были слышны нервные крики, похоже, что тюремщики ссорились. Они, наверняка, чувствовали себя неудобно. Гера куда-то пропал,

плана действий нет, единственное приличное помещение занято пленниками, охранники толпились около закрытой двери, в полутьме, а там даже сесть было некуда.

Но начать переговоры удалось не сразу. Алые главное внимание сосредоточили не на Красных, а на Жадюге.

– Предатель!

– Гнида!

– Мы были, как братья.

– Что молчишь, перетрусил?

– Вот узнает Гера, наплачешься.

Алёна попыталась растолковать им, что Жадюга уже под их защитой и зовут его теперь Вадик. А на Геру надеяться нечего, они его долго не увидят, он уже вне игры. Но ей они не слишком доверяли, и сосредоточили внимание на Яше, который видел Геру последним. Яша пожал плечами и отвернулся, показывая, что беседовать с ними не намерен.

– Я мог бы всё растолковать, – предложил Андрюха. – Фитиль, хочешь со мной побеседовать? Или ты, Бочка?

– Мне объясни, – отчаянно пискнул Клоп из-за спины Бочки, и неуверенно прикоснулся к подбитому глазу.

– Не трусь ты, – успокоил его Андрюха. – Наступает вечер, сражение закончилось. Вы правила забыли, что ли? Мы совсем без оружия, вы не заметили?

– А Гера что говорит, ты его видел? У нас, ведь, правила теперь другие.

– Слышал я ваши смешные правила, что захотел, то и за-

кон. Но это, если захотел Гера. А если Геры нет? Фитиль хочет одно, Рыжий – другое. Драться начнете? Ну, начинайте. А Геру вашего я, конечно, видел, спросите у Яши. Ты же знаешь, Яша никогда не врет.

– Геру вы теперь не увидите недели две или три. Потому что он теперь так выглядит, что на людях лучше не показываться. – Разъяснил Яша. – Можно сходить к нему домой, полюбоваться, он же рядом живет.

– Домой к нему нельзя, Гера запретил, – пояснил Вадик, бывший Жадюга.

Алые затравлено переглянулись и щеки их окрасились в алый цвет, особенно у Рыжего.

– Но он живой, точно? – неуверенно спросил Клоп у Андрухи.

– Что мы фашисты, мы – Красные. Игра окончена, открывайте замок, да поскорее.

– А как только откроете, – зловеще прошептала Алена, – дуйте отсюда и не оглядывайтесь. Потому что сейчас появятся ваши арестанты и мало вам не покажется.

Узники с нетерпением слышали эти переговоры и поняли, что свобода близка. Всего один день заточения, а казалось, что этому не было начала. Открыть огромный висячий замок, однако, оказалось невозможно. Ключ от штаба был у Геры, он никому его не доверял. Выпроводив недавних врагов, все столпились у замка. Сейчас бы пригодился ломик, но его оставили в нашеубежище. В это время сверху скатились ма-

лыши. Они караулили у входа и, увидев бегство Алых, бросились в подвал. Больше того, они, оказывается, прихватили с собой и ломик. Поэтому дверь не выдержала и все ощутили тяжелый запах каземата.

Даже Алёна и Яша, которые там уже побывали, были под впечатлением от зловония. Друзей освободили от веревок и вывели на свежий воздух. Теперь все поняли, что играть в войну не так интересно, как им казалось прежде. Победить очень трудно, проиграть – ужасно, а быть победителем противно. Потом они долго обсуждали, не стоит ли всем детям пройти практические занятия по тюремным ощущениям. Тогда бы уж точно никто не согласился податься в бандиты, предатели или воришки. Идея эта моментально понравилась малышам, и они готовы были арестоваться хоть прямо сейчас. Но реализовать задумку не при шлось. Яша считал, что это не поможет и Вадик, бывший Жадюга, его поддержал. Люди не всегда выбирают сами, иногда выбирают за них. И Красным тоже не стоит слишком уж гордиться своим громким голосованием. Когда все уж чересчур согласны, что-то может быть не так. Иногда один стоит всех.